

ВОСПОМИНАНІЯ

Ф. Ф. ВИГЕЛЯ.

ВОСПОМИНАНІЯ

Ф. Ф. ВИГЕЛЯ.

ЧАСТЬ ТРЕТЯ.

~*~*~*~

МОСКВА.

Въ университетской типографіи.
(КАТКОВЪ и К^о.)

1864.

Дозволено цензурою, 8-го іюля 1864 года.

I.

По прївздѣ въ Петербургъ, въ болѣзненномъ состояніи духа и плоти, прежде всего искалъ я отрады, зная что ею начнется исцѣленіе и тѣлеснаго моего недуга. Для того взѣхалъ я прямо къ Блудову, увѣренъ будучи, что онъ не поскучаетъ ни хандрой моею, ни лихорадкой, и въ томъ не ошибся. Его нравъ не переставалъ быть живымъ и веселымъ, а сердце сострадательнымъ. Въ началѣ предыдущаго года имѣлъ онъ горестъ лишиться обожаемой матери и почти въ то же время утѣшеніе наследовать довольно богатому дядѣ. Это давало ему возможность къ другимъ похвальнымъ или любезнымъ качествамъ присоединить и гостепріимство. Онъ послалъ за врачомъ своимъ, Англичаниномъ Беверлеемъ, заставлялъ самого меня смѣяться надъ мрачными моими мыслями, и дня въ три или четыре все у меня прошло, какъ будто ни въ чемъ не бывало.

.....

Многіе годы прошли, люди исчезли, страсти погасли, и теперь можно съ нѣкоторою справедливостію судить о тогдашнихъ происшествіяхъ. Франція, воинственная и блестящая, хвастливая и заносчивая, была постоянно предметомъ страха и зависти всѣхъ сосѣдей своихъ, Австріи, Великобританіи и Испаніи, германскихъ и италіянскихъ владѣтелей. Окруженная со всѣхъ сторонъ естественными врагами, она весьма благоразумно и успѣшно искала всегда со-

юзниковъ въ отдаленныхъ отъ нея странахъ, въ Швеціи, въ Польшѣ и въ Турціи. Изъ-за нихъ встало неслыханное государство, по обширности своего размѣра и по быстротѣ своихъ успѣховъ, можно сказать, невиданное въ мірѣ. Менѣе чѣмъ въ полвѣка, оно заступило мѣсто всѣхъ старыхъ союзниковъ Франціи, унизивъ одного, уничтоживъ другаго, обезсиливъ третьяго. Прежнее французское правительство не могло еще понять важность значенія Россіи: въ горячкѣ, въ бѣшенствѣ своемъ, революція слѣпо вооружалась, безъ разбора, противъ всѣхъ монархій; но когда, уставъ отъ судорожныхъ усилій, она подчинилась порядку, то воинственный геній, его водворившій, не довольствуясь силою оружія, призвалъ на помощь и политику для обузданія мятежнаго духа, ею распространеннаго. Орлинымъ взглядомъ своимъ Наполеонъ увидѣлъ первый всю выгоду для Франціи союза съ Россіей: самодержавіе на сѣверѣ плѣняло его властолюбивый умъ, онъ искалъ сближенія, и императоръ Павелъ, передъ смертію, раздѣлялъ уже величіе его замысловъ. Сильное вліяніе Англіи раскѣло сей едва завязанный узелъ; кротость Александра, его желаніе мира и добра отдаляли его отъ честолюбца; но сей послѣдній не упустилъ случая, чтобы возстановить съ нимъ согласіе. Наканувъ Аустерлица онъ еще мирволилъ и просилъ о свиданіи; и наконецъ получилъ его въ Тильзитѣ.

Кто былъ свидѣтелемъ тайной бесѣды на роковомъ поромѣ? О какъ любопытенъ былъ сей разговоръ, когда въ состязаніи были съ одной стороны вся прелесть паружности, благородство осанки, нѣжность голоса, тонкость и гибкость ума, однимъ словомъ, почти женская привлекательность, которая покоряла сердца подданныхъ и чужеземцевъ; а съ другою—италіанская хитрость, прикрытая солдатскою откровенностію, почти сверхъестественная сила убѣжденія и очарованіе великаго имени. Ужасная буря породила сильнаго человека, который усмирилъ ее; оковавъ мятежъ, онъ превратилъ его въ какое-то славобѣсіе; болѣе десяти лѣтъ ужасомъ своего имени наполнялъ онъ Европу; казалось, сами небеса изъ ада на землю вызвали его какъ исполнителя ихъ воли, и онъ стоялъ лицомъ къ лицу передъ Александромъ. При его появленіи, въ виду его, сей громовержецъ погасилъ свои перуны, и руку, которая за мигъ до того держала ихъ, протянулъ къ нему почтительно и дружелюбно. Кто бы устоялъ

противъ того, особливо въ минуту явной опасности? Не трудно было Наполеону доказать сколь выгодна могла быть для Россіи дружба съ нимъ, то-есть съ Франціей, коей былъ онъ тогда главою, представителемъ и выраженіемъ. Это такая истина, которую въ послѣдствіи одно только безпримѣрное его властолюбіе могло сдѣлать сомнительною, но которой люди съ здравымъ смысломъ всегда вѣрили и нынѣ менѣе нежели когда оспариваютъ. „Доселѣ былъ одинъ Наполеонъ, отнынѣ да будетъ ихъ двое, вѣроятно сказалъ онъ; соединивъ свои силы, довершать они покореніе свѣта, и потомъ общими же силами, среди всеобщаго мира, будутъ пещись объ устройствѣ всеобщаго благоденствія.“ Признаюсь, я еще и понынѣ вѣрю чистосердечію обоихъ договаривавшихся государей: при произнесеніи клятвы въ вѣчной любви, кто думалъ о ея нарушеніи и кто не нарушалъ ее? Хотя Европа не берлога, однакоже трудно было медвѣдю долго ужиться въ ней со львомъ: но все-таки наконецъ медвѣдю удалось задушить его.

Подражаніе обычаямъ или одѣванію какого-нибудь народа всегда въ Россіи есть вѣрнѣйшій признакъ добраго съ нимъ согласія. Уже съ сентября мѣсяца начали всю гвардію перодѣвать по-французски; въ слѣдующемъ году сдѣлано это и со всею арміей. Дотолѣ слѣдовали простотѣ австрійскихъ мундировъ; исключая бѣлаго плюмажа на шляпѣ, ничто не отличало генерала отъ простаго офицера; тутъ шитые и эполеты, все богаче по мѣрѣ возвышенія въ чинахъ, начали обозначать каждый изъ нихъ. Косы обрѣзаны, пудра и помада брошены и оставлены гражданскимъ чиновникамъ, которые также начали употреблять ихъ только при мундирахъ и въ дни пріѣзда ко двору. Всѣ военные люди были вытянуты, затянуты, такъ что инымъ трудно было дышать: новый покрой сдѣлалъ одежду ихъ просторнѣе и далъ полную свободу ихъ тѣлодвиженіямъ. Они и этимъ были недовольны: въ новыхъ мундирахъ своихъ видѣли французскую ливрею, и съ насмѣшливою досадою поглядывая на новое украшеніе свое, на эполеты, говорили, что Наполеонъ у всѣхъ русскихъ офицеровъ сидитъ на плечахъ.

Можно себя представить какъ все это было больно для петербургской знати, заимствовавшей всѣ повѣрія свои отъ эмигрантовъ; съ какою явною холодностію знать эта, вся проникнутая легитимизмомъ, принимала прислан-

наго отъ Наполеона на первый случай Савари. Въ разсужденіи его исполняла она всѣ обязанности общежитія, платила ему визиты, приглашала его на всѣ большіе званые вечера свои, но обходилась съ нимъ съ тою убійственною учтивостію, въ которой она такая мастерица и которой тайна ей одной извѣстна.

Упрекнуть его было не въ чемъ; онъ все переносилъ съ терпѣніемъ и старался быть любезенъ. Въ одномъ только знатномъ домѣ былъ онъ принятъ съ отверстыми объятіями: старуха княгиня В., вдова генераль-прокурора, выдавшая двухъ дочерей за посланниковъ неаполитанскаго и датскаго, всегда любила безъ памяти иностранцевъ и въ особенности Французовъ, и для нихъ былъ у нея всегда притонъ.

Родною племянницею этой княгини была Александра Петровна Х—ва, о которой говорилъ я въ концѣ второй части сихъ записокъ. Несмотря на свой патриотизмъ и легитимизмъ, въ угожденіе тетקי, должна была она принимать Савари и его свиту; впрочемъ, съ живостію ея ума и характера, и ей самой любопытно и пріятно было ихъ видѣть у себя. Тутъ имѣлъ я случай ихъ встрѣчать, и могу сказать нѣсколько словъ объ нихъ. Умнѣе всѣхъ былъ конечно ле-Лорнь (le Lorgne), который въ видѣ путешественника бывалъ уже въ Россіи, жила въ Москвѣ и выучился немного по-русски. Онъ былъ малый лѣтъ тридцати, ловкій, смѣлый, даже иногда наглый, и вмѣстѣ съ тѣмъ вкрадчивый; такіе люди вездѣ или вламываются или пролѣзаютъ. Замѣтно однакоже было, что ласковый приемъ, сдѣланный ему до того въ Россіи, сильно на него подѣйствовалъ, и что онъ искренно любилъ ее: а со всѣмъ тѣмъ охотно пожертвовалъ бы ея кумиру Франціи: онъ одинъ, кажется, у Савари занимался письменною частію.

Благороднѣе всѣхъ именовъ и осанкой былъ Монтекиу-Фезенсакъ, ведущій родъ свой отъ Луна, герцога Гасконскаго, слѣдственно отъ Карловинговъ. Примѣсью такихъ людей Наполеонъ любилъ скрашивать свои полки и миссіи.

Всѣхъ красивѣе собою былъ молоденькій Талуэтъ. Онъ вмѣстѣ съ другимъ, Фодоасомъ, принадлежалъ къ новой республиканско-имперской аристократіи, то есть они оба были сыновья во время революціи чрезмѣрно обогатившихся плембеевъ. Оба сіи *фокриса*, невѣднѣемъ свѣтскаго обращенія, разговорами и манерами смѣшили петербургскія гостинья.

Одинъ изъ нихъ, Фодоасъ, любезничалъ разъ съ какою-то дамой, игралъ лежащимъ на ея столикѣ аметистовымъ сердцемъ, бралъ его въ ротъ и нечаянно проглотилъ его. На другой день, изверженное и вымытое сердце сіе, при учтивой запискѣ, было возвращено той, которой оно принадлежало.

Къ симъ двумъ примыкалъ еще третій молодой мальчикъ, Антоанъ, сынъ богатаго марсельскаго негоціанта и не менѣе того, по матери родной племянникъ жены Іосифа Бонапарте и Бернадотта, то есть будущихъ королей Гиспанскаго и Шведскаго. Въ это время Іосифъ былъ уже Неаполитанскимъ королемъ. Слухъ прошелъ, будто Марія Каролина, настоящая королева, находившаяся тогда въ Сициліи, не только опасно занемогла, но и скончалась. О томъ неосторожно сказали при Антоанѣ, который, полагая что рѣчь идетъ о его теткѣ, счелъ долгомъ притвориться падающимъ въ обморокъ. Все это чрезвычайно забавляло знатныхъ, которые насмѣшками надъ цвѣтомъ юности, неудачно присланнымъ Наполеономъ, думали мстить ему за его славу.

Какъ странно было видѣть сихъ обращиковъ новопанцузскаго двора, встрѣчающихся у X—вой съ Лагардами, Дамасами и другими молодыми роялистами древнихъ фамилій, офицерами въ русской гвардіи! Послѣдніе даже въ общемъ разговорѣ старались, чтобъ однимъ словомъ не задѣть кого-нибудь изъ этой ротюры: одинъ только дерзкій Растиньякъ подступилъ разъ къ Монтекию и громко спросилъ его: при комъ онъ камергеромъ, при Бонапарте или при женѣ его? Тотъ скромно отвѣчалъ: „при императрицѣ.“

Попытку X—вой соединить у себя тѣхъ и другихъ Французовъ одобрить нельзя. Сама она часто не могла утерпѣть, чтобы не оказать предпочтенія прежнимъ своимъ знакомымъ и не похвастать иногда славой своею Россію, когда наполеонисты слишкомъ завирались о его безсмертіи. Съ другой стороны роялисты и многіе Русскіе съ смертельною досадою должны были бесѣдовать съ тѣми, коихъ почитали сволочью и коихъ по неволѣ встрѣчали только среди толпы въ большихъ собраніяхъ. Едва прошла осень и наступила зима, какъ тѣ и другіе ее покинули, и одни только искренніе ея друзья остались постоянными и вѣрными ея посѣтителями.

Кажется, Наполеону хотѣлось, оказавъ Россію первую учтивость, показать съ тѣмъ вмѣстѣ и преимущество свое надъ

нею. Для того прислалъ онъ Савари съ одними комплимен-
тами, безъ всякаго уполномочія, и ожидалъ, прежде назначе-
нія къ намъ чрезвычайнаго посла, чтобы кто-нибудь отъ
насъ въ семь званіи къ нему былъ отправленъ. Выборъ палъ
на графа Петра Александровича Толстаго, преждебывшаго
петербургскаго военнаго губернатора, но оставившаго сію
должность чтобы подвизаться на войнѣ. Его любили и ува-
жали; но согласившись ѣхать посломъ въ Парижъ, онъ сдѣ-
лался виновнымъ въ мнѣніи публики. Плохая эпитаграмма въ
дурныхъ французскихъ стихахъ, ходившая по городу, была
его выраженіемъ.

. . . . .

Суцая несправедливость! Графъ Толстой былъ человекъ
усердный, вѣрный, на котораго совершенно положиться было
можно: Русскій въ душѣ и Русскій по уму, то-есть, какъ
говорится, изъ просту лукавъ. Такіе люди, съ притворною
разсвѣянностію, какъ бы ничего не помня, ничего не замѣчая,
за всѣмъ слѣдятъ глазомъ зоркимъ и наблюдательнымъ и ни
на минуту не теряютъ изъ вида пользы и чести своего оте-
чества. Кажется, у насъ въ Россіи изстари велось, чтобы
мужи, предназначающіе себя на великіе подвиги, болѣе или
менѣе на себя накидывали какое-то юродство. Стоить толь-
ко вспомнить Суворова, который въ семь родѣ былъ не пер-
вый и въ наше время не одинъ. Тутъ есть что-то похожее
и на Брута, и на Сикста Пятаго.

По прибытіи въ Парижъ, графъ Толстой нашелъ пригото-
вленное уже для него жилище. Слѣдуя системѣ прельщеній
съ Россіей, Наполеонъ купилъ Огель-Телюсонъ, довольно
большой и красивый домъ, въ лучшей части города, съ пре-
краснымъ садомъ его отъ улицы отдѣляющимъ, и отдалъ его
русскому посольству. Мы не могли остаться въ долгу и хотѣли
заплатить съ лихвою: и для того, только что отдѣлан-
ный, великолѣпный домъ князя Волконскаго, на Дворцовой
набережной, за дорогую цѣну купленъ въ казну для ожидае-
маго Коленкура.

Пріѣздъ его въ январѣ мѣсяцъ былъ сигналомъ отъѣзда
для Савари съ компаніей. Почти всѣ полагали, что нестерпи-
мая спѣсь Коленкура была слѣдствіемъ данныхъ ему наста-
вленій. Я совсѣмъ другаго мнѣнія: этотъ человекъ былъ про-
сто дерзкій холопь, который, гордясь успѣхами, могуществомъ
своего господина, какъ всѣ низкія души, забывался въ сча-

стии. Можетъ-быть, по примѣру Савари, приготовленный къ холодному приему отъ общества, онъ съ перваго шага хотѣлъ предупредить его своею надменностію. Доказательствомъ что раздраженіе противъ себя Русскихъ не могло входить въ намѣренія Наполеона служить то, что предтеча Коленкура, Савари, и преемникъ его, Лористонъ, всегда оказывали, первый величайшую терпѣливость, послѣдній—умѣренность и скромность въ сношеніяхъ съ дворомъ и вельможами, даже тогда, какъ все клонилось къ совершенному разрыву съ Россіей.

Цѣлыя пять лѣтъ съ сентября 1802 года, министерство, прозванное англійскимъ, управляло государственными дѣлами. . . . . Въ продолженіе послѣднихъ четырехъ мѣсяцевъ 1807 года министерство измѣнилось и возобновилось почти въ цѣломъ составѣ своемъ.

Началось съ министра финансовъ, почтеннаго графа Васильева. Онъ бы не удался, и его бы не отпустили: онъ былъ еще не слишкомъ старъ, но изнуренный долготѣнными трудами и опытный въ дѣлахъ, онъ можетъ-быть съ трепетомъ смотрѣлъ на приближающееся несогласіе съ Великобританіей, царицей торговли, и чувствовалъ, что затрудненія, въ которыя оно его поставитъ, будутъ превыше силъ его. Счастіе сопутствовало ему всегда въ жизни и не покинуло его при концѣ ея: ибо что можетъ быть счастливѣе какъ вовремя умереть? Онъ скончался въ концѣ августа, а въ половинѣ сентября объявлена война Англійи. Бремя имъ носимое само собою легло на давно уже подставившаго подъ него рамена свои, племянника его, Теодора Александровича Голубцова, и черезъ два года потомъ его раздавило.

За годъ до-того, князь Чарторыйскій, уступая силѣ общаго мнѣнія, долженъ былъ портфель иностранныхъ дѣлъ передать нѣкому барону Будбергу: не покидая однакоже государя, онъ тайно оставался главнымъ совѣтникомъ его въ дѣлахъ дипломатическихъ. Этотъ Будбергъ былъ, кажется, лицо совсѣмъ безъ фисіономіи. При воспитаніи императора Александра, находился онъ въ числѣ наставниковъ, и объ немъ ничего не говорили. Потомъ еще при Екатеринѣ былъ онъ назначенъ посланникомъ въ Стокгольмъ и тамъ ничего не умѣлъ сдѣлать, даже сосватать великую княжну Александру Павловну за шведскаго короля; его однакоже не отозвали. Безъ особыхъ милостей и безъ гоненій отъ Павла, оставался онъ при немъ на прежнемъ мѣстѣ почти въ забвеніи. Въ 1802

году попытались было сдѣлать его петербургскимъ военнымъ губернаторомъ; мѣсяца два или три мѣсто сіе оставалось какъ будто вакантнымъ, объ немъ и помину не было, и его опять назадъ отправили въ Стокгольмъ. . . . .
Его вызвали оттуда въ 1806 году, чтобы дать ему названіе министра иностранныхъ дѣлъ. Съ симъ званіемъ случился онъ въ Тильзитѣ при переговорахъ, и неумышленно, безвинно подписалъ мирный трактатъ; и за то никто не думалъ на него сердиться и поносить его, а вся досада обратилась на бывшего тутъ, также случайно, русскаго князя. Трудно опредѣлительно сказать что-нибудь насчетъ характера такого человѣка, который сквозь столь важныя мѣста и событія прошелъ невидимкой: судя по догадкамъ можно себѣ вообразить его Нѣмцемъ, довольно образованнымъ для того времени, гдѣ нужно искательнымъ, терпѣливымъ и молчаливымъ, и слѣдственно по наружности глубокомысленнымъ. . . . .

Мѣсто Нѣмца Будберга занялъ Русскій съ громкимъ именемъ, высокою образованностію, благородною душою, незлобивымъ характеромъ и съ умомъ, давно ознакомленнымъ съ дѣлами дипломатическими и ходомъ французской революціи. И единоземцы его громко возроптали на то: я не осуждаю ихъ; сердце у Русскихъ наболѣло отъ двухгодоваго стыда, и все приводило его въ раздраженіе; они безъ ужаса не могли видѣть сына знаменитаго ихъ полководца усерднымъ посредникомъ Россіи съ похитителемъ ея славы. Самое даже согласіе графа Николая Петровича Румянцова на принятіе званія министра иностранныхъ дѣлъ показываетъ въ немъ сильный духъ, готовый, со вступленіемъ въ должность, вступить въ борьбу со всеобщимъ мнѣніемъ, самоотверженіе, съ которымъ онъ въ настоящемъ жертвовалъ собственною честью для будущей пользы своего отечества. Время конечно показало, что онъ обманывался, но кто изъ подвизавшихся тогда, въ концѣ 1807 года, не былъ обманутъ, не исключая даже самихъ Александра и Наполеона? Онъ смотрѣлъ не съ той точки зрѣнія какъ высшая и низшая публика, и обѣими былъ не понятъ. Уже вѣрно Румянцовъ не могъ быть подкупленъ золотомъ, онъ, который, живши всегда умѣренно, расточалъ его единственно на умноженіе просвѣщенія въ Россіи: и онъ бы сталъ измѣнять ей! Такъ что же? онъ былъ очарованъ величіемъ дотолѣ врага и вдругъ ревностнаго

союзника Россіи, онъ былъ увлеченъ плѣнительною мыслию о великомъ союзѣ сѣверовостока съ югозападомъ, предъ коими все должно было покориться: такъ ошибаются только люди съ необыкновенною душою.

До того еще, безпрестанныя шутки Александра Львовича Нарышкина насчетъ графа Румянцова много повредили ему въ мнѣніи свѣта. Тетка его, Анна Никитишна, была замужемъ за дядею Нарышкиныхъ и полученное отъ мужа имѣніе во вдовствѣ хотѣла отказать своему племяннику: изъ того вышелъ процессъ, который наконецъ Нарышкины же выиграли. Но Александръ Львовичъ никогда не могъ простить своему противнику, и вѣчно преслѣдовалъ его своими острыми насмѣшками, нерѣдко успѣвая сдѣлать его смѣшнымъ въ глазахъ людей.... Съ другой стороны зависть, которая оставляетъ въ покоѣ одну только посредственность, которая готова заглядывать въ нужныя мѣста, подслушивать холопскія рѣчи, не гнушается ничего нечистаго, чтобъ осквернить имъ уважаемыхъ людей изощряла противъ него свое жало и приписывала ему какія-то слабости, противныя нравственности. На каламбуры Нарышкина не всегда удачныя, на клевету мірскую, какъ бы не вѣдая о нихъ, отвѣчалъ Румянцовъ одними великими, безпримѣрными въ Россіи дѣлами: снаряжалъ на свой счетъ корабли и для открытій отправлялъ ихъ вокругъ свѣта, съ издержками и трудами отыскивалъ и собиралъ любопытныя, отечественныя древнія рукописи и хартіи и посредствомъ великолѣпныхъ изданій дарилъ ими читающую публику, заводилъ для всѣхъ открытыя бібліотеки, учреждалъ музеи. Содѣянное имъ блеситъ на Англійской набережной въ Петербургѣ и лучше меня оправдаетъ его предъ потомствомъ.

Въ началѣ второй части сказалъ я, что онъ былъ министромъ коммерціи: сдѣлавшись министромъ иностранныхъ дѣлъ, сохранялъ онъ два года оба министерства, доколѣ первое не было упразднено. Предмѣстникъ его, Будбергъ, до того утрашился одного имени министра, что спѣшилъ выпросить себѣ въ товарищи сына покровителя своего, фельдмаршала Николая Ивановича Салтыкова, Александра Николаевича, зятя графа Головкина: объ немъ я также говорилъ въ своемъ мѣстѣ. По родственнымъ связямъ съ Нарышкиными былъ онъ въ числѣ недоброжелателей Румян-

цова, который нашелъ его въ министерствѣ. По великому тогда кредиту сего послѣдняго, стоило ему только изъяснить желаніе удалить отъ себя сего товарища, чтобъ оно было исполнено. Онъ того не сдѣлалъ, оказывалъ уваженіе и довѣренность Салтыкову и великодушіемъ старался, но не успѣвалъ обезоруживать своихъ непріятелей.

На сіи перемѣны могъ я смотрѣть равнодушно, скоро однакоже должны онѣ были коснуться и мѣста моего служенія. Лордъ Кочубей, который въ продолженіе пяти лѣтъ усиливался при дворѣ, расширялъ свое министерство, распространялъ свою власть, казался первымъ министромъ. Для соблюденія пристойности, чтобъ явно не измѣнить исповѣдуемымъ имъ политическимъ правиламъ, показывалъ онъ видъ недовольный, безмолвное порицаніе, не зная что и безъ того уже онъ сдѣлался не угоденъ царю. . . . .

Передъ отъѣздомъ государя въ армію, оберъ-прокуроръ Петръ Степановичъ Молчановъ, преданный Куракинымъ, отправленъ былъ въ Саратовъ по какому-то пустому дѣлу, но съ тайнымъ порученіемъ обстоятельно развѣдать о поступкахъ губернатора Бѣлякова. Подъ разными ничтожными предлогами проживъ тамъ все лѣто, онъ осенью воротился съ возомъ обвиненій и неоспоримыхъ доказательствъ хищности любимца Кочубеева. Бѣляковъ былъ призванъ въ Петербургъ и преданъ суду. Ударъ сей нанесенъ былъ самому министру, который горячо въ сіе дѣло вступился. Утверждаютъ, будто въ жару разговора съ государемъ, разгнѣванный Александръ далъ ему почувствовать что почитаетъ его прикосновеннымъ къ злоупотребленіямъ въ Саратовской губерніи; будто обиженный тѣмъ Кочубей сказалъ, „что послѣ того оставаться ему невозможно“ и получилъ въ отвѣтъ „что никто его не удерживаетъ“.

Преемникъ его былъ уже на пути изъ Полтавы въ Петербургъ. Нѣкогда Безбородко, дядя Кочубея, при Павлѣ, посредствомъ Лопухиныхъ, умѣлъ испровернуть такъ-называемую партію императрицы, Куракиныхъ, Лобановыхъ. Съ тѣхъ поръ между первымъ изъ сихъ семействъ и его племянникомъ продолжало существовать какое-то непріязненное соперничество. Князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, бывший два года при Павлѣ генераль-прокуроромъ, можно сказать генераль-министромъ, долженъ былъ при Александрѣ довольство-

ваться должностію малороссійскаго генераль-губернатора и находиться нѣкоторымъ образомъ въ зависимости отъ своего противника. Призваніе его къ занятію мѣста Кочубея показывало уже явную немилость къ сему послѣднему, который, однакоже, имѣлъ утѣшеніе видѣть, что при всеобщемъ расположеніи умовъ, безчисленность недовольныхъ смотрѣла на паденіе его какъ на торжество возрастающей французской партіи, какъ ее называли, оказывала ему участие и уваженіе и не слишкомъ спѣшила привѣтствовать восходъ Куракина. Мнѣ долженъ былъ онъ казаться радостнымъ, ибо по давнишнимъ связямъ отца моего съ старшимъ братомъ новаго министра, могъ онъ ожидать отъ него болѣе защиты и покровительства.

Въ ноябрѣ случилась сія перемѣна. Въ послѣдней половинѣ царствованія Екатерины, можетъ-быть, съ ея одобренія, все молодые люди богатыхъ и знатныхъ фамилій искали только мѣсть при дворѣ и къ занятію ихъ однихъ лишь были способны. И потому-то, князь Алексѣй Куракинъ, который изъ нихъ одинъ смолода посвятилъ себя изученію законовъ и трудностямъ гражданской службы, между ними былъ лицо замѣчательное. Въ жизни его были пятна, но да позволено мнѣ будетъ умолчать о всемъ что не клонится къ чести его.

Во время послѣдней кампаніи противъ Французовъ, императоръ собственными глазами убѣдился во многихъ беспорядкахъ по военному управленію, кои, по мнѣнію его, были причиною послѣднихъ неудачъ нашего войска: одною артиллеріей, доведенною до совершенства графомъ Аракчеевымъ, остался онъ доволенъ. Зная сколь имя сего человѣка, дотолѣ однимъ только отдѣльными частями управлявшаго, было уже ненавистно всемъ Русскимъ, но полагая что извѣстная его энергія одна лишь въ состояніи будетъ возстановить дисциплину въ войскѣ и обуздать хищность комиссаріатскихъ и провіантскихъ чиновниковъ, онъ не поколебался назначить его военнымъ министромъ. Состарѣвшемуся Вязмитинову было дѣйствительно не подъ силу занимать сію должность, когда армія умножилась сотнею тысячъ воиновъ, когда онъ не пользовался никакою довѣренностію, когда безъ малѣйшей отвѣтственности, вся власть находилась въ рукахъ у докладчика по военной части генераль-адъютанта

графа Ливена и когда, сверхъ того, подъ именемъ главнокомандующаго, взвалили на него управление столицей.

Сынъ самаго бѣднаго дворянина Новгородской губерніи, Аракчеевъ въ малолѣтствѣ отданъ былъ въ артиллерійскій кадетскій корпусъ. Одаренный умомъ и сильною надъ собою волею, онъ съ ребячества умѣлъ укрощать порывы врожденной своей злости: не только покорялся всегда высшимъ надъ собою, но, кажется, любилъ ихъ власть, видя въ ней источникъ, изъ коего единственно могъ онъ почерпнуть собственную. Не занимаясь изученіемъ иностранныхъ языковъ, пренебрегая исторіей, словесными науками, до того что плохо выучился русской грамотѣ, чуждый совершенно чувству всего изящнаго, молодой кадетъ, любя только все разчетливое, положительное, прилепился къ однѣмъ наукамъ математическимъ и въ нихъ усовершенствовался. Выпущенный въ офицеры, онъ попалъ въ артиллерійскую роту, которая находилась при наследникѣ престола въ Гатчинѣ.

Употребляя съ пользою данную ему отъ природы суровость, онъ давалъ преданности своей видъ какой-то откровенности и казался бульдогомъ, который, не смѣя никогда ласкаться къ господину, всегда готовъ напасть и загрызть тѣхъ, кои бы воспротивились его волѣ.

При вступленіи на престолъ императора Павла, былъ онъ подполковникъ: черезъ два дня послѣ того генералъ-майоръ, въ Аннинской лентѣ и имѣлъ двѣ тысячи душъ. Не доводясь обогащеніемъ, быстрымъ возвышеніемъ его, новый императоръ открывалъ широкое поле его дѣятельности, создавъ для него новую должность коменданта города Петербурга (не крѣпости) и въ то же время назначивъ его генералъ-квартирмейстеромъ арміи и начальникомъ Преображенскаго полка. На просторѣ, бульдогъ показалъ себя.

Годъ спустя, онъ былъ отставленъ и сосланъ въ деревню.

Не болѣе года оставался онъ въ ней. Онъ былъ назначенъ инспекторомъ всей артиллеріи. Мы не знаемъ причину новой немилости къ нему царя, въро-яно наговоры и происки безчисленныхъ непріятелей; только

вторично долженъ былъ онъ удалиться. Вызванный въ послѣдній разъ, онъ вѣзжалъ въ заставу столицы, когда уже окончилась жизнь его благодѣтеля.

Сельское житіе его было мучительно для несчастныхъ его крестьянъ, между коими завелъ онъ дисциплину совершенно военную. Ни покоя, ни малѣйшей свободы, ни веселія, плясокъ и пѣсней не знали жители села Грузина, нѣкогда помѣстья князя Меншикова. Вездѣ видны были тамъ чистота, порядокъ и устройство, за то вездѣ одни труды, молчаніе и трепеть. И эта каторга должна была служить послѣ того образцомъ изобрѣтенныхъ имъ военныхъ поселеній. Непонятно какъ могъ императоръ Александръ . . . . вновь избрать его начальникомъ всей артиллеріи? Не служить ли это доказательствомъ, что личностями умѣлъ онъ иногда жертвовать пользѣ службы? Войдя разъ въ частныя сношенія съ молодымъ императоромъ, онъ, лучше чѣмъ отца его, успѣлъ его обольстить своею грубою, мнимо откровенною покорностію: все убѣждало Александра въ его чистосердечіи, самый девизъ въ гербѣ, при пожалованіи ему Павломъ графскаго достоинства, имъ избранный, „безъ лести преданъ“. Онъ умѣлъ увѣрить царя, что кромѣ двухъ боговъ, одного на небѣ, другаго на землѣ, онъ ничего въ мірѣ не знаетъ и знать не хочетъ, имъ однимъ служить, имъ однимъ поклоняется.

Такой человекъ какъ Аракчеевъ безусловно не могъ принять министерства. Онъ потребовалъ устраненія графа Ливена отъ военныхъ дѣлъ, уничтоженія канцеляріи военно-походной, причисленія ея къ его собственной канцеляріи и распространенія его власти до того, чтобы сами главнокомандующіе арміями должны были принимать его приказанія. Обстоятельства ему благоприятствовали; на зло недовольнымъ, государь на все изъявилъ свое согласіе.

Чтобы хотя на время дать совершенный покой старику Сергѣю Кузьмичу Вязмитинову, освободили его и отъ главнаго начальства надъ столицей, назначивъ военнымъ губернаторомъ князя Лобанова-Ростовскаго. . . . .

Вотъ почти всѣ новыя лица, которыя явились тогда на политической сценѣ у насъ. Прежніе любимцы, мало-по-малу, одинъ за другимъ начали удаляться: Чарторыйскій уѣхалъ

въ Австрію и никогда уже въ Петербургъ не возвращался; Кочубей продалъ домъ и слѣдующею весною поѣхалъ путешествовать за границу; Новосильцовъ слѣланъ просто сенаторомъ, и получивъ безсрочный отпускъ, поселился въ Вѣнѣ; товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, графъ Павелъ Строгановъ, во фракѣ отличавшійся съ казаками противъ Французовъ, поступилъ въ военную службу генераль-майоромъ. Одинъ только Чичаговъ сохранилъ покамѣсть прежнее мѣсто.

Благоразумный Сперанскій, мѣняясь съ обстоятельствами, потихоньку, непримѣтнымъ образомъ, перешелъ изъ почитателей Великобританіи въ обожаніе Наполеона, изъ Англичанина слѣлся Французомъ. Сія перемѣна въ правилахъ и въ образѣ мыслей была для него чрезвычайно полезна, ибо еще болѣе приблизила его къ царю, при особѣ котораго единственно остался онъ статсъ-секретаремъ, получивъ увольненіе отъ должности своей въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Вскорѣ потомъ назначенъ онъ товарищемъ министра юстиціи и управляющимъ комиссіей составленія законовъ. Не въ однѣхъ двухъ должностяхъ сихъ наследовалъ Сперанскій Новосильцову, но и въ безпредѣльной довѣренности кою сей послѣдній пользовался у Александра, а слѣдующее за тѣмъ пятилѣтіе есть періодъ, который по всей справедливости получилъ его названіе.

II.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ государь поѣхалъ въ Витебскъ для осмотра большой арміи, которая воссоздавалась изъ своихъ развалинъ. Послѣ того нѣкоторая часть ея взяла направленіе къ сѣверу, но, приближаясь къ Петербургу, полки, не вступая въ него, обходомъ шли далѣе. Никто не зналъ намѣреній императора: легко сохранить тамъ тайну, гдѣ никто не ищетъ ее проникнуть, а въ это время всѣ были очень равнодушны ко всему чтò не относилось прямо къ Наполеону и его дѣйствіямъ.

Одинъ изъ сихъ полковъ былъ въ совершенномъ разстройствѣ; его остановили и спрятали въ Подгорномъ Пулковѣ, чрезъ которое Царскосельская дорога тогда еще не

пролежала: это былъ полкъ зятя моего, Митавскій драгунскій. Дѣлая ему смотръ, великій князь Константинъ Павловичъ сказалъ, что онъ отъ роду еще ничего хуже не видалъ: впрочемъ, сказалъ онъ сіе безъ гнѣва, ибо зналъ что въ совершенномъ младенствѣ, не созрѣвъ, полкъ сей ничего не дѣлалъ какъ только храбро дрался, что командуетъ имъ майоръ, что полковой командиръ еще не назначенъ, а шефъ его въ это время лежалъ безгласенъ, бездыханенъ.

Болѣзнь бѣднаго генерала Алексѣева усилилась отъ недостатка въ медицинскихъ пособіяхъ. Будучи въ Витебскѣ, государь оказалъ ему великое участіе и для излѣченія дозволилъ ему ѣхать въ Москву. Это было въ глухую осень, и я воображаю какія мученія долженъ былъ онъ выдержать дорогой, и едва ли менѣе того сопровождавшая его супруга: но въ Москвѣ ожидало его спасеніе.

Отъ послѣдняго разгрома въ Пруссіи, множество отличнѣйшихъ людей въ разныхъ родахъ спасалось въ Россію. Между ими, одинъ соединялъ въ себѣ высокое знаніе врача: долготѣнную практику съ величайшимъ искусствомъ оператора: это извѣстный Лодеръ, который находился тогда въ Москвѣ. Алексѣеву, привыкшему ходить на встрѣчу непріятельскимъ пулямъ и картечамъ, не столь страшно было подставить себя благотворному ножу Лодера, хотя сей послѣдній и объявилъ ему, что операція фистулы можетъ быть для него опаснѣе самаго сраженія и что въ продолженіи ея можетъ онъ испустить духъ. Все это перенесъ онъ съ необычайною твердостью и послѣ того скоро началъ поправляться въ здоровьѣ своемъ.

Съ симъ добрымъ извѣстіемъ пріѣхалъ ко мнѣ въ Петербургъ вдовый братъ мой Николай. Когда онъ служилъ въ Малороссійскомъ кирасирскомъ полку и жилъ въ уѣздномъ городѣ Галичѣ, то съ молодою женой часто посѣщалъ по близости губернской городъ Полтаву, мѣстопробываніе генераль-губернатора князя Куракина. Въ провинціи знатные не могутъ быть столь разборчивы насчетъ общества какъ въ столицѣ, и молодая женщина, хорошенькая и образованная, должна была казаться украшеніемъ гостиной княгини Куракиной: и оттого мужъ и жена скоро сдѣлались у нея короткими. Желая испытать, не будетъ ли новый министръ внутреннихъ дѣлъ къ нему столь же благосклоненъ, какъ былъ генераль-губернаторъ, братъ мой пріѣхалъ изъ Пензы

чрезъ Москву и явился къ нему съ покорнѣйшимъ привѣт-
ствиемъ отъ отца моего. Для себя братъ мой ничего не хо-
тѣлъ; лишившись подруги, онъ жилъ единственно для дѣтей
и для родныхъ, въ неутолимой горести его одна къ нимъ
любовь была для него услажденіемъ. И потому-то онъ не-
сказанно былъ утѣшенъ ласковымъ приемомъ Куракина, ко-
торый поручилъ ему написать къ нашему родителю, что
зная связи его съ его братомъ Александромъ Борисови-
чемъ, онъ всегда желалъ быть участникомъ въ этой дружбѣ,
а меня велѣлъ себѣ представить. Со мною обошелся онъ
какъ съ мальчикомъ, котораго хотятъ приласкать, и я пока
и этимъ остался доволенъ.

Но брата моего удовлетворить этимъ было невозможно: упо-
требляя во зло снисходительность министра, онъ началъ его
преслѣдовать неотступными просьбами о доставленіи мнѣ
слѣдующаго, но совсѣмъ не слѣдѣемаго чина. Сперанскій
пересталъ уже быть моимъ начальникомъ и сладить съ этимъ
дѣломъ казалося легче. На его мѣсто поступилъ Григорій
Григорьевичъ Пшеничный, изъ Малороссіянъ, нѣкогда пра-
витель канцеляріи генераль-прокурора князя Куракина, слѣд-
ственно начальникъ Сперанскаго. Человѣкъ этотъ былъ вид-
но, какъ Фигаро, какъ я, какъ большая часть Русскихъ,
дѣятеленъ по необходимости и лѣнивъ по природѣ. Бѣдность
заставляла его трудиться въ молодости; когда же онъ поднял-
ся въ чинахъ и нажилъ состояніе, то уже втянулся въ ра-
боту, и она обратилась ему въ привычку. Князь Куракинъ,
по старому знакомству призвавъ его опять на службу, за-
былъ или не зналъ, что десятилѣтній покой послѣ трудовъ
отнимаетъ у человѣка много способностей и охоты. Пшенич-
ный показался намъ человѣкомъ тяжеловѣснымъ, сдобнымъ
и мягкимъ какъ вновь испеченный пшеничный пирогъ. Въ
экспедиціи засылъ онъ какъ бревно, но начальники отдѣле-
ній и другіе чиновники, желая видно не походить на лягу-
шекъ басни, обходились съ нимъ весьма почтительно: все
показывало, что отъ него нельзя было ожидать ни пользы,
ни вреда. Разказывали намъ, что на старости лѣтъ присгра-
стился онъ къ своей національной музыкѣ и проводилъ дни
въ играніи на гусляхъ малороссійскихъ пѣсень. Послѣ Спер-
анскаго, такой-то человѣкъ и былъ мнѣ надобенъ: ему ве-
лѣно представить меня къ чину, а для такихъ людей воля
начальника есть законъ. Представленія къ наградамъ чрезъ

Комитетъ министровъ дѣлался тогда съ величайшею тайной, и я никогда не узналъ какіе искусно вымышленные труды могли мнѣ быть приписаны. Какъ бы то ни было, черезъ три мѣсяца послѣ представленія, произведенъ я за отличіе въ надворные советники, со старшинствомъ съ 31 декабря 1807 года. Вотъ какимъ образомъ добрый братъ мой, въ отставку, въ Петербургѣ завѣжій, руководимый единымъ горячимъ желаніемъ мнѣ добра, во второй разъ мнѣ благодѣтельствовалъ.

Онъ нѣсколько времени оставался еще въ Петербургѣ, выжидая пріѣзда выздоравливающаго зятя нашего, который, изрѣзанный, похудѣвшій, въ январѣ мѣсяцѣ прибылъ къ столь же хворому полку своему. Константинъ Павловичъ особенно благоволилъ къ Алексею: съ его высокою помощію и съ собственною врожденною дѣятельностію, въ два мѣсяца онъ успѣлъ поставить полкъ сей на ряду съ лучшими кавалерійскими.

Неожиданная вѣсть разнеслась въ февралѣ мѣсяцѣ: новая война возгорѣлась почти у воротъ столицы, русскія войска вступили въ шведскую Финляндію; зачѣмъ или за чтò? Упрямый король Густавъ IV думалъ, что походитъ на Карла XII, ибо имѣлъ нѣкоторыя изъ его странностей, забывъ, что не имѣлъ совсѣмъ воинской его храбрости, забывъ его урны и жалкій конецъ. Онъ одинъ изъ европейскихъ монарховъ (исключая Англіи) не соглашался еще признать Наполеона императоромъ, не хотѣлъ съ нимъ мириться. Россія должна была приневолить его ко вступленію въ общій союзъ противъ острова, враждебнаго всей твердой землѣ. . . . . Это казалось началомъ развитія плана, съ общаго условія въ Тильзитѣ начертаннаго. Къ тому же храбрость Шведовъ, неограниченная власть и благородное безразсудство ихъ короля представляли единственный случай къ завоеванію Финляндіи, а опытъ показалъ, еще при Екатеринѣ, сколь шведское сосѣдство можетъ быть опасно для Петербурга.

Въ первый разъ еще, можетъ-быть, съ тѣхъ поръ какъ Россія существуетъ, наступательная война противъ старинныхъ ея враговъ была всѣми Русскими громко осуждаема. . . . . Какъ бы то ни было, наши солдаты, подъ предводительствомъ главнокомандующаго графа Буксгевдена, дѣлали свое дѣло, шли все впередъ, встрѣчая мало сопротивленія, находя даже помощь въ измѣнѣ многихъ недовольныхъ королемъ. Сей послѣдній

изумился, не хотѣлъ сначала повѣрить такой несправедливости, но убѣдясь въ ней, поступилъ, несчастный, какъ азіатскій деспотъ, велѣлъ русскаго посланника лишить свободы и тѣмъ далъ справедливый поводъ къ войнѣ, которая дотолѣ ограничивалась какъ будто одними демонстраціями.

Съ напряженными силами начала Швеція защищаться. Говорить объ этой войнѣ мнѣ еще придется, но описывать, даже начало ея, кажется, не мое дѣло. Истинно-военные люди всегда находятъ причины ко всякой войнѣ справедливыми; имъ лишь бы подражаться: вотъ почему зять мой скорбѣлъ о томъ, что разстройство, неисправность его полка осуждаетъ его на мирное пребываніе въ уѣздномъ городѣ Тихвинѣ, куда въ мартѣ мѣсяцѣ велѣно было ему полкъ сей отвести. Онъ не зналъ что война сія безъ него не кончится, или, лучше сказать, имъ кончится.

Мѣсяца два или три прожилъ я самымъ пріятнымъ образомъ, въ семейномъ кругу, что въ Петербургѣ случалось со мною рѣдко. Только въ апрѣлѣ сестра моя поѣхала къ мужу, а братъ мой Николай отправился въ Воронежъ, гдѣ находились его дѣти.

На смѣну той и другому скоро пріѣхалъ старшій, тогда несчастный братъ мой Павелъ. Часто невинные страдаютъ за виновныхъ и вмѣстѣ съ ними: трудно было императору отличить тѣхъ отъ другихъ, когда позднее доставленіе аммуниціи и съѣстныхъ припасовъ къ дѣйствующей арміи и худое ихъ качество обличало комиссаріатскихъ и провіантскихъ чиновниковъ въ умышленной, злонамѣренной неисправности. Еще осенью обоимъ штатамъ объявлена опала и служащіе въ нихъ лишены чести носить общій армейскій мундиръ. Взамѣнъ, никакого имъ дано не было: въ послѣдствіи сочинили для нихъ мундиръ, весьма бѣдный, похожій на тотъ, который носятъ полковые лѣкаря, и назначили его въ награду только тѣмъ чиновникамъ, которые на дѣлѣ докажутъ свое усердіе и безкорыстіе. Сіе общее клеймо пало и на брата моего, котораго оно убивало. Въ провіантской сужбѣ былъ ему лестень одинъ только военный мундиръ; въ продолженіе двухъ кампаній противъ Французовъ старался онъ отличиться отъ другихъ своихъ сослуживцевъ, имѣлъ право ожидать награды, ибо аттестованъ и представленъ къ оной былъ отъ главнокомандующаго и корпусныхъ командировъ, и вмѣсто того подвергся общему наказанію. Съ отчете-

тами вызванъ онъ былъ въ Петербургъ и по прибытіи немедленно представилъ ихъ военному министру. Никакого начету на него сдѣлать было не можно; но что всего ужаснѣе было для него, графъ Аракчеевъ, опасаясь чтобы малое число честныхъ людей не поспѣшило оставить службу, выпросилъ, вопреки дворянской грамотѣ, запрещеніе подавать въ отставку даже и тѣмъ, кои найдены будутъ совершенно исправными.

Въ это время внезапный упадокъ государственнаго кредита производилъ чрезвычайное уныніе и какъ будто оправдывалъ жалобы людей, болѣе другихъ вопіавшихъ противъ союза съ Наполеономъ. Не знаю, правда ли, что разрывъ съ Англіей и остановка морской торговли были тому причиной. Я могу только судить о дѣйствіяхъ и объ нихъ только могу здѣсь упомянуть. Ассигнаціонный рубль, который въ сентябрѣ еще стоилъ 90 копѣекъ серебромъ, къ 1 января 1808 года упалъ на семьдесятъ пять, а весной давали за него только 50 копѣекъ серебромъ; черезъ три года серебряный рубль ходилъ въ четыре рубля ассигнаціями. Для помѣщиковъ, владѣльцевъ домовъ и купечества такое пониженіе курса не имѣло никакихъ вредныхъ послѣдствій, ибо цѣны на всѣ продукты по той же мѣрѣ стали возвышаться. Для капиталистовъ же и людей живущихъ однимъ жалованьемъ было оно сущимъ разореніемъ; кажется съ этого времени начали чиновники вознаграждать себя незаконными прибытками. Людямъ, недавно купившимъ въ долгъ имѣнія на ассигнаціи, пониженіе курса послужило обогащеніемъ и спасеніемъ вообще всѣмъ задолжавшимъ.

Прослать честнымъ въ провинтскомъ штатѣ было также бѣда. Брата моего вызвали въ Петербургъ нарочно съ тѣмъ, чтобы скорѣе послать его въ финляндскую армію. Едва недѣли двѣ или три успѣли мы пожить вмѣстѣ, какъ онъ долженъ былъ отправиться полонъ грусти и унынія, безъ всякой надежды на повышеніе, даже безъ правъ на уваженіе, котораго военный министръ всѣхъ сихъ опальныхъ старался лишить.

Мнѣ вошло въ привычку, на свободѣ, вмѣсто дачи ѣздить каждое лѣто въ Пензу. Мой родитель, становясь старѣе, сдѣлался гораздо снисходительнѣе, если позволено мнѣ сказать, слабѣе къ дѣтямъ, и потому мнѣ не трудно было получить его позволеніе на новую отлучку; министерство также

не затруднилось дать мнѣ отпускъ. Разставшись съ братомъ, мнѣ что-то стало грустно; къ тому же, отправляясь на легкѣ, онъ оставилъ въ полное мое распоряженіе хорошенькую дорожную коляску, я хотѣлъ ею воспользоваться и 22 мая помнится, выѣхалъ изъ Петербурга.

III.

Что достопримѣчательное могъ я встрѣтить отъ Петербурга до Москвы по дорогѣ, по которой проѣзжалъ я восьмой разъ въ жизни? Сама Москва, въ которой никого не было изъ моихъ родныхъ и весьма мало знакомыхъ, представлялась мнѣ какъ покойный ночлежь. Но Русскому какъ будто грѣшно проѣхать Москву не остановившись въ ней по крайней мѣрѣ дня на три; къ тому же заставили меня сіе сдѣлать нѣкоторыя необходимыя починки въ коляскѣ.

Мало заботясь о томъ что происходило въ Европѣ, всѣ заняты были тогда домашнимъ важнымъ происшествіемъ, открытіемъ новаго гулянья на Прѣсенскихъ прудахъ. Я помню когда я жилъ въ пансіонѣ Форсевиля, по близости случилось мнѣ съ товарищами проходить по топкимъ и смраднымъ берегамъ запруженаго ручья Прѣсни: искусство умѣло тутъ изъ безобразія сотворить красоту. Не совсѣмъ прямая, но широкая аллея, обсаженная густыми купами деревь, обвилась вокругъ спокойныхъ и прозрачныхъ водъ двухъ озеровидныхъ прудовъ; подлѣя гати замѣнены каменными плотинами, чрезъ кои прорвались кипяціе, шумные водопады; цвѣтники, бесѣдки украсили сіе мѣсто, которое обнеслось хорошою желѣзною рѣшеткой. Два раза въ недѣлю музыка раздавалась надъ сими прудами, старъ и малъ, богатъ и убогъ толпились вокругъ нихъ. Съ великимъ удовольствіемъ былъ я на этомъ гуляньѣ; оно и по сю пору еще существуетъ въ прежнемъ видѣ, но почти совсѣмъ оставлено посѣтителями. Москвичи, какъ и всѣ мы Русскіе, въ этомъ случаѣ похожи на ребятъ: всегда обрадуются новой игрушкѣ, потомъ скоро она имъ надоѣсть, и безпрестанно подавай имъ новое.

Честь и хвала однакоже учредителю гулянья сего. Въ прежнія времена, при Екатеринѣ и при Павлѣ, камергеры,

князь Тюфякинъ, князь Мосальской завѣдывали мелкими, брошеными московскими городскими и загородными дворцами, при каждомъ изъ коихъ было по смотрителю и по малочисленной прислугѣ. Императоръ Александръ, хотя послѣ коронаціи ни разу не заглядывалъ въ Москву, однакоже будучи, какъ извѣстно, великій строитель, чрезвычайно пекся объ ея украшеніи. Воспользовавшись сею склонностію, старый царедворецъ, Петръ Степановичъ Валуевъ, подалъ мысль учредить родъ строительной комиссіи, подъ именемъ кремлевской экспедиціи, съ значительнымъ штатомъ и сдѣлать его начальникомъ оной. Москва много отъ этого выиграла: онъ былъ человекъ со вкусомъ, къ тому же гибкій, угодительный, часто ѣздилъ въ Петербургъ и умѣлъ выпрашивать суммы на поддержаніе старыхъ зданій, на распространеніе ихъ и на возведеніе новыхъ. Рядовой и весьма не богатый дворянинъ, онъ, женившись на дѣвицѣ, которая была въ близкомъ родствѣ съ сильными вельможами, былъ сдѣланъ камеръ-юнкеромъ, камергеромъ а при Павлѣ оберъ-церемоніймейстеромъ, осыпанъ наградами; потомъ отставленъ и высланъ изъ Петербурга. Послѣ того въ Москвѣ, убѣживъ всѣхъ удалившихся отъ двора вельможъ, естественнымъ образомъ сталъ въ ихъ ряду, пока не создалъ себѣ въ ней пріятнаго служенія. Оставаясь однимъ изъ ея кумировъ (въ числѣ коихъ такъ много истукановъ), онъ самъ однакоже не забывалъ часто ѣздить на идоломолье въ Петербургъ. Во всякомъ случаѣ, наружная сторона Вознесенскаго монастыря, Синодальная типографія и Прѣсенскіе пруды останутся всегда славными его памятниками.

Послѣ недовольнаго Петербурга, поглядѣвъ на безпечную Москву съ удовольствіемъ, не совсѣмъ для нея лестнымъ, я отправился въ Пензу. Подъѣзжая къ Мурому, замѣтилъ и что-то неисправное въ колесѣ и взялъ осторожность поѣхать тише: пріѣхавъ благополучно, увидѣлъ я, что еслибы сотню сажень далѣе, былъ бы я съ коляской на боку: желѣзная ось совсѣмъ почти была переломлена. Братнину коляску оставилъ я на сохраненіе почтмейстеру, къ коему случайно имѣлъ письмо; безпрестанныя починки мнѣ надоѣли, и я поскакалъ на перекладныхъ, что мнѣ было не въ диковинку. Далѣе Саранска, когда я выѣхалъ со станціи Ермоловки, жаръ сдѣлался нестерпимый, въ Россіи, въ первыхъ числахъ іюня можно сказать невѣроятный; земля и небо казались раска-

ленными; отъ совершеннаго изнеможенія, несмотря на частые толчки я заснулъ. Когда черезъ часъ я проснулся, мнѣ показалось, что уже сумерки и меня кто-то давить: совершенно же очнувшись, я увидѣлъ, что черныя тучи совсѣмъ заволокли небо и до того спустились на землю, что сдѣлались какъ бы досягаемы для руки. Въ воздухѣ, который отъ сильнаго ихъ давленія сталъ удушливъ, царствовала грозная тишина. Она продолжалась не долго; цѣлыя катаракты низвергались на грѣшную главу мою, и страшные громовые удары падали такъ близко, что казалось искали ее. Ямщикъ мой безпрестанно крестился и едва управлялъ лошадьми, которыя отъ испуга часто падали ницъ. Я потому позволяю себѣ говорить объ этой грозѣ, что подобной ей въ жизни не видывалъ. Мракъ озарялся не однимъ блескомъ молній, но и пламенемъ зажженныхъ ими, окрестъ лежащихъ, деревень. На самой же дорогѣ, верста на десять, до перваго селенія, Пелетмы, не было ни одного мѣста, гдѣ бы я могъ остановиться. Того не могъ я сдѣлать и вѣхавъ въ селеніе; ибо всѣ суетились, бѣгали, и я оглушенъ былъ крикомъ женщинъ, которыя вопили объ отцахъ или мужьяхъ, родственникахъ или сосѣдахъ, убитыхъ грозою; на самой улицѣ видѣлъ я народъ толпящійся вокругъ одного изъ тѣлъ; итакъ, освѣщаемый молніями, долженъ былъ я ѣхать далѣе до станціи Кутли. Я никогда не хвалился храбростію и потому не безъ труда повѣрять мнѣ, если скажу, что мало робѣлъ во время этого воздушнаго мятежа. Это много зависитъ отъ состоянія нервовъ: когда столь страшныя явленія не производятъ жестокаго испуга, то рождаютъ обыкновенно какой-то восторгъ. Его я болѣе чувствовалъ: блескъ, въ которомъ являлась мнѣ смерть, отнималъ большую часть ея ужаса.

Въ Кутлѣ унялись громъ и молнія; кончилась повзія грозы, но не прекращалась прозаическая часть ея, проливной дождь, который охолодилъ воздухъ. Въ открытой телѣгѣ, пробитый имъ до костей, дрожалъ я отъ лихорадки, а продолжалъ все ѣхать далѣе. Въ Пензенской губерніи вездѣ черноземъ: накатанная по немъ дорога въ сухое время становится тверда какъ камень; растворенный же дождевою влагой превращается въ клейкое вещество, которое липнетъ къ экипажамъ и колесамъ и отстать болѣе не можетъ; оттого-то тройка славныхъ коней съ трудомъ и медленно тащила мою легкую повозку. Наступила ночь, зги не было видно, безпре-

станно встрѣчались овраги и новыя промоины, и дорога сдѣлалась совсѣмъ не забавна. Между тѣмъ грязь, насылаемая мнѣ копытами лошадей, покрывала весь плащъ мой, а на лицѣ моемъ образовала плотную маску. Проѣхавъ послѣднюю къ Пензѣ станцію,halbво отъ дороги увидѣлъ я огни въ господскомъ домѣ знакомаго мнѣ села; измученный не могъ я долѣе выдержать, велѣлъ туда поворотить и рѣшился предстать хозяевамъ во всемъ своемъ безобразіи. Дѣйствительно они испугались и не вдругъ узнали меня; какъ было не принять и не угостить губернаторскаго сына? они сажались ужинать, но подождали, чтобы дать мнѣ время умыться. Пока продолжается ужинъ, дайте мнѣ, читатель, поразказать вамъ, кто таковы были владѣльцы села, меня гостепріимно прирѣшшіе.

Давно, очень давно, прежде описываемаго мною времени, близъ Пензы жилъ счастливо одинъ добродушный и богатый помѣщикъ, степенный, кроткій, всѣми уважаемый. Молодая, веселая и прекрасная жена, и вокругъ нея пять цвѣтущихъ младенцевъ были радостію его жизни; какъ вдругъ злой судьбѣ захотѣлось посѣтить его жесточайшею изъ печалей. . . . .

Послѣ Пугачевского бунта какой-то драгунскій полкъ цѣлый годъ простоялъ въ Пензѣ на безсмѣнныхъ квартирахъ; имъ начальствовалъ не старый еще полковникъ, смѣлый и предприимчивый, рослый и плечистый. Онъ умѣлъ понравиться хозяйкѣ; однакоже сія связь оставалась неизвѣстною не только довѣрчивому супругу (мужья суть обыкновенно послѣдніе, до коихъ такого рода тайны доходятъ), но и всѣмъ любопытнымъ кумушкамъ обоего пола, коими провинціальныя города всегда такъ наполнены.

Наконецъ полкъ долженъ былъ выступить и для любовниковъ пришла минута разлуки. Она, то-есть болѣе она была въ отчаяніи и рѣшилась, по мнѣнію моему, на дѣло преступное. Желая въ послѣдній разъ угостить мнимаго друга, котораго полкъ былъ уже на дорогѣ, несчастный помѣщикъ пригласилъ всю Пензу на прощальный для него пиръ въ то самое село о которомъ говорю. Онъ едва замѣтилъ смущеніе, въ коемъ хозяйка сѣла за столъ: когда же поднялась чаша за здравіе отъѣзжающаго, она вдругъ встала и заливаясь слезами, объявила, что не имѣетъ силъ съ нимъ разстаться и готова слѣдовать за нимъ всюду. Всѣ гости поражены были симъ театральнымъ ударомъ, вѣро-

ятно приготовленнымъ самимъ полковникомъ, которому желалось дѣлать городъ свидѣтелемъ торжества своего и стыда почтеннаго хозяина. Сей послѣдній отъ изумленія онѣмѣлъ: любовь превозмогла справедливый его гнѣвъ, онъ палъ къ ногамъ виновной, прощая ея заблужденіе, именемъ дѣтей умолялъ ее не покидать ихъ и его; она колебалась когда полковникъ показалъ въ открытое окошко какъ солдаты его выносятъ сундуки и чемоданы, въ которые накануне тайкомъ уложила она свои пожитки. Мужъ велѣлъ было дворня своей остановить солдатъ, полковникъ указалъ на стоящій вблизи на коняхъ вооруженный эскадронъ, готовый по знаку его окружить домъ и сдѣлать всякое сопротивление невозможнымъ. Кромѣ дневнаго разбоя трудно такому поступку приискать приличное названіе. Хозяйка и гости поспѣшно оставили домъ за часъ до того шумный и веселый; онъ опустѣлъ и наполнился единою горестію. Будемъ справедливы къ настоящему времени; согласимся, что при нынѣшнемъ правительствѣ и съ нынѣшними нравами столь безстыдная жестокость не могла бы быть терпима и не осталась бы безнаказанною.

Если не люди, то справедливое небо почти всегда наказываетъ преступленія. Долго странствовала невѣрная жена, таскалась безпрестанно по походамъ за соблазнителемъ своимъ; она претерпѣвала всякаго рода нужды, въ городахъ чуждалась общества, но нѣкоторое время все была утѣшена продолжающею его привязанностію. Между тѣмъ онъ, какъ будто для приличія, женился; законную жену держалъ въ Москвѣ, а наложницу при полку или бригадѣ на полевой ногѣ. Время шло и по неволѣ все болѣе ихъ связывало, она старѣлась, онъ холодѣлъ къ ней; кончилось тѣмъ, что она надоѣла, омерзѣла ему, и сколь они оба ни желали того, ни онъ отвязаться отъ нея, ни она оставить его долго не могли. Наконецъ, рѣшился онъ эту Ариадну бросить въ нищету гдѣ-то на берегу Азовскаго моря *.

Тамъ нашли ее дѣти ея, давно уже совершеннолѣтнія. Соединенными мольбами склонили они оскорбленнаго отца

---

* Мерзкіе поступки не мѣшали этому полковнику быть отменно храбрымъ и искуснымъ воиномъ. При Екатеринѣ былъ онъ уже генераль-поручикомъ, а при Павлѣ отставленъ тѣмъ же чиномъ.

дать кровь у себя въ домѣ блудной женѣ, болѣе двадцати лѣтъ отъ него отлучившейся. Милосердія двери отверзлись передъ ней, а прежняя любовь за нею ихъ затворила. Дѣло удивительное! престарѣлый мужъ влюбился въ обезцѣченную старуху столь же страстно, какъ нѣкогда въ нее же, свою непорочную невѣсту. Счастіе и спокойствіе, блиставшіе на первой зарѣ ея жизни, освѣтили опять и вечернюю.

Село, гдѣ случилось описанное, было оставлено владѣльцемъ; онъ уединился во вновь построенномъ для себя убѣжищѣ, въ другой, болѣе отдаленной отъ города деревнѣ: тамъ принялъ онъ заблудшую овцу свою. Еще нѣсколько лѣтъ до возвращенія ея, началъ онъ посѣщать Пензу, и въ намѣреніи жить открыто и пышно, построилъ въ ней большой каменный трехэтажный домъ. Кающаяся грѣшница въ немъ не бывала; она не могла ожидать великой снисходительности отъ пензенской публики и потому не смѣла или не хотѣла ей показываться, заперлась съ мужемъ въ деревнѣ, а онъ для нея готовъ былъ забыть цѣлый свѣтъ. Однакоже въ первые мѣсяцы губернаторства отца моего, стариннаго ея пріятеля, и по первой его женѣ, родственника, любезное, даже нѣжное письмо его къ ней, въ первый и въ послѣдній разъ вызвало ее въ Пензу изъ добровольнаго ея заточенія. Обхожденіе съ нею добродѣтельной и сострадательной матери моею послужило примѣромъ для другихъ женщинъ. Глядя на сихъ старыхъ, нѣжныхъ супруговъ, подумалъ я, кто бы могъ вообразить, чтобы въ промежуткѣ начала и конца согласной ихъ жизни былъ ужасный, даже отвратительный романъ.

Село перешло, еще при жизни родителей, во владѣніе старшаго сына съ женою. Жена правомъ схожа была съ отцомъ, а мужъ съ матерью своею. Она имѣла всѣ тѣ свойства, кои особенно похвальны въ мужчинахъ, строгіе и твердые правила, умѣренность въ рѣчахъ, осторожность въ поступкахъ, за то сухость и холодность въ женщинѣ непріятныя. Онъ же имѣлъ нѣкоторыя изъ женскихъ слабостей, былъ нескромнень, легкомыслень, добръ сердцемъ и золъ на словахъ: онъ имѣлъ нѣкоторую образованность, зналъ иностранныя языки; довольно успѣшно занимался хозяйственными дѣлами, выписывалъ всѣ дозволенныя газеты, отчасти любилъ политическія новости, а еще болѣе городскія и за слѣшкомъ по-

спѣшное разглашеніе ихъ ссорился иногда съ знакомыми. Отъ отца своего получилъ онъ по наслѣдству любовь и уваженіе къ моему и всегда сохранялъ ихъ. Къ этой четвѣ явился я ночью въ запачканномъ видѣ: они уговаривали меня переночевать; я не согласился, ибо всего оставалось мнѣ только 24 версты до Пензы, и, насытась, обогрѣвшись, спѣшилъ я кончить мое путешествіе. Тогда велѣли они шестерню лучшихъ лошадей, съ ихъ конюшни заложить въ легкую и покойную коляску и, несмотря на грязь, на горы и овраги, я благополучно въ ней добѣхалъ, хотя впрочемъ далеко за полночь.

Я остановился въ нижнемъ этажѣ опустѣвшаго губернаторскаго дома. За нѣсколько дней до того отецъ мой перѣхалъ въ собственный, деревянный, на Дворянской улицѣ вновь выстроенный домъ, не столь большой какъ красивый: страсть его къ строеніямъ не оставляла его до конца жизни. Къ перемѣщенію его на новоселье была еще особая причина: въ Пензѣ съ любопытствомъ и нетерпѣніемъ, со страхомъ и надеждой ожидали одну важную особу, ни болѣе, ни менѣе какъ сенатора, какъ ревизора. Кто знаетъ провинцію, тому извѣстно сколь великимъ это почитается тамъ происшествіемъ. Отецъ мой придрался къ случаю, оказавъ ему учтивость уступкою казеннаго своего жилища и не обременивъ никого постоемъ, пожить въ домѣ, отъ котораго онъ былъ безъ памяти.

Надобно разказать по порядку какимъ образомъ въ первый разъ еще во время управленія отца моего Пензенскую губерніей, велѣно было ревизовать ее. Въ это время въ одной изъ сосѣднихъ губерній, по удаленіи губернатора, никто не былъ назначенъ на его мѣсто и временно управлялъ губерніей вице-губернаторъ. Это такое лицо, которое давно желалъ изобразить я; не доставало только къ тому удобнаго случая.

Кажется, нѣтъ ни одного народа ни въ Европѣ, ни въ Азій, коего бы представители, образчики не находились въ русской службѣ и слѣдственно наконецъ не дѣлались русскими дворянами. . . . Одинъ выходецъ изъ Грузіи, вѣроятно въ числѣ слугъ грузинскихъ царевичей по временамъ въ Россіи поселяющихся, получилъ какой-то небольшой чинъ, а сыновей успѣлъ опредѣлить въ казенныя учебныя заведенія, въ кадетскіе корпуса, и они всѣ вышли въ люди. Грузинцы вообще не славятся великимъ умомъ, но на чтò онъ

годится? и для успѣховъ не во сто ли разъ полезнѣе хитрость, свойственная всѣмъ жителямъ порабожденной Азіи. Старшій сынъ выходца съ 14-го класса служилъ въ казенной палатѣ и, не покидая ея, дослужился до чина статскаго совѣтника и должности вице-губернатора. Можно себѣ представить какую великую опытность прибрѣлъ онъ въ финансовыхъ дѣлахъ богатой губерніи. Два раза былъ онъ вдовцомъ и женился въ третій разъ, но приданое всѣхъ трехъ супруговъ далеко не было достаточно, чтобы поддержать то великолѣпіе, коимъ изумлялъ онъ. Не одинъ принадлежащій ему огромный и помѣстительный домъ, а два или три соединенные между собою галереями, и при нихъ множество службъ, обширный дворъ и безконечный садъ, почти внѣ города, занимали болѣе пространства чѣмъ увеселительныя замки многихъ изъ нѣмецкихъ владѣтельныхъ князей. Этотъ очарованный замокъ служилъ гостиницей и ловушкой для всѣхъ пріѣзжихъ изъ обѣихъ столицъ и другихъ провинцій; во время пребыванія ихъ въ городѣ, каждый изъ нихъ пользовался въ немъ помѣщеніемъ, освѣщеніемъ, отопленіемъ, столомъ и прислугой. Этого мало: бібліотека, каждый годъ умножаемая вновь издаваемыми книгами на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, въ которую самъ хозяинъ никогда не заглядывалъ, была къ услугамъ малаго числа читающихъ его посѣтителей; оркестръ, при коемъ находились два-три Нѣмца-капельмейстера, долженъ былъ при изъявленіи малѣйшаго желанія тѣшить столь же малое число любителей музыки; конюшня его, наполненная славными рысаками, и псовая охота были въ распоряженіи его гостей болѣе чѣмъ въ его собственномъ. Возможно ли было устоять противъ обольщеній столь милаго хозяина, въ мѣстѣ, исключая дома его, лишенномъ всякихъ забавъ? Все это было для иногородныхъ; для служащихъ же былъ онъ еще болѣе дорогъ и полезенъ: карманъ его сдѣлался каналомъ, чрезъ который протекая, Пактоль дѣлился на мелкіе ручьи и разливался по тощимъ ихъ нивамъ. Безкорыстными губернаторамъ умѣлъ онъ угождать всѣмъ, чѣмъ, исключая денегъ, угождать только было можно; съ другими ладилъ онъ посредствомъ дѣлежа. Всѣ оставались довольны, всѣ восхваляли всещедрого, чудеснаго вице-губернатора; всѣ знали, какія употреблялъ онъ средства къ сотворенію такихъ чудесъ, и всѣ согласно молчали о томъ. Но вы не знаете о томъ,

читатель; объяснить ли вамъ сію тайну? Не говоря о множествахъ другихъ богатыхъ источниковъ, между коими откупная часть, продажа горячаго вина, можетъ почитаться не послѣднимъ, въ губерніи сей находится одинъ неизчерпаемый кладъ, большое соляное озеро: теперь вы понимаете, я надѣюсь. Скажите, что такое казна? общественный капиталъ: послѣ того можно ли почитать похищеніемъ ея все то, что употреблено для пользы общества? Такими разсужденіями многіе, вѣроятно, извиняли щедрого вице-губернатора.

Онъ самъ своею особою былъ вовсе не любезенъ; малъ ростомъ, блѣденъ, долгоносъ, угрюмъ и молчаливъ; яблонное дерево совсѣмъ не красиво, а любятъ его, ибо плоды его вкусны и сочны. Единственною или, по крайней мѣрѣ, главною его страстію было разчетливое тщеславіе. Никогда, ничего и никого не позволялъ онъ себѣ осуждать; напротивъ, ко всѣмъ порокамъ былъ болѣе чѣмъ снисходителенъ, смотрѣлъ на нихъ одобрительно, всѣхъ запятнанныхъ людей утѣшалъ своимъ участіемъ. Это уже много: онъ дѣлалъ еще болѣе, не возставалъ даже противъ честности, никогда не преслѣдовалъ ея, почитая ее весьма извинительнымъ заблужденіемъ ума и разчитывая, что сколь ни постоянно она гонима въ Россіи, однакоже по временамъ честные люди поднимаются въ ней и дѣлаются сильны.

Пока онъ временно управлялъ губерніей, показалась въ ней какая-то повальная болѣзнь. Дѣйствительно ли онъ испугался или хотѣлъ придать болѣе важности своему донесенію, но онъ представилъ министру, что у него открылась чума. Въ такихъ случаяхъ, туда гдѣ нѣтъ генераль-губернаторовъ, для скорѣйшаго прекращенія зла посылаются обыкновенно сенаторы съ особеннымъ полномочіемъ: выборъ же предоставляется министру внутреннихъ дѣлъ. Князь Куракинъ предложилъ государю К., преданнаго ему и имъ взысканнаго человѣка, во время его генераль-прокурорства, бывшаго оберъ-прокуроромъ сената, а потомъ герольдмейстеромъ. Въ концѣ февраля отправился онъ со свитою чиновниковъ.

Такого ли человѣка, какъ ловкій вице-губернаторъ, можно было уличить во лжи или обвинить въ ошибкахъ, которая ввела правительство въ чрезвычайныя, совсѣмъ излишнія издержки? Къ тому же прилично ли было

сенатору прокатиться даромъ, и надѣлавъ шуму, подобно синицѣ, не зажечь моря? Всѣ мѣры приняты, разставлены карантинны, оцѣплены деревни, а отъ страшной заразы умерло всего девять человѣкъ. Не трудно было къ сему числу прибавить нуль, и сколь ни мало оно еще было, увѣрить въ донесеніи, что если тысячи не погибли, то отчасти государство должно за то благодарить бдительность неутомимаго вице-губернатора. Мѣсяца два съ половиною прошли прежде чѣмъ сдѣлано это донесеніе, и тогда только когда зародыши, самыя слѣды жестокой язвы были совершенно истреблены. И никто не взялъ труда объяснить смыслъ этой басни! Право, вмѣсто того чтобы гордиться пространствомъ Россіи, приходится иногда жалѣть о томъ, что разстояніе такъ часто мѣшаетъ истинѣ доходить до трона. К. дали александровскую ленту; всѣ сопровождавшіе его и съ хорошей стороны имъ замѣченные губернскіе чиновники получили награды; вмѣстѣ съ тѣмъ распорядительный вице-губернаторъ назначенъ губернаторомъ.

Сколь званіе сіе ни лестно было для его самолюбія, онъ безусловно принять его не могъ. Сдѣлать его губернаторомъ, лишивъ солянаго озера, значило то же, что, подобно Антею, возвысить его, отдѣливъ отъ земли. Чтò такое былъ бы онъ безъ солянаго озера? Самсонъ безъ волосъ. Во удовольствіе его управленіе соляною частию перенесено и причислено къ должности гражданскаго губернатора.

Чтобы продлить на все дѣло пріятное внѣ столицы сенаторское пребываніе К., министръ внутреннихъ дѣлъ испросилъ ему приказаніе проѣздомъ обозрѣть Пензенскую губернію, разсмотрѣть нѣкоторыя оставшіяся безъ отвѣта прежнія жалобы жителей и производящееся дѣло по подложной просьбѣ въ отставку отца моего.

Тутъ былъ еще противъ него тайный умыселъ князя Куракина, какъ послѣ сіе открылось; въ секретномъ письмѣ просилъ онъ, именемъ старой дружбы, К. расхвалить все, даже то чтò не найдетъ онъ слишкомъ исправнымъ. Не мнѣ осуждать его за то.

Объ этомъ отецъ мой, разумѣется, ничего не зналъ, и слыша какъ услужливый вице-губернаторъ превосходилъ самого себя, какъ разнообразно потѣшалъ онъ пребывающаго въ его городѣ сенатора, не имѣя средствъ, ни намѣренія въ чемъ-

нибудь равняться съ нимъ, нѣсколько затруднялся въ томъ, какимъ образомъ ему принять избалованнаго угощеніями К. При мнѣ болѣе недѣли со дня на день его ожидали; наконецъ пріѣхалъ онъ съ семействомъ своимъ и довольно большою свитой. Въ уступкѣ для его жительства казеннаго дома видѣлъ онъ знакъ отмѣннаго къ нему уваженія и хотѣлъ отвѣчать на то вѣжливостію; потому отказался, опасаясь, какъ говорилъ онъ, подвергнуть губернатора и кратковременному стѣсненію. Родитель же мой, какъ отцы къ младшимъ дѣтямъ, какъ авторы къ послѣднимъ своимъ сочиненіямъ, такъ прильпился къ новому архитектурному творенію своему, что уже все лѣто не хотѣлъ съ нимъ разстаться, и я одинъ остался на раздолѣ въ губернаторскомъ домѣ. Отказъ занять его наши пензенскіе недоброжелатели сочли немилостію сенаторскою, тѣмъ болѣе что по приглашенію одного помѣщика, который безъ ссоры чуждался нашего семейства, остановился онъ въ его домѣ. О семъ помѣщикѣ не сказалъ я еще ни слова и развѣ здѣсь придется о немъ поговорить. Но прежде скажу о семействѣ и спутникахъ самого К.

Осипъ Петровичъ и Анна Петровна К. родились въ одномъ году и въ одномъ городѣ; потомъ встрѣтились, влюбились, женились и наконецъ въ одномъ и томъ же году оба умерли. Сама природа приготовила ихъ другъ для друга, и судьба споспѣшествовала ихъ соединенію. Столь согласныхъ и нѣжныхъ супруговъ встрѣтить можно было не часто: ученію Апостола касательно браковъ „да будутъ двѣ плоти во едино“ слѣдовали они съ точностію. Дѣйствительно они были какъ бы одно тѣло, изъ коего на долю одному достались кожа да кости, а другой мясо и жиръ. Каждый отдѣльно являлся болѣе или менѣе дробью; только въ приложеніи другъ къ другу составляли они цѣлое. Оттого во всю жизнь ни на одни сутки они не разлучались; къ счастью, Осипъ Петровичъ не былъ воинъ, не то Анна Петровна сражалась бы рядомъ съ нимъ. Оба замѣчательны были одинаковымъ безобразіемъ; и что еще удивительнѣе, въ обоихъ оно было не безъ пріятности. Имъ было тогда за пятьдесятъ лѣтъ; слѣдственно въ молодости это безобразіе могло быть и привлекательно, и тѣмъ объясняется взаимная ихъ страсть.

Одного семейнаго счастья не доставало имъ: у нихъ не было дѣтей: имъ замѣнила ихъ любимая воспитанница. У

Анны Петровны была сестра: * сей послѣдней Богъ не далъ ума, коимъ наградила старшую, за то благословилъ чрево ея. Одну изъ ея дочерей, въ честь тетки названную Анною, крестила К. и груднымъ младенцемъ взяла къ себѣ съ кормилицей. Родную дочь нельзя было болѣе любить, и дѣвочка, называя ихъ отцомъ и матерью, платила имъ величайшею нѣжностію, за то непростительнымъ образомъ чуждалась, даже гнушалась тѣхъ, коимъ обязана была жизнью. Съ перваго взгляда была она очень хороша собою, стройна какъ пальма, румяна какъ роза, бѣла какъ мраморъ. Пріятности, однакоже, черты лица ея не имѣли, и цвѣтъ волосъ у нея былъ самый странный: видно было, что время изъ рыжихъ сдѣлало ихъ темнорусыми, ибо изъ темноты ихъ все выскакивали яркія искры; они обрусѣли какъ бы рѣчь чужестранца, который бы правильно говорилъ по-русски, но съ иноземнымъ выговоромъ. Воспитана была хорошо и въ семнадцать лѣтъ совсѣмъ не застѣнчива, съ невинною веселостію не подозрѣвала могущества красоты и никому не имѣла желанія нравиться. Въ то время она не видала еще петербургскихъ баловъ, на кои ее еще не вывозили, плясать на пензенскихъ казалось ей верхомъ блаженства.

При отправленіи К., нѣсколько чиновниковъ дано было въ его распоряженіе и на возвратномъ пути его трое изъ нихъ находилось при немъ въ Пензѣ. Флоръ Осиповичъ Д., человекъ самый дѣятельный и проворный, былъ полицеймейстеромъ въ Могилевѣ, когда при обзорѣннн сей губерніи К. узналъ, оцѣнилъ и понялъ его. Онъ его вытребовалъ въ видѣ старшаго адъютанта, когда ополчился противъ мнимои чумы. . . . Судя по красивымъ, но совершенно іудейскимъ чертамъ лица Флора Осиповича, можно было полагать, что святое миропознание, изъ семейства его, надъ нимъ первымъ совершено было. По происхожденію его и по должности, которую онъ занималъ, состояніе его могло быть и родовое и благопріобрѣтенное; денегъ было у него много, онъ не скупъ былъ на нихъ, но умѣлъ дѣлать изъ нихъ полезное для себя употребленіе. Въ

---

* Въ Москвѣ я слышалъ, что эта женщина далеко не отличалась умомъ. Ее кто-то увѣрилъ, что преставленіе свѣта будетъ въ тотъ годъ, когда Свѣтлое Воскресеніе придется въ великій четвергъ, и при началѣ каждаго года она съ трепетомъ о томъ справлялась.

искусствѣ угождать начальству, не одною ревностною службой, въ то время довольно обыкновенномъ, былъ онъ не послѣдній. Особенно имѣлъ онъ даръ дарить нужныхъ ему людей и дамъ, усердно и ловко подъ именемъ бездѣлицъ предлагая имъ мелкія драгоценныя вещи, которыя подъ именемъ же бездѣлицъ безъ затрудненія могли быть приняты. Отъ сихъ бездѣлицъ, удачно посѣянныхъ, собиралъ онъ въ послѣдствіи весьма полезные плоды. Дѣятельность не покинула его и въ старости: служа въ почтовомъ вѣдомствѣ, въ сѣдинахъ и въ лентгахъ, долго скакалъ онъ по станціямъ, для осмотра будто бы состоянія почтъ въ Россіи.

Другой сенаторскій адъютантъ или секретарь былъ молодой человѣкъ небольшого роста, и я готовъ прибавить, и ума, въ которомъ корыстолюбіе только что развивалось, а самолюбіе было въ полномъ развитіи. Отецъ его, по деревнѣ, былъ сосѣдомъ графа Аракчеева, который, какъ извѣстно, въ собесѣдникахъ своихъ не искалъ ни высокаго просвѣщенія, ни любезностей общежитія. К., какъ человѣкъ придворный, любилъ въ немъ сына Аракчеевскаго друга, любилъ трудолюбіе его и политическое воспитаніе, которое надѣялся ему дать.

Если третьему чиновнику К. оказывалъ менѣе вѣжливости и вниманія, за то любилъ его паче другихъ: сего весьма зрѣлаго юношу звали Иванъ Никитичъ Бѣлоклоковъ. Слышали ли вы когда-нибудь такое названіе? Ужь вѣрно нѣтъ и никогда болѣе не услышите: безъ рода и безъ племени, онъ умеръ безъ жены и безъ потомства. Вышедъ изъ тьмы неизвѣстности, сей малый метеоръ посіялъ малое время заимствованнымъ отъ К. тусклымъ блескомъ и опять послѣ него погрузился во мракъ. Онъ былъ довольно добрый малый, но неспособный ни на какую должность, кромѣ той, которая составляетъ середину между приватнымъ секретаремъ и камердинеромъ. Если кто вспомнить, что говорилъ я о безплодіи друга моего Тургенева, тотъ конечно удивится, когда узнаетъ, что я почитаю его родоначальникомъ особаго рода людей въ русской службѣ, которыхъ я назову чиновниками-хлопотунами. До него въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ находились просто люди занятые или праздные, трудящіеся или числящіеся; онъ вымыслилъ нѣчто новое, подобно симъ искуснымъ женщинамъ, которое при наслажденіи порокомъ умѣютъ пользоваться всѣми почестями доб-

родителя: последователи въ изобрѣтенномъ имъ искусствѣ далеко его опередили. Нынѣ каждый министръ имѣетъ при себѣ по чиновнику-хлопотуну, рѣдко болѣе одного. Они находятъ при немъ неотлучно, безсмѣнно дневальными, всегда подъ рукой; они чинятъ ему перья, ничего не пишутъ, кромѣ пригласительныхъ его записокъ, рассылаютъ ихъ, исполняютъ его комиссіи по дѣламъ службы, равно какъ и по домашнимъ его дѣламъ. Они ходятъ къ нему прямо въ кабинетъ, въ спальню, даже далѣе: имъ однимъ является онъ въ халатѣ, иногда въ рубашкѣ; при нихъ брѣтется, умывается. Тѣ, которые пользуются уже неограниченною его довѣренностію, проникаютъ въ слѣдъ за нимъ въ уединеннѣйшее мѣсто его жительства; тамъ, вдали отъ взоровъ другихъ докладчиковъ и толпы просителей, одни присутствуютъ при семъ тайномъ возсѣданіи и даже тутъ представляютъ ему нѣкоторыя черновыя бумаги. Они гроза курьеровъ, предметъ любезностей директоровъ, глубочайшаго почтенія начальниковъ отдѣленій. При испрошеніи или раздачѣ награды, разумѣется, самые лакомые куски имъ достаются. Общая страсть ихъ *покровительствовать*: уставая отъ безпрестанно согбеннаго и сжатаго положенія, они любятъ расправляться передъ тѣми, кто въ нихъ ищетъ. Но кругъ министерства въ коемъ служатъ для нихъ слишкомъ тѣсенъ; они выпрашиваютъ у своего министра рекомендательныя письма къ другимъ; о мѣстахъ, о чинахъ, о денежномъ пособіи хлопочутъ у директоровъ департаментовъ; по тяжбынымъ дѣламъ, за деньги или даромъ, ходатайствуютъ у сенаторовъ, у обер-прокуроровъ; за каждое оказанное имъ снисхожденіе требуется и отъ нихъ какая-нибудь послуга, и они становятся настоящими мѣнялами. Этой вѣчной суетѣ посвящаютъ они все свободное время, которое оставляютъ имъ занятія по прямой, или, лучше сказать, по косвенной ихъ обязанности, и это даетъ имъ, болѣе чѣмъ кому-либо, видъ озабоченныхъ людей въ столицѣ. Послѣ всего сказаннаго нужно ли болѣе объяснять, какой родъ должности при К. исправлялъ Бѣлокловъ, одинъ изъ первыхъ порожденій Тургенева?

Еще одинъ пензенскій помѣщикъ самъ приписалъ себя къ свитѣ К. Я объ немъ не говоримъ: дворянство сей губерніи такъ многочисленно что нѣтъ возможности называть всѣхъ членовъ его вдругъ, а только постепенно, при удобномъ случаѣ, выводить ихъ на сцену. Николай Порфирье-

вчѣ Д. былъ сынъ Порфирія и племянникъ Кеенофонта Гавриловичей, которые оба, если вѣрить преданіямъ, при умѣ и нѣкоторыхъ свѣдѣніяхъ имѣли удивительную, непонятную охоту откармливать свиней. Изъ этого заключить можно, что ни который изъ нихъ не могъ служить фонъ-Визину образцомъ въ изображеніи характера Скотинина. Однакоже время охоту сію превратило въ страсть, когда поля ихъ покрылись цѣлыми стадами сихъ животныхъ, и они ростомъ и дородствомъ стали равняться съ кабанамн. Если пристально станешь разсматривать лица, то на физиономіи дѣтей почти всегда найдешь отпечатокъ склонностей, которыя имѣли ихъ родители: желтовато-смуглое лицо молодого Д. всегда имѣло цвѣтъ и подобіе кожи слегка копченаго окорока; изъ поръ ея, даже безъ большаго жара, вмѣсто обыкновенной потной влаги, все проступали какъ бы частицы растопленнаго сала; сурово потупленный взглядъ давалъ ему также нѣкоторое сходство съ любимцами его отца; но на этомъ оно и останавливалось. Кажется онъ имѣлъ расположеніе къ толщинѣ, еслибы желчь, которою онъ былъ преисполненъ, не поглощала бы и не истребляла въ немъ зародышей жира, до того что съ лѣтами кожа лица его потеряла всю свою первоначальную влажность.

Виноватъ, я находилъ большое удовольствіе въ его обществѣ: въ Пензѣ никто не могъ равняться съ нимъ умомъ и знаніемъ; въ другихъ мѣстахъ встрѣчалъ я много людей умнѣе его, но злѣе и завистливѣе никого не встрѣчалъ. Онъ готовъ былъ вредить всякому успѣху самаго добраго знакомаго (друзей у него не бывало), полученіе кѣмъ-либо не большаго чина, маловажный выигрышъ въ карты, любовь къ кому-нибудь даже противной ему женщины, все производило его досаду и весьма острыя, язвительныя насмѣшки. Умомъ побѣждалъ онъ однакоже иногда злость; онъ не любилъ отца моего, но гнушался его противниками и не хотѣлъ мѣшаться въ ихъ интриги. Жена его, воспитанная въ Смольномъ монастырѣ, была въ Петербургѣ какъ-то знакома съ семействомъ К.; онъ же самъ, выпущенный при Екатеринѣ въ армію капитаномъ, не съ большимъ въ тридцать лѣтъ былъ отставнымъ полковникомъ, не видавъ никогда непріятельскаго огня. Потому и пожелалъ онъ сразиться по крайней мѣрѣ съ опасностями моровой язвы, чрезъ покровительство жены вызванъ сенаторомъ къ нему въ помощь, и за великіе

подвиги свои въ дѣлѣ семь произведенъ въ статскіе совѣтники. У него въ домѣ остановился К. . . . .

Въ сношеніяхъ своихъ съ отцомъ моимъ, К. не подавалъ повода къ малѣйшему неудовольствію; напротивъ, какъ будто нехотя бралъ первенство передъ нимъ, и часто упоминалъ о томъ, что въ чинѣ его моложе. Что касается до части угостительной, то онъ вывелъ его изъ затрудненія угадывать что можетъ ему быть пріятнѣе, и самъ указалъ на средства удовлетворить его желанія. Онъ просилъ губернатора о приказаніи ежедневно доставлять въ его домъ нужные для него съѣстные припасы и вести тому вѣрный счетъ, по которому при отъѣздѣ не оставитъ онъ сдѣлать уплату. Такъ какъ въ Пензѣ трудно было достать хорошаго вина, которымъ былъ наполненъ погребъ отца моего, то онъ его же просилъ снабжать онымъ, обѣщаясь по возвращеніи въ Петербургъ въ замѣну прислать ему цѣлый транспортъ: болѣе ничего онъ не требовалъ. Однакоже и этого было довольно и было бы даже слишкомъ много, еслибы пребываніе его въ Пензѣ продлилось. Онъ былъ человѣкъ умный, добрый и просвѣщенный, съ весьма хорошимъ состояніемъ, и такое отсутствіе деликатности, конечно, было не что иное какъ остатокъ дурныхъ обычаевъ прежнихъ временъ.

Приблизилось время Петровской ярмарки, и обыкновенный съѣздъ на нее чрезвычайно умножился прибытіемъ жителей и помѣщиковъ соседней губерніи, пріѣхавшихъ на поклоненіе сенатору, благодѣтелю. Дворянство, купечество начали въ честь его давать праздники, на коихъ царицею была любимая дочь-племянница, Анна Михайловна. Сдѣлавшись почти домашнимъ у К., я замѣтилъ, что они того же ожидаютъ отъ отца моего, и такъ уже обремененнаго чрезвычайными расходами. Я началъ его уговаривать: дѣлать было нечего, и онъ рѣшился дать пиръ въ селѣ своемъ Симбухинѣ, который въ провинціи могъ почитаться великолѣпнымъ. Онъ думалъ, что тѣмъ и кончится, нимало: К—мъ полюбилось пировать, и они уже безъ зазрѣнія совѣсти стали сами напрашиваться. Въ іюль мѣсяцѣ, несмотря на жары, должно было дать еще два бала: одинъ въ собственномъ домѣ, въ которомъ жилъ отецъ мой, а другой въ пустомъ губернаторскомъ, 22-го числа, въ день именинъ вдовствующей императрицы. . . . .

Давно уже окончены были ничтожныя дѣла, поручен-

вья въ Пензѣ разсмотрѣнію К.; а онъ все медлил отъѣздомъ, котораго мы ожидали съ нетерпѣніемъ, несмотря на ласки, на любезности намъ расточаемыя какъ имъ самимъ, такъ и окружающими его. Ко всему этому присоединилось еще одно обстоятельство довольно неприятное и затруднительное. Бѣлоклоковъ, который игралъ столь важную и столь низкую роль при сенаторѣ, затѣялъ влюбиться въ меньшую сестру мою Александру. Нравиться ей онъ не могъ; онъ не былъ даже дурень, а имѣлъ одну изъ тѣхъ пошлыхъ фізіономій, которыхъ никогда не замѣчаешь, которыя видишь двадцать разъ, каждый разъ полагая, что это въ первый; но благодарность ли, или женское самолюбіе— онъ казался ей менѣе отвратителенъ чѣмъ другимъ. К. нимало не затруднился съ предложеніями обратиться къ отцу моему: это была его любимая дочь. Онъ жестоко обидѣлся, но стараясь не показывать этого, только что нахмурился и отослалъ къ матери моей, говоря, что онъ въ эти дѣла не мѣшается. Она же, будучи предупреждена, отвѣчала, что ни за что не согласится прежде восемнадцати лѣтъ выдать за мужъ дочь, которая едва только вступила въ семнадцатый годъ. Кажется, можно было это принять за учтивый отказъ, но К. упрямылись видѣть въ томъ отсрочку, и внезапную холодность, которую показывала сестра моя, когда узнала, что дѣло становится серіознымъ, почитать застѣнчивостію, стыдливостію провинціальной дѣвочки.

Наконецъ, въ августѣ мѣсяцѣ, который у насъ считается первымъ осеннимъ, начались ихъ сборы къ отъѣзду. На дорогѣ былъ Саранскъ и его Успенская ярманка: вѣжность К.—хъ къ моимъ родителямъ до того увеличилась, что желая какъ можно позже съ ними разстаться, они начали уговаривать ихъ съ ними туда доѣхать. Больно было отцу моему провожать сенатора, тащить за нимъ; но трудно отказывать людямъ, которые умоляютъ и въ которыхъ имѣешь нужду. Итакъ, послѣ завтрака у насъ, всѣ вмѣстѣ отправились мы въ путь. На половинѣ дороги, своротивъ немного влѣво, приготовленъ намъ былъ ночлегъ у одного помѣщика, весьма замѣчательнаго человѣка, по его предварительному приглашенію.

Благодатный родъ чудаковъ, которыми и Москва, и провинціи въ старину такъ были обильны, нынѣ совсѣмъ почти исчезъ. На перепутьи, у одного изъ сихъ послѣднихъ Могика-

новъ, не могу отказать себѣ въ удовольствіи остановиться передъ его памятью. Это былъ счастливѣйшій смертный: онъ былъ всегда веселъ, здоровъ, жилъ почти всегда въ деревнѣ, имѣлъ тысячу душъ. Натюловищъ его, имѣющемъ видъ четвероугольнаго обруба или терма, торчала голова, какъ бы изсѣченная изъ темносѣраго мрамора съ бѣлыми крапинами, то-есть лицо его было смуглое и рябоватое. Пріятную, забавную свою уродливость соединилъ онъ съ чудеснѣйшею красотой одной молодой дѣвушки; въ первые годы супружества оставалась она ему вѣрною, и отъ того, къ сожалѣнію, всѣ дѣти наружностію въ него удались. До конца дней своихъ былъ онъ влюбленъ въ свою жену, и могъ любоваться собою, глядя въ восемь или девять зеркальцевъ, отражавшихъ его самодовольную харю. Ничто однакоже любилъ онъ едва ли не болѣе жены; музыкальное чувство было въ немъ врожденное, онъ имѣлъ вѣрный слухъ и самоучкою изрядно игралъ на скрипкѣ; ко всѣмъ странностямъ стариннаго покроя помѣщика прибавлялъ онъ всѣ проказы бѣшенаго меломана. Изрѣдка посѣщалъ онъ Петербургъ и имѣлъ причины всегда тамъ быть довольнымъ сдѣланнымъ ему приѣмомъ; во многіе знатные дома на расхватъ его приглашали. Онъ никакъ не разбиралъ ни лѣтъ, ни званія, со всѣми обходился равно фамиллярно и чрезвычайно смѣшно изъясняясь по-французски, всѣхъ называлъ *mon cher*. Какъ кладу обрадовался ему Шаховской, снялъ съ него скорѣе слѣпокъ и по немъ удачно успѣлъ изваять двѣ оригинальныя фигуры Пентюхина и Транжирина въ своихъ комедіяхъ. Мнѣ случилось сидѣть подлѣ этого оригинала во время концерта знаменитаго скрипача Роде; ничего не могло быть забавнѣе, какъ видѣть огромное его пузо, трепещущее отъ восторга и слышать тихо, чуть внятно произнесенныя слова: „Батюшка, Родюшка, голубчикъ, другъ мой!“ Нужно ли говорить, что у такого человѣка былъ отличный оркестръ, когда въ это время, слѣдую обычаю, другіе помѣщики, менѣе его богатые и не имѣющіе понятія о музыкѣ, заводили свои капеллы. Смѣшно и жалко было смотрѣть на поминутныя ласки его русскому капельмейстеру, который завелъ ему роговую музыку, можетъ-быть лучшую въ Россіи и въ то же время явно былъ любовникомъ жены его. Она же, гораздо за сорокъ лѣтъ, все еще совершенная красавица, прекрасно насъ угостила; сенатору и губернатору съ супругами, раз-

умѣется, отведены были особыя комнаты, а насъ, другихъ прочихъ, кое-какъ уложили спать. На другой день, съ ранняго утра до поздняго завтрака, подчивали насъ музыкой; послѣ того отправились мы далѣе, и къ вечеру приѣхали въ Саранскъ.

Ярмарка въ самомъ разгарѣ: скачка, шумъ, крикъ въ небольшомъ городѣ, тѣсное помѣщеніе въ жаркое время года, все это, къ счастью, весьма не полюбилось К — мѣ, угощеніе, впрочемъ довольно богатаго, городничаго также не слишкомъ понравилось имъ, и пробывъ только два праздничные дня, 15 и 16 числа, они 17-го числа насъ оставили. Отецъ мой поспѣшилъ обратно въ Пензу, куда призывали его и повѣрка собственныхъ, домашнихъ счетовъ и накопленіе дѣлъ во время веселой суматохи, произведенной присутствіемъ сенатора. Слѣдствіемъ оной между прочимъ была продажа любимаго его новаго дома, который построилъ онъ экономически, долго отказывая себѣ во многихъ прихотяхъ.

Мнѣ также была пора скоро воротиться въ Петербургъ; до зимняго пути еще далеко, а поздній осенній въ тогдашнее время, еще болѣе чѣмъ теперь, у насъ былъ настоящая пытка. Помаленьку сталъ я собираться, и совѣмъ готовъ былъ отправиться, какъ одинъ весьма пріятный случай заставилъ меня на нѣсколько дней отложить свой выѣздъ. По утру, 7 сентября, почтмейстеръ къ отцу моему принесъ съ почты пакетъ, въ коемъ находились государевъ рескриптъ и Аннинская лента. Куракинъ ожидалъ только окончательнаго, требуемаго имъ донесенія К., чтобы сдѣлать сильное, убѣдительное представленіе царю. . . . .

Въ братиной коляскѣ, привезенной мнѣ изъ Муромъ, выѣхалъ я изъ Пензы въ день Воздвиженія креста, 14 сентября. Отѣхавъ не болѣе двѣнадцати верстъ, встрѣтилъ я тяжело нагруженную четверомѣстную карету; сидѣвшая въ ней вскрикнула и велѣла остановиться: это была сестра моя Алексѣева. Ея мужъ выступилъ въ походъ противъ Шведовъ, а она, въ разлукѣ съ нимъ, спѣшила къ родителямъ и къ двумъ малымъ сыновьямъ, которые съ учителемъ около года находились въ домѣ у дѣдушки. Отъ этой встрѣчи, цѣлымъ получасомъ опоздала она къ нимъ на свиданіе.

Время мнѣ благопріятствовало, оно было сухое, теплое; въ сутки часа на три или на четыре становилось даже жарко.

Ночью однакоже бывало холодно; отъ частыхъ перемѣнъ въ температурѣ я простудился, и въ самый день прїѣзда моего въ Москву, схватила меня лихорадка; но два-три дня были для меня достаточны, чтобъ отъ нея освободиться. Французская труппа съ Филисой изъ Петербурга находилась тогда на время въ Москвѣ: я пошелъ ее смотрѣть во вновь открытый, деревянный, обширный, прекрасный театръ на Арбатской площади, который былъ построенъ въ замѣнъ сгорѣвшаго стараго, каменнаго Петровскаго театра и который черезъ четыре года самъ долженъ былъ сдѣлаться жертвою пламени. Одного только знакомаго встрѣтилъ я тамъ, и то довольно новаго; обрадовался же я Жуковскому, какъ-будто вѣкъ мы съ нимъ жили. Цвѣтъ поэзіи въ немъ только что совершенно распустился, и въ непритворныхъ, неискусственныхъ, веселыхъ разговорахъ благоухала вся душа его. Мнѣ показалось, что я въ Петербургѣ, во французскомъ театрѣ, сижу съ Блудовымъ; объ немъ мы не наговорились: поневолѣ долженъ былъ я нѣсколько лишнихъ дней пробыть въ Москвѣ.

Хорошая, ясная погода между тѣмъ все какъ будто поджидала меня, чтобы сопутствовать мнѣ въ Петербургъ. Не было ни облачка на небѣ, ни малѣйшаго трепета въ пожелтѣвшихъ листьяхъ; такая осень случается иногда на сѣверѣ, но очень рѣдко. Въ день Покрова Богородицы, 1 октября, когда я приблизился къ Петербургу, уже смерклося; я могъ однакоже замѣтить, что дачь еще не покидали, ибо со многихъ сторонъ подымались въ воздухъ фузеи и ракеты.

IV.

Хотя и прїѣхалъ я въ Петербургъ, но въ этой главѣ буду объ немъ говорить мало. Съ начала моего прїѣзда ничего особенно примѣчательнаго въ немъ не случилось; государь находился въ Эрфуртѣ, для свиданія съ Наполеономъ, въ сопровожденіи Румянцева, Аракчеева, Сперанскаго и многихъ другихъ приближенныхъ къ нему особъ; императрицы продолжали жить въ загородныхъ дворцахъ, и знатные люди, изъ вѣрноподданческаго подражанія, забнули отъ сырости и стужи на своихъ дачахъ. Какъ я пишу для себя столько же какъ и для другихъ, то главу сію намеренъ посвятить

однимъ семейнымъ воспоминаніямъ, которыя могли бы быть вовсе не занимательны для читателя, еслибы сколько-нибудь не были связаны съ политическими происшествіями того года.

Не долго зятю моему Алексѣеву, шефу Митавскаго драгунскаго полка, дали оставаться съ нимъ въ Тихвинѣ. Въ іюль мѣсяцѣ вѣрно было ему, съ полкомъ своимъ, идти позади Ладожскаго озера въ Сердоболь, лежащій на старой нашей финляндской границѣ: тамъ получилъ онъ приказаніе пробираться черезъ лѣсистую и каменистую Карелию далѣе на сѣверъ, чтобы соединиться съ корпусомъ генерала Тучкова.

Въ продолженіи лѣта, бѣлая часть Финляндіи была занята русскими войсками; главный городъ ея, Абовъ, находился въ ихъ рукахъ; Свеаборгъ, неодолима твердыня, сѣверный Гибралтаръ, былъ взятъ или купленъ часто поминаемымъ мною генераломъ Сухтеленемъ. Рѣдкіе и малые наши уроны противъ Шведовъ были тотчасъ вознаграждаемы важными надъ ними успѣхами. Корпусъ Тучкова (Николая Алексѣевича), по направленію къ сѣверу, прошикалъ во внутренность земли; другой корпусъ, подъ начальствомъ одного молодаго генерала, подававшего дотолѣ однѣ надежды, а тутъ оправдывавшаго ихъ, подвигался впередъ вдоль берега Ботническаго залива.

Императрица Екатерина полководцевъ своихъ любила награждать въ ихъ дѣтяхъ, повышая ихъ въ малолѣтствѣ. Младшій сынъ фельдмаршала Каменскаго, графъ Николай Михайловичъ, не имѣя двадцати лѣтъ отъ роду, былъ при ней подполковникъ. Я лично его знавалъ; онъ учился въ одномъ пансіонѣ съ братьями моими, остался съ ними пріателемъ, и потому когда бывалъ въ Кіевѣ, какъ родной жилъ у насъ въ домѣ. Онъ былъ скромень, ласковъ, весьма не дурень собою, въ голосѣ имѣлъ что-то нѣжное: я помнилъ постоянно пріятную его улыбку и съ трудомъ могъ повѣрить, что гнѣвъ его, подобно отцу, доходилъ иногда до изступленія. Пылкій, влюбчивый, онъ въ то же время былъ чрезвычайно застѣнчивъ, могъ и не умѣлъ нравиться женщинамъ; слѣдствіе того, тайныя наслажденія и муки еще въ молодости изсушили его тѣло и разстроили его нервы. Оттого-то, вѣроятно, не всегда онъ могъ владѣть собою; несмотря на то, всѣ подчиненные любили и уважали его за его

умъ, за его благородное, доброе сердце. Едва начиная брить усы, былъ онъ уже генераль-майоромъ, и на альпійскихъ высотахъ дѣйствовалъ отчаянно геройски въ глазахъ героя Суворова, соперника отца своего: восхищенный имъ старецъ благословилъ его, и послѣ того онъ, Багратионъ и Милорадовичъ почитались въ арміи крестниками Суворова, какъ бы усыновленными имъ, на полѣ битвы. Въ день Аустерлица, подѣ Преишъ-Эйлау, подѣ стѣнами Давдига, командуя бригадою или дивизіею, поддержалъ онъ свою репутацію неустрашимости и военного знанія. Когда въ Финляндіи поручили ему корпусъ, счастье продолжало ему улыбаться, ибо первое важное дѣло при Каурганѣ, гдѣ онъ отдѣльно начальствовалъ, было имъ выиграно. На время оставимъ его.

Жители малолюдной, бесплодной Карелии почти не знали употребленія хлѣба; имъ замѣняла его рыба, изобилующая въ ихъ озерахъ, и дичь, которою наполнены были ихъ густыя, непроходимыя дебри: всѣ они были звѣроловы. Когда Алексѣевъ, предводительствуя горстію своихъ всадниковъ, вступилъ въ ихъ предѣлы, то по невѣжеству своему, полагая, что идутъ грабить ихъ скудную собственность, и ободренные малочисленностію непріятелей, они всѣ вооружились. Первый переходъ черезъ лѣсистыя горы совершилъ Алексѣевъ благополучно, не встрѣтивъ ни малѣйшаго нападенія; но на другой день, чѣмъ далѣе сталъ онъ углубляться въ лѣсъ, положеніе его становилось опаснѣе; казалось, что каждое дерево превращалось въ стрѣлку; во всякомъ ущельѣ была засада. Онъ потерялъ уже нѣсколько драгунъ и началъ разчитывать, что подѣ ударами невидимыхъ и вездѣсущихъ враговъ, ему не останется ни единого человѣка, когда онъ едва достигнетъ половины предлежащаго ему длиннаго пути. Потому рѣшилъ онъ воротиться въ Сердоболь и донести, что не видитъ возможности исполнить даннаго ему повелѣнія, если не дадутъ ему помощи.

Аракчеевъ, который никогда не видалъ непріятельскаго огня, который никогда не бывалъ на войнѣ, а изъ кабинета своего распоряжалъ однакоже въ то время военными дѣйствіями, увидѣвъ въ этомъ поступкѣ явную трусость. Еслибы государь лично не зналъ Алексѣева и не вступился бы за него, то за осторожность свою могъ бы онъ жестоко пострадать. Придворные генералы смотрѣли съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ на опасности сей, по мнѣнію ихъ, побочной

войны: однакоже, отъ нечего дѣлать, для прогулки, чтобы не терять привычки къ сраженіямъ, и мимоходомъ схватить лишнюю паггаду, вызывались иногда въ ней участвовать. Умершій въ 806 году отъ болѣзни, молодой любимецъ государевъ, князь Петръ Петровичъ Долгоруковъ, который въ жизни имѣлъ одну только славу, нагрубить Наполеону наканунѣ Аустерлица, оставилъ по себѣ брата-близнеца и друга, князя Михаила Петровича, который заступилъ мѣсто его въ сердцѣ царевомъ и въ званіи генераль-адъютанта: онъ въ этомъ случаѣ предложилъ свои услуги, которыя охотно были приняты.

Онъ пріѣхалъ въ Сердоболь и въ первыя минуты не захотѣлъ скрыть отъ Алексѣева инструкціи, данной ему Аракчеевымъ, въ которой онъ не весьма лестно отзывался насчетъ его храбрости: можно себѣ представить отчаяніе и бѣшенство беззащитнаго противъ власти воина. Долгоруковъ, нѣсколько осмотрѣвшись, поразвѣдавъ, въ донесеніи своемъ успѣшилъ оправдать Алексѣева и объявить, что онъ не тронется съ мѣста, если отрядъ его не будетъ усиленъ пѣхотой и артиллеріей. Любимца царя прямодушный Аракчеевъ не смѣлъ обвинить въ слабости духа и отказать ему въ помощи.

Съ отрядомъ, вчетверо усиленнымъ, выступилъ князь Долгоруковъ. Сначала шелъ онъ осторожно: но испуганные жители не смѣли уже показываться и на всемъ пути не слышалъ онъ ни одного выстрѣла. О благополучномъ совершеніи похода донесъ онъ въ Петербургъ, и произведенъ былъ въ генераль-лейтенанты. Соединившись съ Тучковымъ, который былъ старше его въ чинѣ, онъ поставилъ его въ затруднительное положеніе, не хотѣлъ себя подчинить ему, и началъ дѣйствовать отдѣльно. Онъ велѣлъ генералу Алексѣеву атаковать Шведовъ въ укрѣпленныхъ куркѣ и мызѣ Индесальми, а самъ съ веселымъ духомъ сталъ на пушечный выстрѣлъ отъ мѣста сраженія, чтобы распорядить движеніями. Онъ родился для войны, любилъ ее, говорятъ, болѣе всего, былъ блистательно отваженъ и общалъ Россіи хорошаго полководца. Случается иногда, хотя рѣдко, что слабые и угнетенные бываютъ явно покровительствуемы небомъ, тогда какъ гордые, сильные между людьми, гибнутъ посреди торжества своего. Пока оскорбленный въ своей чести, Алексѣевъ рвался доказать несправедливость обвиненій Аракчеева и шелъ по узкой пло-

тинъ, черезъ малое озеро, прямо къ укрѣпленіямъ Индесальми, осыпаемый картечью и пулями, пущенное оттуда ядро вырвало бокъ у князя Долгорукова, который довольно еще далеко стоялъ верхомъ. Смерть генерала обыкновенно изумляетъ, смущаетъ, разстроиваетъ солдатъ, но только не русскихъ: оживленные примѣромъ другаго начальника, воспаленные самою опасностію своего положенія, наши воины продолжали идти отчаянно на бой, непріатели выгнаны изъ укрѣпленій, разбиты, взяты въ плѣнь, и дѣло совершенно выиграно. Алексѣевъ вышелъ изъ него цѣль и невредимъ, и честь этого дня конечно ему принадлежала.

Это было въ концѣ октября, когда государь только что воротился изъ Эрфурта. Онъ съ величайшею горестію узналъ о смерти Долгорукова, и не онъ одинъ; всѣ надѣялись, что если одинъ братъ побранился съ Наполеономъ, то другому удастся побить его. Всѣ говорили, что подобно Эпамипонду, послѣдніе взоры его устремлены были на бѣгущаго непріателя. Какъ это несправедливо. Еслибъ онъ остался живъ, то могъ бы имъ быть; но сраженіе только что начиналось, когда ядро въ одну секунду, безъ страданій, прекратило его жизнь. Тѣло его съ великими почестями привезено въ Петербургъ и предано землѣ въ Невской Лаврѣ *. Вступившій опять во

* Графъ Т., прозванный Американцемъ, о встрѣчѣ съ коимъ въ Сибири говорилъ я во второй части сихъ записокъ, былъ остановленъ у петербургской заставы, когда возвращался изъ путешествія вокругъ свѣта, потомъ провезенъ только чрезъ столицу и отправленъ въ Нейшлотскую крѣпость. Приказомъ того же дня переведенъ онъ изъ Преображенскаго въ тамошній гарнизонный полкъ тѣмъ же чиномъ. Наказаніе жестокое для храбреца, который никогда не видалъ сраженій, и въ то самое время, когда отъ востока до запада во всей Европѣ загорѣлась война. По прибытіи Алексѣева въ Сердоболь, явился онъ къ нему и молилъ взять его съ собою: молодой левъ наружностію и сердцемъ полюбился Алексѣеву, и онъ представилъ о томъ въ Петербургъ, но съ выговоромъ получилъ отказъ. Другое дѣло было съ Долгоруковымъ, тому отказывать не умѣли. Онъ за адъютанта находился подлѣ него въ ту минуту, какъ его убили. Онъ находился и въ свѣтъ, сопровождавшей его тѣло; но какъ воспрещеніе вѣзжать въ столицу снято съ него не было, то опять остановили его на заставѣ. Ему дозволено было только присутствовать при церемоніи погребенія, и тотъ же часъ опять выѣхать изъ Петербурга, только уже къ преображенскому батальйону, находившемуся въ Абовѣ, куда перевели его въ память Долгорукова.

всѣ права свои, Тучковъ, въ донесеніи своемъ, отдалъ полную справедливость Алексѣеву, которому, въ награду за его подвиги и въ вознагражденіе за понесенную имъ напраслину, дали Аннинскую ленту.

Почти въ то же время, съ другой стороны, графъ Каменскій одержалъ свою вторую, еще блистательнѣйшую побѣду при Оровайсѣ, послѣ которой могъ онъ дойти до послѣднихъ предѣловъ Финляндіи и Ость-Ботніи: онъ сталъ на границѣ Лапландіи. Между тѣмъ, главнокомандующій графъ Буксгевденъ все оставался, съ главною квартирою, въ главномъ городѣ Абовѣ. Военный министръ въ перепискѣ съ нимъ обходился какъ съ подчиненнымъ, и давалъ ему предписанія, что Буксгевденъ не соглашался переносить терпѣливо: отъ того родились между ими ужаснѣйшая вражда и перекоры. Изъ мщенія подалъ Аракчеевъ къ подписанію императора рескриптъ Каменскому на Георгіевскій орденъ второй степени, въ которомъ приписывалъ ему успѣхъ всей войны и называлъ его завоевателемъ цѣлой Финляндіи. Общее мнѣніе въ этомъ случаѣ только было согласно съ Аракчеевымъ: хотя въ то время и не одобряли вообще шведскую войну, утѣшались однакоже мыслию, что она служить приготовительною школою для будущихъ противниковъ Наполеона. А какъ онъ двадцати шести лѣтъ побѣждалъ при Арколѣ и Лоди, то во всякомъ молодомъ отличившемся генералѣ видѣли будущаго его соперника и защитника Россіи. Вотъ почему съ изъясненіями живѣйшаго восторга былъ принятъ Каменскій, когда по окончаніи кампаніи, въ началѣ зимы, пріѣхалъ онъ въ Петербургъ.

Я ничего не говорилъ объ участи бѣднаго брата моего Павла, находившагося также въ Финляндіи: она сдѣлалась ужасна. Не помню, въ какомъ корпусѣ или дивизіи былъ онъ провіантскимъ комиссіонеромъ, какъ отъ осеняго, сыраго холода, въ угрюмомъ климатѣ сѣверной Финляндіи, впалъ онъ въ тяжкую болѣзнь и долженъ былъ на время сдать свою должность. Что за тѣмъ послѣдовало, едва ли покажется вѣроятнымъ. Въ Эрфуртѣ получилъ Аракчеевъ о томъ донесеніе, и полагая, что братъ мой отъ лѣности сказался больнымъ, написалъ собственноручно: „до вступленія опять въ должность и по поступленіи въ нее, для поправленія здоровья, во время сраженій посылатъ его въ самыя опасныя мѣста“. Отъ Куопіо до Эрфурта довольно далеко, и до полученія

отвѣта, къ счастью, братъ мой успѣлъ уже выздоровѣть; начальники однакоже не осмѣлились не исполнить сдѣланнаго надъ нимъ приговора, и онъ, не одинъ разъ, какъ бесполезная жертва, разлѣзжалъ во фракъ подъ непріятельскими пулями. . . . .

Встрѣтась гдѣ-то съ братомъ, графъ Каменскій тотчасъ узналъ въ немъ прежняго пріятеля и школьнаго товарища, и бросился къ нему на шею. Всѣхъ предстоящихъ пріятно изумило такое обхожденіе корпуснаго командира, героя той эпохи, съ провіантскимъ комиссіонеромъ. Не ручаясь за успѣхъ, онъ далъ ему слово сильно ходатайствовать за него по пріѣздѣ въ Петербургъ.

Много удовольствій и много горестей должны были родители мои перечувствовать въ этомъ 1808 году: самая жестокая ожидала ихъ въ концѣ его. Въ молодости своей лишились онѣ пятерыхъ малолѣтнихъ дѣтей обоюго пола, изъ коихъ долѣе всѣхъ жила дочь Катерина, умершая пяти лѣтъ. Съ тѣхъ поръ смерть какъ будто падала ихъ чадолюбіе и не похищала ни одного изъ взрослыхъ членовъ ихъ семейства. Первою жертвою ея была любимая ихъ невѣстка, Варвара Ивановна. Два года оплакивалъ ее неутѣшный мужъ; тягостную жизнь свою посвятилъ онъ заботамъ о двухъ младенцахъ, ею оставленныхъ; они воспитывались въ Воронежѣ, у Тулиновыхъ, и онъ часто отрывался отъ нихъ, чтобы ѣздить къ родителямъ въ Пензу. Въ началѣ ноября установился санный путь, и онъ собирался въ дорогу, чтобы поспѣть къ 14 числу, ко дню именинъ отца нашего: лошади были запряжены, повозка подвезена, онъ началъ уже надѣвать шубу, какъ вдругъ неосторожно заделъ рукавомъ за заряженный пистолеть, который хотѣлъ взять съ собою. Ударъ попалъ прямо въ середину лѣвой ладони и пробилъ ему руку насквозь. Рана была бы не смертельная, еслибы врачи были искусны; но они спѣшили закрыть ее: тогда вся боль конулась въ сердце, которое, какъ увѣряютъ, находится посредствомъ жилъ въ прямомъ соединеніи съ лѣвою рукой. Не оставалось никакой надежды на его спасеніе, и послѣ жестокихъ мученій, на третій день предалъ онъ Богу душу свою, непорочную, незлобивую, исполненную безпримѣрной любви ко всѣмъ своимъ близкимъ. Ему только что исполнилось тридцать лѣтъ. Привязанность его къ памяти жены такъ

всѣмъ была извѣстна, что многіе полагали, будто онъ съ умысломъ прострѣдилъ себѣ руку: мнѣніе это было совершенно ложное; отцовскою нѣжностію былъ онъ прикованъ къ жизни и добровольно съ нею бы не разстался.

Его поджидали въ Пензу, когда онъ лежалъ уже въ землѣ: сестра моя Алексѣева, у родителей находившаяся, осуждена была объявить имъ о томъ наканунѣ того дня, который надѣялись онѣ вмѣстѣ съ нимъ праздновать. Тогда только семейство мое узнало, какъ онъ былъ ему дорогъ. Скорбь о его потерѣ была у насъ общая, ощущаемая однакоже не всѣми въ равной степени: во мнѣ она была смѣшана съ упреками совѣсти; дважды былъ онъ моимъ благодѣтелемъ, а я долго не могъ забыть отроческихъ огорченій, имъ когда-то мнѣ причиненныхъ. Отчаяніе матери моей было безпредѣльное, за то не столько продолжительное. Больше всѣхъ пораженъ былъ престарѣлый мой отецъ: сначала онъ какъ будто твердо устоялъ противъ сего удара, вскорѣ же потомъ самъ примѣтно началъ клониться къ паденію. Въ первый разъ еще въ жизни, служба и возлагаемая ею обязанности показались ему несносными, и онъ рѣшительно приступилъ къ исполненію намѣренія своего ее оставить.

V.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ разошелся слухъ, который возбудилъ любопытство и участіе во всѣхъ жителяхъ Петербурга, отъ вельможи до мѣщанина. Государь ожидалъ къ себѣ дорогихъ гостей, королеву прусскую, предметъ нѣжнѣйшаго и почтительнѣйшаго состраданія всѣхъ Русскихъ, и короля, супруга ея. Никакое государство, не переставая существовать, не доходило еще до столь глубокаго униженія, въ какомъ находилась тогда Пруссія; столицы ея, крѣпости, всѣ главные города были заняты французскими войсками, до выплаты огромной контрибуціи; въ одномъ только не тронутомъ углу, на самой русской границѣ, въ небольшомъ городѣ Мемелѣ, въ небольшомъ частномъ домѣ жило, забившись, королевское семейство. Душевно соболѣзнуя о томъ, императоръ Александръ былъ въ Эрфуртѣ искуснымъ и жаркимъ адвокатомъ Пруссіи; Наполеонъ, у котораго начиналась война съ Гішпаніей, гораздо серіознѣе чѣмъ онъ ожидалъ, и готовилась другая съ Австріей, имѣя нужду собрать вокругъ себя всѣ войска свои, показалъ, будто ни въ чемъ не умѣетъ ему

отказываться и согласился очистить путь королю въ Берлинъ: кажется, оба императора начинали уже тогда хитрить другъ съ другомъ. Тронутые симъ новымъ опытомъ дружбы нашего царя, для изъявленія ему благодарности, король и королева захотѣли посѣтить его столицу, прежде возвращенія въ собственную.

Въ Петербургѣ всѣ толки шли болѣе о королевѣ, которая блистала прелестію красоты, и въ то же время двойнымъ величіемъ сана и несчастія. Любовь къ ней Русскихъ умножалась всею ненавистію ихъ къ Наполеону, столь не рыцарски изливавшему всю злость свою противъ нея. Въ день Рождества, вечеромъ, ожидаемая чета, въ сопровожденіи принцевъ своего дома, прибыла въ Стрѣльну. На другое утро, 26 декабря, были они встрѣчены съ великими почестями. Погода стояла суровая и холодная; какъ нарочно, въ этотъ день сдѣлалась совершенная оттепель. Не доѣзжая до Петергофской заставы, отъ которой гвардейскіе полки стояли по обѣимъ сторонамъ улицъ до Зимняго дворца, королева остановилась на дачѣ Бергина, чтобы переодѣться въ нарядное платье и сѣсть въ приготовленную для нея осьмистекольную, раззолоченую карету. У этой заставы, императоръ въ сопровожденіи великаго князя Константина Павловича, множества военныхъ генераловъ и нѣкоторыхъ посланниковъ иностранныхъ дворовъ, встрѣтилъ ее, и оттуда вмѣстѣ съ королемъ и его свитой имѣлъ торжественный вѣздъ. Палили изъ пушекъ, звонили въ колокола.

Одинъ человекъ былъ весьма примѣчателенъ въ это утро, безстыдно и нагло пользуясь большими правами своими, французскій посоль Коленкуръ. Когда всѣ были въ парадныхъ мундирахъ, и полиція никого не пускала по улицамъ, по которымъ долженъ былъ пройти церемоніальный поѣздъ, онъ развѣзжалъ верхомъ между полками, одинъ, въ сюртукѣ и круглой шляпѣ, съ видомъ величайшаго неудовольствія и даже досады; когда же проѣхалъ мимо его государь съ королемъ, онъ пожалъ плечами и злобно улыбнулся. Это видѣлъ народъ, и еслибы не былъ удерживаемъ страхомъ, закидалъ бы его грязью и камнями. Тутъ не было ничего обиднаго для Россіи, какъ послѣ оказалось: привыкнувъ видѣть своего императора окруженнаго толпою королей имъ побѣжденных или имъ нажалованныхъ, Коленкуръ находилъ, что другой, равный ему императоръ унижаетъ свое достоинство,

воздавая такую честь тому, котораго бы могъ онъ почитать едва ли не вассаломъ своимъ. Также увѣряли послѣ, будто онъ проникъ тайный замыселъ королевы склонить государя къ новому союзу съ Австріей, къ которому бы пристала Пруссія, чтобы такимъ образомъ общими силами подавить наконецъ общаго врага. Если у нея было такое намѣреніе, то оно не имѣло никакого успѣха.

Начались въ Петербургѣ безконечныя празднества. Несмотря на склонность мою противорѣчить общему мнѣнію, несмотря на убѣжденіе что намъ полезно доброе согласіе съ Франціей, я не могъ безъ умиленія думать о прекрасной жертвѣ ея властолюбія; несмотря на свой трауръ, я искалъ всѣ случаи, чтобъ ее видѣть. Для насъ, горожанъ, не принадлежащихъ ко двору, и къ нему не представленныхъ, ихъ было не много: я всѣми воспользовался и до сыта налюбовался ея красивымъ станомъ, неподобными плечами, очаровательною улыбкой и взоромъ. Между тѣмъ, я видѣлъ только тѣ прелести, которыя двухгодовое горе не совсѣмъ еще успѣло истребить въ ней.

Не одинъ пріѣздъ королевы, но также и обрученіе великой княжны Екатерины Павловны съ принцемъ Георгіемъ Ольденбургскимъ, которое совершенно 1-го января 1809 года, было причиною необычайныхъ празднествъ этой зимы, фейерверковъ, иллюминацій, придворныхъ маскарадовъ и великолѣпныхъ баловъ. До сихъ поръ не знаю, правда ли что Наполеонъ тогда же хотѣлъ разводиться съ Іозефиной, чтобы свататься за нашу красотку? Правда ли, что узнавъ о томъ, она исполнилась ужаса и негодованія, и для избѣжанія такой участи, спѣшила замужествомъ съ дальнимъ родственникомъ, младшимъ сыномъ весьма немогущественнаго нѣмецкаго владѣтельнаго герцога?

Замѣчательно было, что во всѣхъ иллюминированныхъ домахъ, какъ казенныхъ, такъ и частныхъ, согласно волѣ императора, вездѣ горѣли одни вензелевыя имена короля и королевы прусскихъ, какъ бы въ доказательство, что всѣ сіи торжества происходили только по случаю ихъ пріѣзда. Одинъ лишь Коленкуръ, постоянно изъяслявшій къ нимъ презрѣніе, не согласился сообразоваться съ симъ, и на домъ своемъ выставилъ одну огромную литеру Е, вензель невѣсты.

Въ продолженіе всего пребыванія короля и королевы стояли жестокіе морозы, и одинъ балагуръ замѣтилъ, что въ Пе-

тербургѣ вымораживаютъ прусаковъ (такъ называется особый родъ таракановъ), точно также какъ въ деревенскихъ избахъ. Только въ день выѣзда ихъ, 20-го января, сдѣлалась опять такая же оттепель, какъ и въ день ихъ прѣзда.

Во дни оны, жизнь каждаго частнаго лица такъ связана была съ политическими происшествіями, такъ много отъ нихъ зависѣла, что мнѣ приходится, хотя бы и не совсѣмъ мое дѣло, все говорить о союзахъ, о войнахъ, о мирныхъ трактатахъ. Къ концу зимы начали приготовляться къ новой кампаніи противъ Шведовъ; хотѣли нанести имъ рѣшительные удары и приневолить ихъ къ выгодному для насъ миру. На всемъ правомъ берегу Ботническаго залива не оставалось болѣе непріятельскихъ войскъ; чтобы напасть на нихъ, надобно было перейти на лѣвый берегъ, для чего открывался одинъ только путь, который огибалъ заливъ и пролегалъ чрезъ вѣчно снѣжную Лапландію. Дѣло казалось затруднительнымъ; но морозы, противъ которыхъ нынѣ такъ вопіетъ наша изнѣженность, всегда вовремя были нашими сильными союзниками, какъ въ нападательной, такъ и въ оборонительной войнѣ. Они оковали бурныя волны залива, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ усѣянный островами и шкерами онъ болѣе суживается.

Тогда въ головѣ государя родился одинъ изъ тѣхъ смѣлыхъ плановъ, коихъ выполненіе возможно только съ русскими солдатами. Несогласія между военнымъ министромъ и главнокомандующимъ финляндскою арміею дошли до того, что одному изъ нихъ непремѣнно надлежало удалиться, и конечно уже не Аракчееву. Одинъ русскій генераль изъ Нѣмцевъ, Богданъ Θεодоровичъ Кноррингъ, отличившійся нѣкогда при Екатеринѣ, прославшій великимъ тактикомъ, призванъ былъ на мѣсто Буксгевдена. Ему велѣно было раздѣлить армію на три корпуса, первый отданъ былъ подъ начальство князя Багратиона, другой порученъ Барклаю-де-Толли, третій генераль-адъютанту графу Шувалову. Только послѣдній могъ идти естественнымъ путемъ, по твердой землѣ, чрезъ Торнео. Другіе же два, новые Фараоны, должны были проходить по морю аки по суху, по пучинамъ, покрытымъ ледяною корою, Что такое воинская слава въ Россіи, когда соотечественники и даже современники совершенно забываютъ столь отважныя предпріятія, увѣнчанныя успѣхомъ? Всѣхъ удивило послѣ, что Каменскій не пожелалъ участвовать въ семъ дѣлѣ,

и во всемъ блескѣ своемъ закатился въ Орловской деревнѣ. Никто не подозрѣвалъ какъ трудно ему было въ пылу сраженій сохранять свое хладнокровіе, съ какимъ напряженіемъ душевныхъ силъ старался онъ подчиненнымъ подавать примѣръ мужества и какъ съ разстройствомъ нервъ его нужно ему было на время ихъ успокоеніе.

Со смѣлостію почти безразсудною, свойственною однимъ только Русскимъ, на трехъ указанныхъ имъ пунктахъ, въ половинѣ марта, генералы со вѣрными имъ войскомъ совершили чудесно геройскіе свои подвиги; особенно же Багратіонъ и Барклай, кои въ продолженіе трехъ или четырехъ-дневнаго перехода, при малѣйшей переменѣ вѣтра, могли быть поглощены морскою бездною. Барклай изъ Вазы въ Умео перешелъ заливъ черезъ Кваркенъ, группу необитаемыхъ скалъ среди моря. Багратіонъ овладѣлъ Аландскими островами, а передовой отрядъ его, подъ начальствомъ генерала Кульнева, на противоположномъ берегу, занялъ Гриссельгамъ, въ виду шведской столицы. О дѣйствіяхъ Шувалова пока говорить не буду.

Въ трепетномъ ожиданіи императоръ самъ отправился въ Абовъ. Весь планъ этого необычайнаго похода былъ имъ самимъ составленъ. И что же? воля его исполнена, войско его не погибло, а онъ воспикѣлъ гнѣвомъ и отчаяніемъ. При появленіи Русскихъ въблизи Стокгольма, сдѣлался тамъ бунтъ, и несчастный Густавъ IV, дѣйствительно нѣсколько помѣшанный, былъ свергнутъ съ престола, на который посаженъ дядя его, герцогъ зюдерманландскій подъ именемъ Карла XIII. Узнавъ о томъ, разсудительный, благоразумный Нѣмецъ Кноррингъ въ семь домашнихъ переворотѣ увидѣлъ конецъ войны и, не проникнувъ намѣреній императора и не дожидаясь дальнѣйшихъ его повелѣній, думалъ сдѣлать ему угодное, давъ приказаніе генераламъ идти обратно тѣмъ же опаснымъ путемъ. . . . .

Кноррингу дали почувствовать, что ему не довѣдетъ оставаться начальникомъ арміи. На его мѣсто назначили Барклай-де-Толли, котораго вмѣстѣ съ Багратіономъ произвели въ полные генералы: послѣднему дали другое назначеніе.

По прибытіи къ своему корпусу, графъ Шуваловъ объявилъ Алексѣеву, что какъ въ предстоящемъ походѣ кавалерія можетъ быть только затрудненіемъ, то по распоряженіямъ военнаго министра, полкъ его велѣно отослать внутрь

Финляндіи. Что же касается собственно до него, то именовъмъ государя предложилъ онъ ему, какъ человѣку необходимому, участвовать въ предпринимаемомъ, опасномъ дѣлѣ. Можно себѣ представить какъ предложеніе сіе обрадовало Алексѣева, а еще болѣе когда онъ получилъ рескриптъ отъ царя, коимъ за изъявленное имъ согласіе объявляетъ онъ ему особое свое благоволеніе.

Тутъ случился одинъ человѣкъ, котораго, безъ всякаго преувеличенія, можно назвать совершеннымъ негодемъ, но которому одинъ разъ, именно въ это время, удалось пригодиться русскому войску. Нѣкто (настоящаго его имени до сихъ поръ еще никто не знаетъ), называвшій себя Ансельмъ де Ж., былъ офицеромъ въ томъ отрядѣ французской арміи, который, по пресбургскому трактату, занялъ Иллирію и Далмацію. Въ Бокко ди Катаро укралъ онъ полковой ящикъ съ казною и патентъ своего полковника; съ ними бѣжалъ онъ сперва въ Корфу, и очутился наконецъ на флотѣ адмирала Синявина, находившагося тогда въ Средиземномъ морѣ. На адмиральскомъ кораблѣ былъ онъ только что свидѣтелемъ побѣды, одержанной Синявинымъ надъ Турками близъ Тенедоса и Аѳонской горы. У русскаго добродушія съ французскою наглостію выпросилъ онъ сильную о себѣ рекомендацію и мѣсто въ лодкѣ, повозкѣ или коляскѣ отправляемаго съ извѣстіемъ о побѣдѣ морскаго штабъ-офицера.

Прежде нежели пріѣхалъ онъ въ Петербургъ, былъ уже заключенъ тильзитскій миръ, что нѣкоторымъ образомъ должно было разстроить его замыслы. Онъ, однакоже, не оробѣлъ; и пока отличившійся, скромный морякъ представлялъ официально донесенія своего начальства, разливался уже онъ по гостинымъ и съ притворнымъ восторгомъ, въ преувеличенномъ видѣ, не забывая себя, описывалъ чудесные подвиги русскихъ офицеровъ и матросовъ. Угождая общему мнѣнію, выдавалъ онъ себя за стариннаго дворянина, въ душѣ роялиста, поневолѣ служившаго тирану Франціи, и въ то же время за бывшаго адъютанта, друга и приверженца республиканскаго генерала Моро, извѣстнаго врага и соперника Бонапарте. Гоненія имъ отъ того претерпѣваемаго заставили его наконецъ покинуть побѣдоносныя французскія знамена. На украденный имъ и будто полученный знакъ почетнаго легіона при всѣхъ онъ плевалъ. И всѣмъ этимъ недовѣщамъ вѣрили и вездѣ осыпали его похвалами. Онъ потребовалъ

себѣ Георгіевскій крестъ на шею, а ему дали владимірскій третьей степени, и онъ казался тѣмъ не совсѣмъ довольнымъ. Потомъ сталъ онъ проситься въ службу, а какъ тирана его уже признали императоромъ, то и приняли его тѣмъ чиномъ, въ которомъ онъ ему будто бы служилъ, то-есть полковникомъ по кавалеріи, и отправили въ Финляндію. Тогда уже были на лицо Савари и Коленкуръ и имѣли все право вы-требовать бѣглеца и вора; они того не сдѣлали, можетъ-быть тайно смѣялись надъ легковѣріемъ Русскихъ, можетъ-быть тайно и употребляли его.

Онъ не показывалъ трусости при встрѣчахъ съ непріателемъ, и это одно въ русской арміи спасало его отъ совершеннаго пренебреженія, которое безъ того постигло бы сего безстыдника, лгуна и сквернослова. Товарищи смѣялись надъ нимъ, а начальники сдѣлали изъ него шута. Онъ явился къ Шувалову, который до того о немъ не слыхивалъ, и съ первыхъ словъ ему чрезвычайно понравился. Графъ Павелъ Андреевичъ Шуваловъ, сынъ графа Андрея Петровича, пріятеля Вольтера и Лагарпа, писателя французскихъ стиховъ, автора посланія къ Нивонѣ, былъ воспитанъ совершенно на французскій манеръ, какъ всѣ баричи того времени. Онъ былъ человѣкъ добродушный, благородный и храбрый, одинъ изъ любимцевъ императора, и долженъ бы былъ быстрѣе шагать на военномъ поприщѣ, еслибы смолоду не имѣлъ несчастной, совсѣмъ не аристократической привычки при-держиваться хмѣльнаго.

Не ожидая съ другихъ сторонъ нападенія, почитая его невозможнымъ, Шведы сосредоточили всѣ остатки силъ своихъ въ Торнео, на единственномъ пунктѣ, который Шувалову надлежало атаковать. Числомъ были они гораздо сильнѣе чѣмъ десяти тысячный русскій корпусъ. Дѣло едва только началось; послѣ небольшой перестрѣлки, отъ которой съ обѣихъ сторонъ убито и ранено человѣкъ десятка полтора, всѣ изумились, когда увидѣли, что Шведы, прекративъ пальбу, прислали сказать, что они сдаются въ плѣнъ со всѣмъ оружіемъ и военными снарядами. На всякой случай легкой отрядъ былъ посланъ къ нимъ въ тылъ, а между тѣмъ Ансельмъ де Ж., съ согласія Шувалова, явился въ ихъ станъ болѣе въ видѣ переметчика чѣмъ парламента. Изобразивъ имъ всю ненависть свою противъ русскихъ варваровъ, среди коихъ завелъ его несчастный слу-

чай, всю братскую нѣжность, которая соединяетъ южныхъ Французовъ съ сѣверными, какъ Шведы любятъ чтобъ ихъ называли, онъ учетверилъ въ глазахъ ихъ число нашихъ солдатъ, увѣрилъ ихъ что они отрѣзаны, что они въ западнѣ, и не видя для нихъ другаго спасенія, дружески совѣтовалъ имъ положить оружіе. Они его послушались; и когда уже поздно увидѣли свою ошибку, многіе изъ нихъ приходили въ такое бѣшенство, что ломали шпаги и ружья, которыя должны были класть передъ побѣдителями. И говорить нечего! вся слава этого дѣла принадлежитъ обманщику Французу: за это произвели его въ генераль-майоры.

Не видя передъ собою болѣе препятствій и, по чрезвычайной отдаленности отъ главной квартиры, гораздо позже другихъ получивъ отъ Кнорринга приказаніе воротиться, графъ Шуваловъ продолжалъ подвигаться уже съ сѣвера на югъ.

Въ продолженіе всей зимы, отецъ мой неоднократно обращался къ князю Куракину съ просьбой о дарованіи ему свободы, то-есть о испрошеніи ему всемилостивѣйшаго увольненія отъ службы. Еще чаще писалъ онъ о томъ къ К., котораго въ началѣ зимы министръ внутреннихъ дѣлъ выпросилъ къ себѣ въ товарищи. Съ своей стороны, исполняя родительскую волю, я не оставялъ напоминать о томъ Осипу Петровичу, котораго домъ я нерѣдко посѣщалъ, пользуясь приглашеніемъ обоихъ супруговъ и ласковымъ ихъ приемомъ. Домъ ихъ, не совсѣмъ еще вошедъ въ составъ высшей аристократіи, примѣтно однакоже начиналъ подыматься. Ни министръ, ни товарищъ его не хотѣли вѣрить чистосердечному желанію отца моего. Смерть сына, и еще не единственнаго, не казалась имъ такимъ несчастіемъ, въ которомъ нельзя бы быть утѣшену временемъ, разсвѣяностію, даже заботами, и особенно же почестями. Они забывали, что ему было подъ семьдесятъ лѣтъ, не понимали, что рановременная смерть сына какъ будто возвѣщала ему близость собственной, не знали, что въ жизни, особенно въ преклонныхъ лѣтахъ, для человѣка, испившаго всѣ горести ея, приходитъ время, въ которое становятся ему противны даже ея наслажденія. Въ день рожденія императора, 12 декабря, три или четыре сенатора, моложе отца моего въ чинѣ, были по старшинству произведены въ дѣйствительные тайные совѣтники: они полагали, что это его огорчило. Доброжелательный ему честолюбецъ Куракинъ,

видя въ мѣстѣ имъ занимаемомъ препятствіе къ повышенію, хотѣлъ его утѣшить сенаторствомъ и искалъ только удобнаго случая доложить о томъ государю. Этому нельзя было сдѣлать безъ министра юстиціи, а князь Лопухинъ, преемникъ Куракина въ генераль-прокурорской должности, давнишній соперникъ его при Павлѣ, тайный недругъ его, хотя и не отказывалъ, но и медлилъ дать свое согласіе. Въ это время съ государемъ въ Абовѣ поѣхалъ Сперанскій, любимый изъ гражданскихъ чиновниковъ его окружавшихъ, къ тому же товарищъ министра юстиціи; съ нимъ отправленъ былъ за подписаніемъ двухъ министровъ докладъ о назначеніи отца моего сенаторомъ. . . . . Назначеніе это не состоялось.

Довольно замѣчательно, что указъ данный въ Абовѣ, которымъ отецъ мой увольняется отъ службы съ пенсіономъ, послѣдовалъ 5 апрѣля, въ то самое число и мѣсяць; въ которые, одиннадцать лѣтъ передъ тѣмъ, былъ онъ отставленъ Павломъ Первымъ, и что въ этомъ указѣ также ничего не упомянуто о его просьбѣ. Довольно странно и то, что 5-е апрѣля, число несчастное для отца моего, въ послѣдствіи было для меня счастливымъ днемъ и что три раза въ этотъ день получалъ я потомъ пріятнѣйшія награды. Родителя моего это вѣрно менѣе огорчило чѣмъ князя Куракина: онъ призывалъ меня къ себѣ, и объявляя о томъ, обѣщавъ, что меня по крайней мѣрѣ постарается вознаградить за то, что не успѣлъ для него сдѣлать.

Извѣстіе объ отставкѣ родителя принялъ я, долженъ признаться, съ великимъ удовольствіемъ. Унизительная борьба съ людьми, недостойными его взгляда, хотя и прекратилась, могла однакоже возобновиться. Спокойствіе, которымъ долженъ былъ онъ пользоваться среди деревенской жизни, обѣщало мнѣ сохранить на долго драгоценные для насъ дни его. Того же мнѣнія была вѣчно странствующая сестра моя, Алексѣева; она находилась тогда въ Петербургѣ проѣздомъ въ Абовѣ, гдѣ скорѣе надѣялась имѣть извѣстія о мужѣ, а можетъ-быть и дождаться его. Не зная какъ раздѣлить себя между имъ и дѣтьми, бѣдняжка скакала изъ края въ край Россіи.

VI

Ежелѣтнюю повѣзку свою въ Пензу въ этомъ 1808 году я не намѣренъ былъ сдѣлать. Мнѣ больно было бы видѣть тамъ злобную радость враговъ отца моего. Къ тому же я твердо рѣшился искать серьезныхъ занятій по службѣ, штатнаго мѣста, и оно мнѣ было обѣщано.

Новаго пензенскаго губернатора, преемника отца моего, въ предыдущіе годы имѣлъ я случай не одинъ разъ видѣть и разговаривать съ нимъ. Обыкновенно встрѣчалъ я его въ домахъ богатыхъ откупщиковъ, Злобина, Кусовникова, Чоблокова, Кандалинцова, куда иногда зазывалъ аппетитъ молодого человѣка, весьма здороваго и не всегда сытаго. Журный обѣдъ, стерляжья уха, шампанское рѣкою, шумъ веселый и не всегда пристойный, могли быть привлекательны даже для юноши поставленнаго въ лучшее, въ высшее положеніе чѣмъ то, въ которомъ я находился. Манерами я не совсѣмъ походилъ на другихъ, частыхъ посѣтителей сихъ домовъ, и то что должно было лишить меня благосклонности хозяевъ, напротивъ давало мнѣ права на какое-то первенство между гостями. Особенно былъ я угоденъ прекрасному полу, котораго всегда видѣлъ передъ собою три поколѣнія, бабушекъ, съ головою повязанною шелковымъ платкомъ, въ обьяринныхъ и штофныхъ кафтанахъ и юбкахъ, матерей, довольно чопорныхъ, пристойно и богато одѣтыхъ, и наконецъ, щеголеватыхъ, разряженныхъ по модѣ дочерей, которыя хорошо танцовали, кое-какъ болтали по-французски и на клавесинѣ играли вальсы и экосесы. Тогда какъ я, съ чрезвычайнымъ и ни на чемъ не основаннымъ самолюбіемъ, прощалъ себѣ посѣщенія сихъ домовъ, какъ проказы молодости, дѣйствительный статскій совѣтникъ К. гордился знакомствомъ этой финансовой знати.

Онъ былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, довольно высокаго роста и наружности не противной. . . . Про себя сказывалъ онъ только, что былъ уроженецъ Подольской губерніи и долго находился при *Свѣтлѣйшемъ*, то-есть Потемкинѣ. Это дѣло возможное: при военно-походномъ дворѣ этого вельможи-

царя состояло нѣсколько сотъ человѣкъ. Должно полагать, что онъ служилъ въ канцеляріи его, ибо всегда пользовался покровительствомъ Василія Степановича Попова, правителя оной. . . . .

Пріятная, можно сказать, забавная сторона характера К. была его изобрѣтательность; онъ одаренъ былъ цвѣтущимъ воображеніемъ восточныхъ разкащиковъ; видно было, что предки его жили близь страны, гдѣ сочинена „Тысяча одна ночь“. Въ разговорахъ онъ ничего не умѣлъ представить иначе какъ въ преувеличенномъ видѣ: это весьма несправедливо называли ложью. Не знаю какъ до сихъ поръ не хотятъ понять великой разницы, которая существуетъ между ложью и лганьемъ; первая просто обманъ, другое почти поэзія. Одинъ или два примѣра поэзіи К. приведу я здѣсь. „Онъ находился (будто бы) въ лагерѣ во время достопамятной осады Очакова, гдѣ Русскіе такъ великодушно переносили стужу и голодъ; у него не было палатки, онъ спалъ въ брѣчкѣ, за которою привязаны были его лошади. Разъ проснувшись, увидѣлъ онъ, что нѣтъ надъ нимъ кожанаго навѣса, подъ которымъ онъ заснулъ; бѣдные кони, измученные голодомъ, во время сна его, въ одну ночь съѣли кожу.“ Другой разъ находился онъ (будто бы) на какомъ-то военномъ судѣ, подлѣ какой-то осаждаемой крѣпости, лежащей на какомъ-то мысу. Вдругъ сдѣлалась буря, поднялся ужасный вихрь и корабль сорвало съ якоря; пассажиры нѣсколько минутъ были безъ памяти и не могли понять спокойнаго, едва замѣтнаго плаванія своего, какъ вдругъ увидѣли себя на другой сторонѣ мыса; сильнымъ вѣтромъ перенесены они были туда по воздуху поверхъ непріятельской крѣпости.“ Онъ не смѣлъ сердиться, когда откупщики помирали со смѣху слушая его рассказы.

. . . . .
По возвращеніи государя изъ Абова, въ Петербургѣ ожидали его другія заботы, приготовленія къ новой необыкновенной войнѣ и свадьба любимой сестры его Екатерины Павловны. Война Австріи съ Франціей уже начиналась, она была объявлена, и Наполеонъ не соглашался чтобы Россія оставалась спокойною свидѣтельницей оной. Вслѣдствіе чего, почти наканунѣ бракосочетанія великой княжны, 18-го апрѣля, воспрещенъ пріѣздъ ко двору находившемуся тогда

въ Петербургъ послу Австріи, послѣ знаменитому ея полководцу, князю Шварценбергу. Какъ бы въ доказательство того что онъ не вѣрить вынужденному недоброжелательству Россіи, иллюминовалъ онъ домъ свой вензеловыми именами новобрачныхъ. Да и царедворцы ежедневно посѣщали его, и всегда десятокъ каретъ можно было найдти у его подъѣзда. Когда же онъ совсѣмъ отправился въ путь, то многія дамы провожали его до первой станціи.

Начальникомъ арміи, которая должна была дѣйствовать противъ Австрійцевъ, назначенъ былъ извѣстный читателю князь Сергій Федоровичъ Голицынъ, у котораго въ деревнѣ провелъ я годъ моего ребячества. Неужели за Наполеона будетъ онъ проливать русскую кровь? спрашивали другъ у друга. Непонятно какъ человекъ съ такими военными способностями могъ отказаться отъ побѣдъ и согласиться на притворную войну: но въ этомъ случаѣ бездѣйствіе было для него истинною славой въ глазахъ соотечественниковъ. Голицынъ вступилъ въ Галицію, занятую войсками эрцгерцога Фердинанда: въ продолженіе всего лѣта искали они другъ друга, не находили, нигдѣ не встрѣчались и не имѣли ни одной стычки. Генералы тайно переписывались между собою.

Итакъ въ одно время Россія имѣла за границей четыре дѣйствующія арміи: Тормасовъ сражался съ Персіанами, въ Молдавіи и Валахіи осмидесятилѣтній старецъ, фельдмаршалъ князь Прозоровскій готовился перейти Дунай, чтобы напасть на Турокъ, и въ Финляндіи дѣйствія еще не прекращались. Вотъ плоды мира съ Наполеономъ, четыре войны вдругъ, говорили недовольные: я твердилъ все свое, и часто доставалось мнѣ за то въ обществѣ. Меня все утѣшала мысль, что придавленные съ Запада, мы быстро распротражемся на сѣверѣ и на югѣ.

Четыре войны имѣла Россія, и о происшествіяхъ ихъ никто не заботился. За то, съ самаго начала лѣта, бывало кто бы знакомый ни встрѣтился на улицѣ, всякій спрашиваетъ о новостяхъ или самъ разказываетъ вѣсти о войнѣ въ Германіи: туда только было обращено всеобщее вниманіе. Побѣда при Аспернѣ произвела радостный восторгъ, всѣ гордились успѣхами Австрійцевъ какъ собственными; послѣ Ваграма пришли въ бѣшеное отчаяніе, а не повѣсили головы; и Шила, и Гофера, еретиковъ погибшихъ за дѣло осво-

божденія Европы, готовы были соприсчислить къ святому сонму мучениковъ и угодниковъ. Послѣ того странно, что Наполеонъ три года спустя потомъ могъ ожидать содѣяствія, а не отчаяннаго сопротивленія отъ націи, столь глубоко проникнутой къ нему ненавистью, которая отъ неудачъ приходила въ уныніе, но никогда не разставалась съ надеждою его побѣдить, которой начальники и воины, сегодня разбитые въ прахъ, завтра готовы были возстать изъ него чтобъ отмстить за вчерашнюю обиду. Нѣтъ, говорили многіе, не Австріи видно сладить съ этимъ великаномъ! И какъ будто въ прозрѣніи будущаго, видѣли уже перстъ Божій, указующій на ихъ Россію, какъ на обреченную сему кровавому и славному дѣлу.

Въ разсужденіи Россіи, цѣль Наполеона была отчасти достигнута: если въ этой странной для нея войнѣ, изъ угожденія ему, не потеряла она ни одного солдата, то по крайней мѣрѣ оказала ему великую услугу, сдѣлавъ въ пользу его сильную диверсію; если не явной вражды, то по крайней мѣрѣ большаго охлажденія могъ онъ ожидать между ею и Австріей. Для умноженія его, при заключеніи мира, отрѣзалъ онъ ломтики отъ Галиціи, Тарнопольскій уѣздъ, и отдалъ его намъ.

Знакомство одно, сдѣланное мною не задолго передъ этимъ, нѣсколько поколебало вѣрованіе мое въ продолжительный и для насъ полезный союзъ съ Наполеономъ. У Х — ой встрѣчался я съ Михаиломъ Александровичемъ Салтыковымъ, человекомъ чрезвычайно умнымъ, исполненнымъ многихъ свѣдѣній, красивымъ и даже миловиднымъ почти въ сорокъ лѣтъ и тона самаго пріятнаго. Пасынокъ сильнаго при дворѣ Екатерины Петра Богдановича Пассека, съ фамильнымъ именемъ довольно громко въ Россіи звучащимъ, но съ состояніемъ весьма ограниченнымъ, могъ онъ почитаться только полузнатнымъ. Хотя какъ настоящій баричъ получилъ онъ совершенно французское образованіе, былъ однакоже у другихъ молодыхъ бояръ цѣлымъ поколѣніемъ впереди. Классиковъ вѣка Людовика XIV уважалъ онъ только за чистоту ихъ неподражаемаго слога, болѣе же плѣнялся роскошью мыслей философовъ восемнадцатаго вѣка; но тѣхъ и другихъ готовъ онъ былъ повергнуть къ ногамъ Жанъ-Жака Руссо; въ немъ все было! и чувствительность, и воображеніе, и мысли, и слогъ. Послѣ него признавалъ онъ

только двухъ хорошихъ писателей, Бернардена де-Сень-Пьера въ прозѣ и Деліля въ стихахъ. О нѣмецкой, объ англійской литературѣ не имѣлъ онъ понятія; на русскую словесность смотрѣлъ онъ не такъ какъ другіе аристократы, гордо отворачивающіеся отъ нея какъ отъ уroda, при самомъ рожденіи умирающаго, а видѣлъ въ ней невиннаго младенца, ко-его лепетъ можетъ иногда забавлять. Въ первой молодости былъ онъ уже подполковникомъ и адъютантомъ князя Потемкина, и если далѣе не пошелъ впередъ, то самъ былъ виновать. Онъ былъ изъ числа тѣхъ людей, кои, зная цѣну достоинствъ и способностей своихъ, думаютъ, что правительство, признавая въ нихъ оныя, обязано ихъ награждать, употребляютъ ли или не употребляютъ ихъ на пользу государственную. Какъ всѣ люди честолюбивые и лѣнивые вмѣстѣ, ожидалъ онъ, что почести, безъ всякаго труда, сами собою должны были къ нему приходиться. Во время революціи превозносилъ онъ жирондистовъ, а террористовъ, ихъ ужасныхъ побѣдителей, проклиналъ: но какъ въ то время у насъ не видѣли большой разницы между Барнавомъ и Робеспьеромъ, то едва ли не прослылъ онъ якобинцемъ. Всегда и всѣми недовольный, кинулъ онъ службу и общество и въ среднемъ состояніи нашелъ себѣ молоденькую жену, Француженку, дочь содержательницы пансіона Ришаръ. При Павлѣ его было не слышать, не видать. При Александрѣ республиканецъ пожелалъ и получилъ камергерскій ключъ, который далъ ему четвертый классъ и который въ старину однимъ открывалъ путь къ дальнѣйшимъ почестямъ, а для другихъ запиралъ его навсегда. Онъ сердился, что не получаетъ мѣста, и никого не хотѣлъ удостоить просьбою о томъ. Нѣсколько позже сталъ онъ занимать довольно важныя должности, но по незнанію дѣлъ, по совершенному презрѣнію къ нимъ, всѣ мѣста умѣлъ превращать въ каноникатства. Онъ всегда имѣлъ видъ спокойный, говорилъ тихо, умно и красно: обольщенный имъ, я обрадовался, когда вздумалось ему въ первый разъ пригласить меня къ себѣ. Съ величайшимъ хладнокровіемъ хвалилъ онъ и порицалъ; разгорался же только нѣжностію, когда называли Руссо, или гнѣвомъ при имени Бонапарте. Не знаю какое чувство, монархическое ли, врожденное во всякомъ Русскомъ, или привитое республиканское, не оба ли вмѣстѣ, такъ сильно возбуждали его противъ похитителя престоловъ и истребителя свободы, только

никто столь убѣдительно не проповѣдывалъ противъ него какъ этотъ Салтыковъ. Какъ ни больно мнѣ было сознаться, что я ошибался, онъ заставилъ меня сіе сдѣлать.

Послѣ неудачной попытки на Стокгольмѣ, государю надобла шведская война и онъ желалъ кончить ее добрымъ миромъ. Новый старый король не смѣлъ еще подаваться на него, ибо война сдѣлалась національною: и она медленно продолжалась. Одинъ только корпусъ Шувалова оставался дѣйствующимъ.

По примѣру Австріи, Аракчеевъ, какъ графъ Тугутъ, изъ кабинета своего распоряжалъ военными дѣйствіями въ Финляндіи, и Барклай не смѣлъ или покамѣсть не хотѣлъ ему противиться. Говорили что онъ (Аракчеевъ) весьма покойно водилъ пальцемъ по картѣ и не могъ вѣрить никакимъ естественнымъ препятствіямъ. Исполняя приказаніе его, Шуваловъ нѣкоторое время продолжалъ идти впередъ въ Вестъ-Ботніи, вдоль лѣваго уже берега залива, имѣя передъ собою малочисленный шведскій отрядъ, который, по мѣрѣ его приближенія, безъ бою все отступалъ назадъ. Надобно онъ ему: чтобы принудить его сражаться, захотѣлъ Шуваловъ потѣшиться славнымъ дѣломъ. Дошедши до мѣстечка Шелефта, нашель онъ небольшой заливъ, углубляющійся внутрь земли, который переправивалъ ему дорогу; этотъ заливъ имѣлъ около двадцати верстъ ширины и весь покрытъ былъ еще льдинами, хотя это было 3 мая, то-есть 15 новаго стilia. Онъ сталъ кличь кликать; предложилъ генераламъ, кому изъ нихъ угодно будетъ, пока онъ пойдетъ вокругъ залива вслѣдъ за шведскимъ отрядомъ, переправиться черезъ него по рыхлому льду, чтобы Шведамъ перерѣзать дорогу; всѣ отказались, безъ крайней надобности не желая идти на вѣрную гибель, одинъ изъ нихъ вызвался, это былъ Алексѣевъ. За смѣльчакомъ пошли русскіе солдаты по гибкому, ломкому льду, часто проваливались и вытаскивали другъ друга изъ воды, потомъ опять продолжали бодро идти впередъ; Богъ видно помогалъ имъ и черезъ нѣсколько часовъ очутились они на другой сторонѣ. Какъ съ неба упали они передъ ретирующимися Шведами, которые едва могли повѣрить такому чуду: поставленные между двухъ огней, сдались они со всѣми своими пушками и знаменами. Это очень полюбилось въ Пе-

тербургъ, и Алексѣеву данъ за то георгиевскій крестъ третьей степени на шею.

Послѣ такого подвига, Шуваловъ почиталъ себя въ правѣ говорить громче и смѣлѣе. Онъ остановился и рѣшительно отказывался идти далѣе впередъ: онъ представлялъ о великомъ отдаленіи его отъ главной квартиры, о чрезвычайныхъ затрудненіяхъ въ продовольствіи. Съ какою цѣлю могъ онъ идти далѣе? Не ожидая никакого новаго подкрѣпленія, съ убавленнымъ отъ похода числомъ воиновъ, еслибъ и удалось ему перейти къ Стокгольму, то одного вооруженнаго народонаселенія достаточно бы было, чтобы раздавить его малочисленный корпусъ. Аракчеевъ прогнѣвался за такое ослушаніе; во всѣхъ подозрѣвалъ онъ трусость и сталъ обвинять въ оной Шувалова. Онъ столько имѣлъ уже власти надъ умомъ царя, что любимца его успѣлъ подвергнуть жестокому наказанію.

Послушному и смѣлому Алексѣеву велѣно принять начальство надъ корпусомъ, а графу Шувалову находиться неотлучно при немъ, вчерашнемъ его подчиненномъ. Одинъ приказъ, одно наставленіе дано было Алексѣеву: впередъ, и впередъ. Онъ исполнилъ приказаніе, влача за собою разбитеннаго, разогорченнаго Шувалова. Какъ судьба играетъ людьми! Алексѣевъ, одинъ изъ младшихъ генераль-майоровъ русской арміи, который за годъ передъ тѣмъ, или еще и менѣе, за благоразумное представленіе едва не лишился чести, предводительствуетъ корпусомъ, правда, числомъ воиновъ едва превышающимъ комплектную дивизію, но который по совершенно отдѣльному положенію своему могъ почитаться маленькою арміей, и одинъ идетъ противъ цѣлаго Шведскаго королевства. Онъ торжественно вступилъ въ Умео, главный городъ Вестъ-Ботніи, въ пяти стахъ верстахъ отъ Торнео и въ полутора тысячѣ сухимъ путемъ отъ Абова. Отдохнувъ немного, собирался онъ продолжать походъ свой къ Гернезанду.

Не всѣ были довольны излишнею, по мнѣнію ихъ, покорностію своего новаго начальника: съ каждымъ шагомъ впередъ положеніе ихъ становилось затруднительнѣе и опаснѣе. Многие полагали, что Алексѣевъ дѣйствуетъ по собственнымъ побужденіямъ, и обезпамятѣвъ отъ радости начальствовать корпусомъ, себя и ихъ ведетъ на вѣрную погибель. Болѣе

всѣхъ возропталъ вновь пожалованный генераль Ансельмъ де-Ж., который скучалъ среди холодныхъ ботническихъ пустынь, которому хотѣлось скорѣе пощеголять шитьемъ и эпидеміями въ петербургскихъ гостиныхъ, попировать и по-кощунствовать въ петербургскихъ трактирахъ: его подбили сдѣлать доносъ. Онъ писалъ къ министру, что войско гибнетъ отъ безразсудности неученаго и неопытнаго начальника, который только что отчаянно храбръ, а съ военнымъ искусствомъ вовсе не знакомъ. Это до нѣкоторой степени была правда: сколько однакоже было генераловъ въ русской арміи, которые Тюреня и Фридерика знали только по имени, а объ комментаріяхъ Кесаря и не слыхивали, но которые одарены будучи особеннымъ инстинктомъ, зоркимъ взглядомъ болѣе угадывали чѣмъ видѣли опасности и съ необыкновеннымъ присутствіемъ духа ихъ отвращали; однимъ словомъ, которые самоучкой побѣждали: лучше Багратіона я примѣра не нахожу. Ничего о томъ не вѣдая, Алексѣевъ съ своей стороны доносилъ Аракчееву, что по волѣ царя готовъ онъ въ огонь и въ воду, какъ онъ сіе успѣлъ уже и доказать, но что для успѣха такого дѣла, какое ему поручено, одного усердія и смѣлости мало, и потому съ чистою совѣстію признавая себя къ тому неспособнымъ, просилъ прислать другаго начальника, болѣе его свѣдущаго въ ратномъ искусствѣ. Государь былъ тронутъ его скромностію, она полюбилась ему, и графъ Каменскій опять нехотя былъ вызванъ изъ Орловской губерніи.

Между тѣмъ узналъ Алексѣевъ о тайномъ доносѣ Ансельма. Увидѣвъ у себя и не зная ни одного слова по-французски, черезъ переводчика пустился съ нимъ въ объясненія, въ присутствіи другихъ генераловъ. Человѣкъ этотъ, который при исполненіи своихъ обязанностей въ мирѣ и въ войнѣ никогда не терялъ головы, въ обыкновенномъ быту жизни, съ чрезвычайно добрымъ сердцемъ, бывалъ до бѣшенства запальчивъ, къ тому же для свѣта не совсѣмъ образованъ. Разгорячившись, онъ неоднократно повторялъ: скажите отъ меня этой французской канальѣ то-то и то-то; кажется и для Француза это могло быть понятно; того мало, онъ сопровождалъ разговоръ свой тѣми особенно энергическими выраженіями, которыя подобно англійскому *God-demu*, какъ говоритъ Фигаро, служатъ основой нашему солдатскому и простонародному языку и которыя всякій ино-

странецъ, вступающій въ русскую службу, такъ скоро изучаетъ. Ансельмъ притворился будто ничего не понимаетъ и честью своей націи клялся, что никогда ничего объ немъ въ Петербургъ не писалъ. „Ну полно врать,“ отвѣчалъ наконецъ Алексѣевъ, „вижу, что ты лжешь, но такъ и быть, Богъ съ тобой; приходи ко мнѣ, мусью, обѣдать.“ И тотъ пришелъ.

Съ успокоенными нервами, въ первыхъ числахъ августа, прибылъ графъ Каменскій къ корпусу, не совсѣмъ на радость. Отъ похода, отъ недостатковъ, отъ болѣзней этотъ корпусъ примѣтно уменьшился. Не прошло двухъ дней, Каменскій не успѣлъ еще составить никакого плана, какъ вдругъ узнали, что довольно многочисленное шведское свѣжее войско, подъ предводительствомъ графа Вахтмейстера высажено на берегъ и идетъ къ намъ съ тылу. Одинъ только берегъ былъ населенъ, съ одной стороны море, съ другою необитаемая пустыня. Другаго средства не было какъ идти назадъ къ Шведамъ на встрѣчу, чтобы сквозь нихъ пробиваться. Превосходство мѣстоположенія и числа было совершенно на ихъ сторонѣ. Въ день Преображенія, 6 августа, началось жаркое отчаянное дѣло при мѣстечкѣ Сефварфъ. Шведы надвѣялись всѣхъ русскихъ солдатъ побрать руками и могли то сдѣлать; но не такъ-то легко даются они непріятелямъ. Искусство тутъ ничего бы не помогло, а одна только вселомящая русская храбрость. Алексѣевъ, какъ на своемъ мѣстѣ, былъ вездѣ впереди; Каменскій же находился въ нѣкоторомъ разстояніи и съ ужасомъ смотрѣлъ на происходящее. Онъ клялъ свою жизнь, рвалъ на себѣ волосы, не давалъ никакихъ приказаній, одинъ словомъ совсѣмъ терялъ голову. * Надобно полагать, для его чести, что онъ болѣе тревожимъ былъ мыслию о потерѣ сраженія, чѣмъ о потерѣ жизни. Вдругъ пальба какъ будто умолкла, и несуть къ нему Алексѣева съ веселымъ лицомъ и прострѣленною ногою. „Ну что, мой бѣдный Илья Ивановичъ? что съ вами, и что съ нами? мы пропали!“ бросившись къ нему, воскликнулъ Каменскій. „Какъ такъ? да не обо мнѣ дѣло, ваше сіятельство, а честь имѣю васъ поздравить съ побѣ-

* Не много было тому свидѣтелей. Пятнадцать лѣтъ спустя, одинъ очевидецъ, полковникъ Липранди, который любилъ Каменскаго и имѣлъ нѣкоторыя неудовольствія на Алексѣева, съ сожалѣніемъ разказывалъ мнѣ объ этомъ. Какъ было ему не повѣрить?

дою," отвѣчалъ онъ. „Неужели ли?“ сказалъ Каменскій. „Конечно, Шведы бѣгутъ, усаживаются на свои суда и скоро отплывутъ. У насъ въ рукахъ остались ихъ пѣнные и часть ихъ обоза и артиллеріи.“ Безъ словъ, съ слезами на глазахъ, кинулся Каменскій его обнимать. Когда бѣгущіе Шведы отстрѣливались отъ преслѣдователей своихъ, послѣдняя ихъ пуля попала въ ногу Алексѣева; вотъ почему сказалъ я выше, что имъ и должна была кончиться шведская война.

Послѣ того, Каменскій, не дожидаясь никакихъ уже предписаній изъ Петербурга, поспѣшно началъ ретироваться къ Умео и далѣе. Въ столицѣ, гдѣ довольно поздно получено было извѣстіе о Сефварскомъ дѣлѣ, принято оно было за пораженіе. Аракчеевъ готовилъ уже свои перуны противъ Каменскаго; онъ никакъ не хотѣлъ понять, чтобы послѣ побѣды можно было идти назадъ.

Но уже нѣсколько недѣль министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Румянцевъ находился для переговоровъ въ Фридрихсгамѣ съ шведскими полномочными. Они долго были неуступчивы; наконецъ 5 сентября подписанъ ими славный и выгодный для насъ миръ. Благородный и правдивый Румянцевъ увѣдомлялъ, что послѣ полученія въ Стокгольмѣ извѣстія о Сефварскомъ дѣлѣ, шведское правительство, котораго оно было послѣднимъ усиленіемъ, вдругъ перемѣнило тонъ, и что не его дипломатическимъ уловкамъ, а скорѣе побѣдѣ Каменскаго Россія обязана за скорѣйшее заключеніе мирныхъ условій. Тогда только Румянцева пожаловали государственнымъ канцлеромъ, а графа Каменскаго генераломъ отъ инфантеріи, но положили объявить ему о томъ по возвращеніи его въ Петербургъ. Алексѣеву же моему послѣ дали брилліантовую Аннинскую звѣзду, да, какъ инвалиду, дали аренду въ полторы тысячи рублей серебромъ. Онъ и тѣмъ остался очень доволенъ.

Ничего не могло быть удивительнѣе мнѣнія публики, когда пушечные выстрѣлы съ Петропавловской крѣпости 8 сентября возвѣстили о заключеніи мира, и дворъ изъ Зимняго дворца парадомъ отправился въ Таврической для совершенія молебствія. Всѣ спрашивали другъ у друга въ чемъ состоятъ условія. Неужели бѣольшая часть Финляндіи отходить къ Россіи? Нѣтъ, вся Финляндія присоединяется къ ней. Неужели по Торнео, даже и Торнео съ частію Лапландіи? Неужели и Аландскіе острова? И Аландскіе острова.

. . . . .

Обезсиленіе Швеціи упрочивало, обезпечивало наши сѣверныя владѣнія, коихъ сохраненіе построеніе Петербурга сдѣлало для насъ необходимымъ. Если спросить по какому праву Швеція владѣла Финляндіей? по праву завоеванія, слѣдственно по праву сильнаго; тогда тотъ изъ сосѣдей, который былъ сильнѣе ея, и воспользовался имъ, имѣлъ еще болѣе ея правъ. Къ тому же самое названіе Финляндіи, земли Финновъ, не показываетъ ли что жители ея суть соплеменные множеству другихъ финскихъ родовъ, подвластныхъ Россіи, внутри ея и на берегахъ Балтійскаго моря обитающихъ? Бóльшая часть Финляндіи, Ижора, Копорье, Корела или Карелія не принадлежали ли нѣкогда великому Новгороду? Когда онъ сдѣлался добычей великихъ князей московскихъ, тогда не могъ уже онъ самъ себя защищать и не одинъ разъ видѣлъ шведскія полчища грабящія его области, а въ царствованіе Шуйскаго и его самого терзавшія. Финны всегда ненавидѣли Шведовъ, подъ коихъ иго подпали; послѣ русскаго завоеванія могли они надѣяться, что отъ него избавлены: ни мало. . . . . И что такое сама Швеція, даже съ Норвегіей вмѣстѣ, весь Скандинавскій полуостровъ? Большая, холодная, бѣдная, бесплодная земля, давнымъ-давно уже опустѣвшая, послѣ непрерывныхъ побѣговъ удалыхъ своихъ сыновъ, кои безчисленными стаями рыскали по вселенной, искали приключеній и добычи, переходили земли, переплывали моря и подъ именемъ Варяговъ, Руссовъ или Нормановъ, основывали государства въ Нейстріи, Англіи, Сициліи, Неаполѣ и Россіи. Незапамятно оставленная ими отчизна не могла съ ними имѣть ничего уже общаго. Только въ шестнадцатомъ вѣкѣ начала опять Швеція проявляться Европѣ изъ-за турмановъ и сибговъ своихъ. Предпріимчивый духъ предковъ показался и между потомками, и слабая Швеція хотѣла попасть въ число сильныхъ державъ европейскихъ. Къ счастью или къ несчастью ея, имѣла она цѣлый рядъ знаменитыхъ или чѣмъ-нибудь особенно примѣчательныхъ государей, въ числѣ коихъ былъ одинъ и великій. Кто изъ просвѣщенныхъ людей не знаетъ жестокаго Христіерна, мудраго Густава Вазу, великаго Густава Адольфа, проказницу Христину, воинственныхъ Карла Густава и Карла XII? Только ими и красна была Швеція, а сама по себѣ ничего не значила. Особливо избаловала ее Тридцатилѣтняя война, когда ея Густавъ съ своими Торстенсонами и Оксенштіернами рѣ-

шалъ судьбу германскихъ народовъ. Еще болѣе зазнались Шведы, когда двое изъ его преемниковъ хотѣли располагать польскою короною, пока одинъ русскій великанъ подъ Полтавой не далъ имъ, съ позволенія сказать, такого щелчка, послѣ котораго они присѣли, притихли и долго не могли опомниться. Однакоже и послѣ, развѣ не могли они въ нѣсколько часовъ приплыть изъ Гельсингфорса къ Ревелю и овладѣть имъ? Развѣ не могли они надѣлать суматохи въ Петербургѣ? Развѣ Екатерина въ Царскосельскомъ дворцѣ своемъ не считала всѣхъ пушечныхъ выстрѣловъ морскаго съ ними сраженія подъ Красной горкой? Нѣтъ, не надобно позволять имъ почитать себя выше Баваріи и Виртемберга. Чтѣ бы ни говорили, завоеваніе Финляндіи есть слава Александра. . . . . Но возвращусь къ внутреннимъ дѣламъ.

Всегда косо смотрѣлъ государь на придворные чины: въ молодыхъ камергерахъ и камеръ-юнкерахъ обязанныхъ находиться при большихъ выходахъ, танцовать на придворныхъ балахъ, украшать собою общества, служить единственно для умноженія царской помпы, видѣлъ онъ людей только что шаркающихъ по паркету и называлъ ихъ полотерами. Изъ ничего, безъ всякихъ заслугъ и для бездѣйствія производились они прямо въ четвертый и пятый классъ, тогда какъ другіе могли достигать до того только многолѣтними трудами. Оно конечно съ перваго взгляда можетъ казаться несправедливою; въ какой однакоже монархіи нѣтъ множества привилегированныхъ фамилій? И въ Англіи, молодые лорды, по достиженіи совершеннолѣтія, не засѣдаютъ ли въ верхней камерѣ парламента и не берутъ ли шагъ у старыхъ заслуженныхъ генераловъ? . . . . . Людей полезныхъ ей, но по мнѣнію ея не довольно способныхъ къ занятію первыхъ мѣстъ въ государствѣ, Екатерина производила медленно. Особенно второй классъ, то-есть чинъ генералъ аншефа, адмирала и дѣйствительнаго тайнаго совѣтника при ней для весьма многихъ недосыгаемо подымался: онъ-то рѣшительно давалъ знатность тѣмъ, которые наследственно ея не имѣли. Сыновья людей съ знатнымъ фамильнымъ именемъ соединяющихъ богатое состояніе, равно какъ и сыновья сихъ новознатныхъ, получившіе хорошее образованіе, но не чувствующие въ себѣ склонности къ военной службѣ, обыкновенно одни жаловались въ камеръ-юнкеры, не для ихъ удовольствія, а въ награду заслугъ отцовскихъ, для украшенія общимъ мнѣніемъ

уважаемыми именами придворнаго списка, для умноженія пышности столицы, гдѣ необходимы великолѣпныя палаты и роскошные праздники: безъ камеръ-юнкерства можетъ-быть предпочли бы они жить великокняжески въ своихъ помѣстьяхъ. Какъ часто видимъ мы людей, уже уставшихъ, а все продолжающихъ идти по трудному пути чести для того единственно, чтобы подавать руку сыновьямъ своимъ, которые безъ нихъ можетъ-быть стали бы на немъ спотыкаться: успѣхи предметовъ ихъ нѣжности бываютъ для нихъ дороже собственныхъ. Екатерина вѣдала то и, про ихъ дѣтей, держала камеръ-юнкерство какъ одно изъ лучшихъ средствъ дѣлать ихъ самихъ счастливыми.

.....

Такъ какъ камергерство и камеръ-юнкерство должно было почитать единственно чрезвычайными, особыми знаками царской милости, а отнюдь не наградой за личныя заслуги, то и стоило только продолжать ихъ раздачу съ большею противъ прежняго бережливостію и только тѣмъ юношамъ, о коихъ я выше сказалъ и для коихъ слѣвая фортуна и слѣвой случай рожденія сдѣлали болѣе чѣмъ природа.

.....

Сперанскій сочинилъ проектъ указа, утвержденный подписью государя, коимъ велѣно всѣмъ настоящимъ камергерамъ и камеръ-юнкерамъ, сверхъ придворной, избрать себѣ другой родъ службы. Нѣсколько трудно было для превосходительныхъ и высокородныхъ, изъ коихъ нѣкоторые были лѣтъ сорока, пріисканіе мѣстъ соответствующихъ ихъ чинамъ; въ коллегіи не опредѣляли новыхъ членовъ; по нѣскольку человекъ посадили ихъ за оберъ-прокурорскіе столы, другихъ разослали по министерствамъ. Чувствуя униженіе свое, никто изъ нихъ, даже тѣ, которые имѣли нѣкоторыя способности, не хотѣли завязаться дѣломъ, къ которому никто не смѣлъ ихъ приневолить.

Всѣ послѣ этого указа, вновь жауемые камергеры и камеръ-юнкеры, должны были оставаться въ тѣхъ чинахъ, въ коихъ прежде находились, и всѣ сіи малочинные, также какъ и чиновные, должны были занимать какую-нибудь должность въ гражданской службѣ. Можно ли было ожидать отъ графчика или князька, наследника двадцати, тридцати или пятидесяти тысячъ душъ, чтобы онъ охотно, въ званіи канцелярскаго служителя, подчинилъ себя засаенному понытчику

и по его приказанію переписывалъ бумаги? . . . . . Всѣ эти баричи числились только по департаментамъ, а главное начальство само способствовало ихъ повышенію. Указъ, объявленный въ день Свѣтлаго Воскресенія, произвелъ между знатною нѣкоторою ротью; дворяне же и разночинцы тому обрадовались, особенно же тѣ, кои, подобно мнѣ, воспитаніемъ, образованіемъ своимъ почитали себя равными баричамъ, но долготѣ не смѣли имъ завидовать.

Указъ, о коемъ говорю, былъ только прелюдіей другаго указа, который великій преобразователь Россіи, Сперанскій, объявилъ въ день Преображенія Господня, 6 августа. Онъ давно смотрѣлъ съ негодованіемъ и нѣкоторою завистію на молодыхъ дворянъ, которые, безъ большихъ трудовъ, подвигались въ чинахъ, благодаря покровительству родныхъ и друзей ихъ семействъ. Нельзя этого одобрять, однакоже и никакой большой бѣды отъ того не было. Чины не были такъ расточаемы какъ нынѣ и сохраняли еще свою цѣну; люди были умѣреннѣе въ своихъ желаніяхъ и немногіе упорно лѣзли вверхъ. Чины получать даромъ можно было только въ Петербургѣ, и немногіе соглашались оставаться въ немъ цѣлую жизнь. Иной, подобно Простодуму въ *Хвастунъ* Княжнина, поклонами добившись до *штабскаго чиншика*, спешилъ похвастать имъ въ провинціи, и его высокоблагородіе оставалось навсегда въ своемъ помѣстьѣ, спокойно имъ управляя, и было пресчастливо, когда подъ старость дворянство выбирало его своимъ уѣзднымъ предводителемъ. Другіе довольно пріятно и весело (по большей части въ Англійскомъ клубѣ) выживали сроки, положенные для выслуги лѣтъ въ каждомъ чинѣ; они не думали занимать высокихъ мѣстъ, для которыхъ чувствовали себя неспособными и зная напередъ, что не пойдутъ далѣе чина коллежскаго совѣтника, имъ оканчивали разчеты своего чрезмѣрнаго честолюбія. Такіе люди, обыкновенно достаточные помѣщики, съ семействами и прислугой поселяясь въ Петербургѣ, умножали въ немъ число потребителей и хорошее, пристойное общество, которое знатная спѣсь называла среднимъ состояніемъ: чины были весьма легкимъ, хотя единственнымъ средствомъ приманивать ихъ въ холодную, негостепріимную столицу. Если европейское просвѣщеніе почитать благомъ для Россіи, то и въ этомъ отношеніи пребываніе ихъ въ Петер-

бургъ было полезно для его распространенія. Было много и такихъ людей, кои не почитали обязанностію часто посѣщать департаменты, къ коимъ принадлежали или, лучше сказать, были приписаны, и не хотѣли изнурять, убивать умственные свои способности ежедневными, мелочными канцелярскими трудами. Ихъ почитали праздными, тогда какъ большую часть своего времени посвящали они чтенію, изученію иностранныхъ твореній о законодательствѣ, о политической экономіи; когда слѣдили они всѣ распоряженія правительства, втайнѣ порицали или одобряли ихъ, и не участвуя въ дѣлахъ его, безпрестанно ими занимались. Они медленноѣ подымались по лѣстницѣ чиновъ, за то шли они не принужденно, благородно и всегда готовые перейти на другую, на лѣстницу мѣстъ, гдѣ теорію своихъ знаній могли бы съ пользою приложить къ практикѣ дѣлъ текущихъ. Они не заслоняли дороги подъячимъ, которые шли путемъ людей дѣловыхъ, а они надѣялись быть государственными. Тѣхъ и другихъ задумалъ Сперанскій уничтожить однимъ ударомъ.

До 1803 или 1804 года во всей Россіи былъ одинъ только университетъ, Московскій, и не вошло еще во всеобщій обычай посылать молодыхъ дворянъ доканчивать въ немъ ученіе. Несмотря на скудость тогдашнихъ средствъ, родители предпочитали домашнее воспитаніе, тѣмъ болѣе что при вступленіи въ службу, отъ сыновей ихъ не требовалось большой учености. Не прошло двухъ или трехъ лѣтъ послѣ основанія министерства народнаго просвѣщенія, какъ вдругъ, учреждены и уже открыты пять новыхъ университетовъ. У насъ на Руси все такъ быстро дѣлается: *да будетъ свѣтъ и бытъ*. Несмотря, однакоже, на размноженіе сихъ, на скоро созданныхъ, университетовъ, число учащихъ въ нихъ было не велико. Сперанскій представлялъ Русскихъ какъ народъ упрямый, лѣнливый, неблагодарный, не чувствующій цѣны мудрыхъ о немъ попеченій, народъ, коему не иначе, какъ насильно можно творить добро. вмѣстѣ съ тѣмъ, увеличилъ онъ въ глазахъ государя число праздношатающихся молодыхъ дворянъ-чиновниковъ. Сего было болѣе чѣмъ достаточно, чтобы склонить царя на принятіе такой мѣры, которая, по увѣреніямъ Сперанскаго, въ будущемъ обѣщала большую пользу гражданской службѣ, а въ настоящемъ, сокрушала всѣ надежды на повышение цѣлаго, почти безъ изыатія, безчисленнаго сословія нашего.

Что распространяться о содержаніи указа, многія лѣта, многими тысячами порицаемаго? Скажемъ о немъ нѣсколько словъ. Для полученія чиновъ статскаго совѣтника и коллежскаго assessора, обязаны были чиновники представлять университетскій аттестатъ объ экзаменѣ въ наукахъ, въ числѣ коихъ были нѣкоторыя, о коихъ они прежде и не слыхивали, кои по роду службы ихъ были имъ вовсе безполезны, какъ напримѣръ, химія для дипломата и тригонометрія для судьи и которыя тогдашніе профессора сами плохо знали. Не странно ли было заставлять не только совершеннолѣтняго, но даже и пожилаго человѣка, возвращаться къ школьнымъ лавкамъ? Люди живущіе однимъ жалованьемъ и занимающіе должности, которыя мало оставляли имъ свободнаго времени, могли ли отъ нихъ отрываться, чтобъ ежедневно на нѣсколько часовъ дѣлаться учениками? Не рѣшаясь на то, съ лучшими способностями осуждены они были вѣкъ пресмыкаться въ самыхъ низкихъ должностяхъ. Безкорыстнымъ и благомыслящимъ людямъ, имѣющимъ насущный хлѣбъ, что оставалось дѣлать, если не бросить службу? Недобросовѣстные же и неимущіе вынуждены были беззаконною прибылью утѣшать, вознаграждать себя за лишеніе всего, что служба имѣла для нихъ привлекательнаго.

Никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы строгое исполненіе сего указа было возможно. Всѣ полагали, что оно, послѣ временной остановки въ производствѣ, будетъ только относиться къ юношамъ, вновь поступающимъ на службу. Какъ бы на смѣхъ, университеты долго еще оставались пусты; ни старыи, ни малыи, ни служащій, ни служившій, ни даже приготавливащійся на службу не спѣшили посвятить ихъ.... Но во все продолженіе царствованія Александра указъ этотъ отмѣненъ не былъ; только гораздо позже послѣдовали въ немъ нѣкоторыя измѣненія.

Налоги ежегодно увеличивались, торговля страдала отъ запретительной системы, введенной въ угожденіе Франціи; капиталисты раззорились отъ безпрестаннаго пониженія курса на ассигнаціи. Отвсюду разсѣянныхъ и вездѣ возрастающихъ неудовольствій, чего могъ Сперанскій ожидать если не смуть, заговоровъ и возмущеній, въ виду торжествующаго Наполеона? Могъ надѣяться онъ и другаго. „Сыновья людей духовнаго званія учатся всѣ въ семинаріяхъ,

думалъ онъ, почти всѣ они не любятъ отцовскаго состоянія и предпочитаютъ ему гражданскую службу; множество изъ нихъ въ ней уже находится. Семинарскимъ ученіемъ приготовленные къ университетскому, они и нынѣ составляютъ большую часть студентовъ ихъ: новый указъ ихъ всѣхъ туда заманить. Придавленные имъ дворянчики не захотятъ продолжать службы; пройдетъ немного времени, и управление цѣлой Россіи будетъ въ рукахъ семинаристовъ.“

Такъ вѣрно думалъ онъ, но не совсѣмъ такъ случилось. Въ одномъ онъ только не ошибся. Самолюбіе заставляло служить почти всѣхъ дворянъ. Чины еще были въ уваженіи: для полученія ихъ смолода вступали они въ службу, привыкали къ ней, полегоньку болѣе или менѣе знакомились съ дѣлами, и достигнувъ зрѣлыхъ лѣтъ, ѣхали въ провинцію облагораживать, украшать своимъ именемъ, своимъ состояніемъ, своею честностію мѣста предсѣдателей, прокуроровъ и совѣтниковъ. Подъ старость, титулъ превосходительства ожидалъ ихъ, какъ вѣнецъ на концѣ съ честью пройденнаго, длиннаго поприща. Внезапно на вемъ остановлены они: сколько было между ими людей умныхъ и способныхъ, которые скорѣе проживали имѣнія чѣмъ наживались на службѣ! Мало-по-малу, другъ за другомъ, стали они убираться. Кѣмъ было замѣщать во множествѣ оставляемые ими мѣста? Для занятія ихъ дотолѣ былъ необходимъ соответствующій имъ чинъ; но производства не было и надобно было спуститься. Не прошло двухъ лѣтъ, какъ на мѣста пятаго класса, вице-губернаторовъ и предсѣдателей, начали опредѣлять надворныхъ совѣтниковъ; на мѣста же совѣтничьи шестаго класса стали сажать коллежскихъ секретарей. Бывало въ министерствѣ не знаютъ что дѣлать съ помощникомъ столоначальника, ни къ чему не способнымъ: посылаютъ его совѣтникомъ въ губернію. Послѣ того можно себя представить, какіе люди соглашались оставаться тамъ секретарями и по-вытчиками. Всѣ мѣста вдругъ начали упадать, а чины не возвысились. Напротивъ, начался противъ нихъ какой-то заговоръ, какое-то нѣмое согласіе оказывать къ нимъ пренебреженіе, которое время отъ времени увеличиваясь, совершенно уничтожало ихъ прежнее значеніе. Чѣмъ малочинновнѣе былъ богатый помѣщикъ, тѣмъ, нарочно, болѣе стали показывать къ нему уваженія. По тяжбамъ своимъ готовы

были дворяне давать судьямъ своимъ, что было имъ угодно, только не пускать ихъ въ гостиныя свои.

Оставалось, однакоже, въ столицахъ довольно разъяреннаго честолюбія, чтобъ одержимые имъ, для удовлетворенія производимой имъ нестерпимой жажды, дерзали на все, даже на посрамленіе свое. Мы видѣли людей, съ сѣдѣющими волосами, покупающихъ книги, будто ихъ изучающихъ и смѣло потомъ идущихъ въ университеты на экзамень, какъ на торговую казнь. Безъ тайнаго у нихъ согласія съ экзаминаторами, впрочемъ, весьма несвѣдущими, не могли бы они получить аттестата. Последнихъ надобно было задобрить; итакъ гнусное лихоимство проникло даже въ святилища наукъ. Люди, дотолѣ извѣстные чистотою правилъ, безсребренники-профессора осквернились взятками. Нѣсколько позже, провѣдавъ о томъ, молодые дворяне, желающіе вступить въ службу, не брали труда ходить слушать лекціи, а просто за деньги получали аттестатъ, открывающій имъ дорогу къ почестямъ: самый нѣжный возрастъ научался дѣйствовать подкупомъ. Лѣтъ пять такъ продолжалось, пока не приняты были мѣры къ пресѣченію сего постыднаго торга ученостію. Между тѣмъ, вкусившіе отъ запрещеннаго плода, преподаватели наукъ бросились туда, гдѣ жатва его была обильнѣе; простившись съ докторствомъ и магистерствомъ, они спѣшили на путь, на которомъ имъ однимъ дозволено было идти быстро и до всего доходить. Сколько людей, обѣщавшихъ блистать на кафедрѣ, погребло дорованія свои въ канцеляріяхъ! Университеты и гимназіи, сама ученая часть пострадала отъ чрезвычайныхъ привилегій ей дарованныхъ.

Всемирно завлекая студентовъ и семинаристовъ въ гражданскую службу, Сперанскій лишалъ и церковь твердыхъ ея опоръ, достойныхъ пастырей, вѣщателей слова Божія, образцовыхъ проповѣдниковъ. Дѣйствительно, всѣ наши свѣтильники вѣры, Филареты, Теофилакты явились до изданія указа. . . . Почти черезъ тридцать лѣтъ воскресло у насъ духовное краснорѣчіе съ Иннокентіемъ. . . .

Сперанскій втайнѣ приготавлился тогда къ одному важному дѣлу, къ перестройкѣ государственнаго зданія; въ угожденіе государю дѣлалъ опытъ надъ экспедиціей водяныхъ коммуникацій. Она дотолѣ входила въ составъ министерства коммерціи, о которомъ канцлеръ Румянцевъ, при другихъ занятіяхъ, уже мало заботился. Изъ сей экспедиціи, составили но-

вое министерство, подъ именемъ путей сообщенія. Но какъ императоръ намѣренъ былъ поручить его управленію зятя своего, мужа любимой сестры своей Екатерины Павловны, молодого принца Ольденбургскаго, и званіе простаго министра ему было неприлично, то и названо оно главною дирекціей. Тогда же съ великими издержками основаны институтъ и корпусъ инженеровъ путей сообщенія. Во всѣхъ европейскихкихъ странахъ гражданскіе инженеры были давно уже извѣстны; въ Россіи это показалось новостію. Оно что-то похоже было на архитекторство; а какъ у насъ искусства тогда мало отличались отъ ремеслъ, и молодые дворяне, хотя изгоняемые изъ статской службы, не охотно бы за нихъ принялись, то, чтобъ открыть имъ какую-нибудь дорогу и привлечь ихъ, принцъ выпросилъ самъ новымъ инженерамъ военные мундиры и чины. Въмѣстѣ съ назначеніемъ его главнымъ директоромъ путей сообщенія сдѣлали его генералъ-губернаторомъ Новгородскимъ, Тверскимъ и Ярославскимъ. Для великой княгини составили дворецъ, въ Твери генералъ-губернаторскій домъ наскоро, но пышно передѣлали въ дворецъ и въ концѣ августа они на житье туда отправились. И Тверь, не одинъ разъ великокняжеская столица, нѣкогда соперница Москвы, еще на нѣкоторое время опять блеснула между русскими городами.

Желая навѣстить милую сестру и взглянуть на ея молодое, царское хозяйство, государь отправился въ Тверь ко дню именинъ ея, 24-го ноября. Видно что старое, давно уснувшее соперничество Москвы въ ней опять пробудилось; ей казалось, что будетъ обидно, если царь, находясь въ столь близкомъ отъ нея разстояніи, не захочетъ удостоить ее своимъ посѣщеніемъ. Два маститые старца, графъ Остерманъ и князь Голицынъ, явились въ Твери отъ имени всего сонма заслуженныхъ, на покой живущихъ бояръ и вельможъ, всего стариннаго русскаго дворянства, коими наполнялась и гордилась тогда Москва, умолять его величество показать себя ей. Не знаю, какъ принялъ онъ это приглашеніе, однакоже согласился ѣхать, только не иначе какъ съ сестрой. . . . . Болѣе восьми лѣтъ, со времени его коронаціи, Москвитяне не видали Александра; радость и восторгъ были неописанные. Если не самъ онъ, то, по крайней мѣрѣ, прелестная Екатерина, достойная славнаго имени бабки своей, раздѣляла ихъ. Праздникъ за праздникъ, пробылъ государь въ Москвѣ цѣлую

недѣлю и даже провелъ въ ней день рожденія своего, 12-го декабря. Въ этотъ день вечеромъ онъ довольно милостиво и нѣжно съ нею распростился.

Въ концѣ мрачнаго октября сестра моя, Алексѣева, привезла раненаго мужа своего изъ Абова. * На костыляхъ представлялся онъ государю и Аракчееву; и даже послѣдній принялъ его ласково, и даже посадилъ, чего не дѣлалъ онъ съ корпусными генералами. Вообще въ Петербургѣ никогда ему не было такого житья, какъ въ эту осень и зиму. Изъ военныхъ, всѣ вельможные часто посѣщали его, оказывали ему участіе и уваженіе, особливо же недавніе начальники его, Каменскій и Шуваловъ. Послѣ трудностей похода, послѣ недостатковъ, часто голода, армейскіе вообще любятъ погулять, не заботясь о состояніи своего кармана; въ мирное время, какъ говорится, у нихъ копѣйка ребромъ. А этотъ былъ особенно добродушный и неразчетливый весельчакъ. Натѣшившись въ столицѣ болѣе двухъ мѣсяцевъ, получивъ безсрочный отпускъ съ сохраненіемъ жалованья и окладовъ, да сверхъ того, нѣкоторую помощь отъ казны, въ самый новый годъ отправился онъ съ женою, сперва въ родимую Москву, а потомъ къ родимымъ въ Пензу, къ отцу-матери, къ малымъ дѣтушкамъ.

Проживъ все это время съ зятемъ и сестрою, могъ бы я провести его довольно пріятно, еслибы на сердцѣ было повеселѣе. Я вступилъ въ тотъ возрастъ, въ которомъ люди серіозно начинаютъ думать о будущемъ, а оно мнѣ представлялось совсѣмъ не въ розовомъ видѣ. Еще съ весны началъ я настойчиво просить о должности, о штатномъ мѣстѣ.

---

* Мнѣ все приходится говорить о графѣ Т., прозванномъ Американцемъ. У раненаго Алексѣева, нѣсколько времени жившаго въ Абовѣ, каждый вечеръ собиралась гвардейская молодежь, между прочими старый знакомый его Т. и молодой Нарышкинъ. Они оба были влюблены въ какую-то Шведку, Финляндку или Чухонку, и ревновали ее другъ къ другу. Въ одинъ изъ сихъ вечеровъ, сидѣли они рядомъ за большимъ карточнымъ столомъ, шепотомъ разобрались, на другое утро дрались, и бѣдный Нарышкинъ палъ отъ перваго выстрѣла своего противника. Вслѣдъ за тѣмъ гвардія выступила обратно походомъ въ Петербургъ, откуда было прислано приказаніе вести Т. арестованнымъ. У Выборгской заставы его опять остановили и послали прямо въ крѣпость. Нѣсколько лѣтъ вертѣлся онъ около Петербурга и въ третій разъ едва успѣлъ въ него попасть.

Въ такомъ случаѣ ищутъ обыкновенно въ младшихъ. Я полагалъ, что не имѣю въ томъ нужды, пользуясь покровительствомъ министра и его товарища. По волѣ перваго и ходатайству послѣдняго, въ июлѣ прикомандированъ я былъ къ экспедиціи государственнаго хозяйства, коею все продолжалъ управлять почтенный и ученый тайный совѣтникъ Карлъ Ивановичъ Габлицъ; его попеченіямъ былъ я порученъ отъ министра. Онъ передалъ меня Егору Васильевичу Корнѣеву, начальнику третьяго отдѣленія, который долженъ былъ посвятить меня въ таинства соляныхъ дѣлъ, въ этомъ отдѣленіи производящихся. Онъ былъ чрезвычайно косъ, говорилъ со мною мало и смотрѣлъ на меня косѣе обыкновеннаго. Будучи настоящій бюрократъ, видѣлъ онъ во мнѣ бѣлоручку, барченка. Вся эта порода ко мнѣ не благоволила; были въ ней, однакоже, выродки и, между прочимъ, одинъ столоначальникъ этого отдѣленія, надворный совѣтникъ Богдановичъ, съ которымъ я долженъ былъ заниматься. Съ весьма добрымъ сердцемъ, съ большою опытностію, имѣлъ онъ плохое здоровье, собирався въ отпускъ и возвращаться къ должности не хотѣлъ, если здоровье ему не позволитъ. Я назначенъ былъ его преемникомъ, и онъ употреблялъ всѣ средства, чтобы, познакомивъ меня со вѣренными ему дѣлами, сдѣлать меня способнѣе къ занятію его мѣста. Онъ ухалъ, и я три мѣсяца исправлялъ его должность. Въ столѣ моемъ были дѣла по крымскому соляному производству и въ занятіи ими никакого не было коздовства. Корнѣевъ былъ со мною вовсе не любезенъ, обходился холодно, даже нѣсколько сурово, но ни малѣйшей неучтивости не позволялъ себѣ: видно, что я былъ исправенъ въ должности и въ обхожденіи съ нимъ умѣлъ быть вѣжливъ и вмѣстѣ съ тѣмъ показывать нѣкоторую твердость.

Въ это время явился жестокій указъ 6 августа; послѣднимъ предѣломъ моего честолюбія поставлены были чинъ коллежскаго совѣтника и мѣсто начальника отдѣленія. Еслибъ у меня были свобода и состояніе, я немедленно бы оставилъ службу. Небольшое жалованье было для меня необходимостію, и я готовъ былъ терпѣливо переносить и Корнѣева, и всѣ указы Сперанскаго.

Когда Богдановичъ прислалъ просьбу объ отставкѣ, я считалъ излишнимъ напоминать о себѣ, обращаться къ министру, къ товарищу его или къ управляющему экспедиціей

съ новыми искательствами; мѣсто столоначальника казалось принадлежащимъ мнѣ по праву. Вдругъ Лошкаревъ, своякъ Коряева, изъ другаго вѣдомства, назначенъ на это мѣсто, и я долженъ сдать ему бумаги. Я было бросился съ упреками: Коряевъ косо посмотрѣлъ на меня и ни слова не отвѣчалъ; Габлицъ сказалъ, что у него какъ-то вышло изъ памяти и что я напрасно ему не напомнилъ; „какъ быть“, прибавилъ онъ, „дѣло сдѣлано“. Итакъ, четыре мѣсяца самолюбіемъ, свободою и дѣвостію напрасно жертвовалъ я желанію быть себѣ и службѣ полезнымъ! Зло меня взяло, и я готовъ былъ изъ Петербурга бѣжать въ какую-нибудь пустыню.

Въ декабрѣ, въ одно тихое, ясное, холодное утро встрѣтилъ я на Дворцовой набережной управляющаго министерствомъ финансовъ, почтеннаго Федора Александровича Голубцова, котораго давно я не видалъ. Онъ остановилъ меня ласково и велѣлъ идти съ собою; потомъ сталъ разспрашивать о службѣ и съ участіемъ выслушивалъ подробности о неудачахъ моихъ по ней. „Батинька, голубчикъ (названія, кои употреблялъ онъ съ тѣми, къ коимъ благоволилъ), приходи ко мнѣ“, сказалъ онъ, „тамъ кое о чемъ на просторѣ поговоримъ“. Въ назначенный часъ явился я къ нему и былъ тотчасъ допущенъ: онъ объявилъ мнѣ намѣренія свои. Коллегии, полуразрушенныя, все стояли еще, все еще не совсѣмъ были повалены; ударъ, готовый навсегда сокрушить сіи ветхія, а еще твердыя зданія, былъ уже занесенъ, но никто о томъ еще не вѣдалъ. Министерства все еще сохраняли названія департаментовъ, ибо каждое изъ нихъ состояло изъ одного; была между ими, однакоже, нѣкоторая разница, на примѣръ, всеобъемлющій департаментъ внутреннихъ дѣлъ былъ раздѣленъ на три экспедиціи, изъ коихъ каждая имѣла свои отдѣленія и равнялась числомъ служащихъ съ другими департаментами, тогда какъ департаментъ финансовъ весь состоялъ изъ нѣсколькихъ только отдѣленій. Одно изъ нихъ было по кредитной части: государственный долгъ былъ не великъ, и она далеко не была столь важною, какъ нынѣ она считается. Отдѣленіемъ симъ управлялъ статскій совѣтникъ Семень Николаевичъ Озеровъ, человѣкъ честный, съ познаніями и усердіемъ. Пословица говоритъ: рыба ищетъ гдѣ глубже, а человѣкъ—гдѣ лучше; въ Россіи не совсѣмъ такъ: а человѣкъ—гдѣ выше. Озеровъ желалъ получить мѣсто оберъ-прокурора въ сенатѣ и оно ему было уже обѣщано. Не зная,

къмъ замѣнить его, Голубцовъ предложилъ мнѣ вступить въ его департаментъ, сдѣлаться ученикомъ Озерова мѣсяцевъ на семь или на восемь, можетъ-быть на годъ, и заступить его потомъ въ мѣстѣ начальника отдѣленія. Можно себѣ представить какъ я обрадовался такому предложенію.

Я скорѣе подалъ Габлицу просьбу объ увольненіи меня изъ департамента внутреннихъ дѣлъ, но Кюрье въ доклады валь по ней министру. Не знаю, какъ онъ ему представилъ ее; только князь Куракинъ чрезвычайно прогнѣвался. Онъ зналъ, что кредитъ его при дворѣ падаетъ, что Сперанскій, который никогда не могъ простить ему того, что былъ у него въ домѣ учителемъ, давно уже подъ него подкапывается; можетъ-быть полагалъ, что это извѣстно его подчиненнымъ и былъ въ весьма дурномъ расположеніи духа. Въ аттестатѣ, мнѣ выданномъ при увольненіи, ни единого слова не сказано мнѣ въ похвалу. По вечерамъ посѣщалъ я иногда домъ К.: когда послѣ того увидѣлъ онъ меня у себя, то подошелъ съ видомъ досады и сказалъ, что я напрасно поторопился, не предупредивъ его, что молодые люди всегда теряютъ отъ нетерпѣнія своего и тому подобное. Можетъ-быть былъ онъ правъ, но какъ мнѣ было знать это тогда? Я отвѣчалъ не дерзко, но довольно смѣло, онъ отворотился отъ меня и всегда уже потомъ былъ холоденъ со мною.

Когда, наканунѣ Рождества, пришелъ я благодарить почтенно-милѣйшаго моего Федора Александровича за опредѣленіе въ департаментъ финансовъ, сказалъ онъ мнѣ: „Батинька, голубчикъ, еще покамѣстъ не за что благодарить. Теперь къ концу года мы чрезвычайно заняты отчетами; а подожди недѣльки двѣ или три, тогда авось изъ экстраординарной суммы прищу тебѣ содержаніе, съ которымъ ты безбѣдно можешь прожить до полученія настоящаго мѣста.“ Вотъ съ какою сладостною надеждой заснулъ я въ 1809 году и проснулся въ 1810.

VII.

Въ день Новаго Года, всѣ воротившіеся изъ дворца отъ обѣдни, не одинъ коробъ, а цѣлый возъ привезли съ собою вѣстей. Одна изъ нихъ поразила меня, какъ громовымъ уда-

ромъ: Голубцовъ потерялъ мѣсто. Но я не иначе люблю разказывать, какъ все по порядку.

Со времени Петра Великаго былъ при царяхъ тайный совѣтъ. * Онъ не имѣлъ постоянныхъ засѣданій и созывался въ нужныхъ, чрезвычайныхъ случаяхъ. Потомъ продолжалъ онъ существовать подъ именемъ совѣта его или ея императорскаго величества. По вступленіи на престолъ Александра, Сперанскій, чрезъ покровителя своего графа Палена, предложилъ раздѣлить канцелярію его на четыре экспедиціи, какъ я гдѣ-то выше сказалъ, и умножить въ ней число дѣлъ. Этотъ первый опытъ назову я удачнымъ, ибо совѣтъ никогда менѣе не занимался, ничего не могъ сдѣлать, ничего не дѣлалъ и въ новомъ образованіи своемъ успѣлъ уже состарѣться. Сперанскій задумалъ дать ему новую жизнь, новую силу и посредствомъ его управлять дѣлою Россіей. Онъ названъ государственнымъ совѣтомъ и долженъ былъ имѣть предсѣдателя, чего дотолѣ не было. Сперанскій былъ только что тайный совѣтникъ и не смѣя себя предложить на это мѣсто, указалъ на государственнаго канцлера, графа Румянцева, котораго все время поглощали затруднительныя тогда дипломатическія занятія.

Не канцелярію совѣта, а самый совѣтъ раздѣлили онъ на четыре департамента: законовъ, военныхъ дѣлъ—сухопутныхъ и морскихъ, гражданскихъ и государственной экономіи. Каждый изъ нихъ получилъ особаго предсѣдателя и нѣсколько членовъ. Всѣ дѣла особенной важности должны были подлежать разсмотрѣнію одного изъ департаментовъ или общаго ихъ собранія. Жалобы тяжущихся государю на рѣшеніе сената, пропущенныя чрезъ вновь учрежденную комиссію прошеній, также должны въ совѣтъ разсматриваться и перерѣшаться. Однимъ словомъ, онъ сдѣлался высшею инстанціей, соединяющею въ себѣ правительственную, законодательную и судебную власть.

Правителемъ канцеляріи совѣта въ прежнемъ ея составѣ былъ нѣкто тайный совѣтникъ Иванъ Андреевичъ Вейдмейеръ. При новомъ преобразованіи совѣта назначенъ онъ его членомъ, а Сперанскій смиренно заступилъ его мѣсто только уже подъ созданнымъ имъ названіемъ государствен-

---

* Отъ того названія и мѣста нынѣ чины тайныхъ и дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ.

наго секретаря. Подчиненные ему, управляющіе канцеляріями департаментовъ, получили титулъ статсъ-секретарей.

Государственный совѣтъ и правительствующій сенатъ Сперанскій умѣлъ въ глазахъ царя представить подобіемъ верхней и нижней камеръ парламента, тогдашнихъ французскаго сената и законодательнаго корпуса, тогда какъ они съ ними ничего не имѣли общаго. Совѣтъ былъ не что иное, какъ самъ Сперанскій, который предлагалъ въ немъ къ слушанію дѣла, потомъ, среди общаго молчанія членовъ, самъ разсуждалъ о нихъ, и опредѣленія свои давалъ имъ подписывать. Сенатъ же превратился въ какую-то кассационную палату.

Мѣста предсѣдателей департаментовъ совѣта, поставленныя выше званій министровъ, какъ въ томъ скоро убѣдились, были не что иное, какъ удобное, благовидное отъ сихъ послѣднихъ увольненіе. Для занятія должности предсѣдателя департамента экономіи вырыли вѣчнаго Николая Семеновича Мордвинова. Министръ юстиціи, князь Лопухинъ, и министръ народнаго просвѣщенія, графъ Завадовскій, уволены отъ должностей, первый назначенъ предсѣдателемъ департамента законовъ, послѣдній—департамента гражданскихъ дѣлъ. Соединеніе званій предсѣдателя всего совѣта и министра иностранныхъ дѣлъ въ лицѣ графа Румянцева доказывало, что и ихъ можно было бы оставить при обоихъ мѣстахъ; оба были извѣстны своимъ умомъ и опытностію, но Сперанскому нужны были министры помоложе и попокорнѣе.

Но что всего было важнѣе, непонятнѣе, изумительнѣе, Аракчеевъ, самъ графъ Алексѣй Андреевичъ оставилъ военное министерство, чтобы занять мѣсто предсѣдателя департамента военныхъ сухопутныхъ и морскихъ дѣлъ. Кто въ этомъ былъ обманутъ, государь или Аракчеевъ? и не оба ли вмѣстѣ? Первый послѣднему никогда не оказывалъ болѣе любви и довѣренности. Можетъ-быть думалъ онъ этимъ распространить его занятія и власть. А можетъ-быть, наскучивъ безпрестаннымъ несогласіемъ его съ главнокомандующими арміями, ожидая отъ того вредныхъ послѣдствій въ случаѣ болѣе обширной войны, внимая жалобамъ всего войска, которыя были слишкомъ громки, чтобы не доходить до него, государь искалъ средства, какъ будто возвышая его, устранить отъ такой части, которою самъ онъ тогда исключительно любилъ заниматься

Аракчеевъ показывалъ видъ весьма довольный; онъ кажется полагалъ, что не одна армія, но наконецъ и весь флотъ попался въ его желѣзныя лапы. Такъ всѣ по крайней мѣрѣ думали, и бѣдные моряки чрезвычайно опустили быдо голову.

Посредствомъ всѣхъ этихъ перемѣненій, по примѣру Англіи, возобновленъ былъ почти весь кабинетъ, что также было по вкусу императора. И мнѣ приходится въ третій разъ изображать лица новыхъ министровъ *.

Военнымъ назначенъ главнокомандующій финляндскою арміею, Барклай-де-Толли. Онъ былъ Нѣмецъ, а никто изъ Русскихъ не позволилъ себѣ тогда поднять голоса противъ его назначенія. Высокая добродѣтель, высокій умъ самихъ враговъ своихъ заставляютъ невольно уважать себя. Происхожденіемъ изъ Шотландіи, сынъ ревелскаго купца и бургомистра, женатый на дворянкѣ Смиттенъ, Барклай, казалось, не принадлежалъ ни къ какой націи, ни къ какому сословію: онъ принадлежалъ только къ чрезмѣрно ограниченному въ мірѣ разряду мудрецовъ и героевъ. Оставивъ начальство на двѣ трети уменьшенной арміи своей, подъ именемъ корпуса, генералъ-лейтенанту Штейнгелю, прибылъ онъ въ Петербургъ въ половинѣ января. Съ первыхъ минутъ показалъ онъ твердость и умѣренность. Онъ не согласился подчинить себя Аракчееву (что государь уже предвидѣлъ), потребовалъ власти равной той, которою предмѣстникъ его пользовался, и въ то же время дѣйствіями своими доказывалъ, что не употребить ее во зло.

Извѣстный лично государю, сенаторъ Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ былъ призванъ изъ Москвы, чтобы на мѣсто Лопухина быть министромъ юстиціи. Это былъ первый примѣръ тайнаго совѣтника, поступающаго прямо въ министры. Зная Дмитріева, какъ отличнаго поэта, вспоминая Державина, полагая, что несовершенное знаніе дѣлъ ему подчинить его, Сперанскій не противился выбору царя, мысленно сдѣланному во время недавняго посѣщенія Москвы. Странное дѣло, что Александръ не любилъ стиховъ, презиралъ ихъ даже, а высоко цѣнилъ повтовы. Онъ полагалъ, что стихи не

---

* Замѣчательно, что никто не имѣлъ ни малѣйшаго подозрѣнія на счетъ приготавливаемыхъ перемѣнъ. Самы министры узнали о томъ, развѣ только наканунѣ новаго года, дня, въ который перемѣны сіи послѣдовали.

что иначе как блестящая шалость, мотовство богатаго ума, сокровища свои попустому расточающаго. Во всякомъ поэтѣ видѣлъ онъ искуснаго правителя, судью, котораго стоить поставить на истинный путь, ему природою указанный, съ котораго сила воображенія своротила его, и тогда отъ него болѣе чѣмъ отъ другихъ государство можетъ ожидать пользы.

Когда при вступленіи на престолъ, Павелъ наследника своего сдѣлалъ шефомъ Семеновскаго полка, Дмитріевъ былъ въ немъ капитаномъ. Мужественная красота его поразила юншу; остроуміе его забавляло и плѣняло однополчанъ, тогда какъ въ то же время какаля-то природная важность въ присутствіи его удерживала лишніе порывы ихъ веселости; они почтительно наслаждались имъ. Изъ офицеровъ тогдашней гвардіи немногіе отличались образованностію, за то всѣ они, почти безъ изъятія, подобно Дмитріеву, гордились извѣстностію благородныхъ своихъ именъ. Въ самомъ же Дмитріевѣ, (пусть нынѣ назовутъ это предрасудкомъ) старинный дворянинъ былъ еще чувствительнѣе, чѣмъ поэтъ и офицеръ. Оттого товарищи еще болѣе любили его, въ этомъ только почитали себя ему равными, во всемъ же прочемъ признавали его первенство между собою. По какому-то недоразумѣнію схваченъ былъ онъ и какъ преступникъ посаженъ въ крѣпость. Не прошло сутокъ, какъ истина открылась, и онъ призванъ въ кабинетъ царя, куда явился съ покорностію подданства и смѣлостію невинности. Павелъ восхитился имъ и изъ гвардіи капитановъ, произвелъ его прямо въ оберъ-прокуроры сената, съ опредѣленіемъ на первую могущую открыться вакансію. Вотъ въ какихъ обстоятельствахъ узналъ его Александръ и послѣ того всегда сохранялъ объ немъ высокое мнѣніе.

Какъ стихотворецъ, будетъ всегда занимать онъ на русскомъ Парнассѣ замѣчательное мѣсто. До него свѣтскіе люди и женщины не читали русскихъ стиховъ или читая не понимали ихъ. Не было середины, съ одной стороны Ломоносовъ и Державинъ, съ другой Майковъ и Барковъ, или восторженное, превыспреннее, или площадное и непотребное, ода *Богъ* или *Елисей*. Скажутъ конечно, что Княжнинъ прежде его написалъ въ стихахъ двѣ хорошія комедіи—*Хвастунъ* и *Чудаки*; да развѣ въ нихъ есть разговорный языкъ хорошаго общества? Доказавъ Ермакомъ и Освобожденіемъ Москвы все, что въ лирическомъ родѣ онъ въ состояніи сдѣ-

лать, не отъ безсилія перешель онъ къ другому, на первый взглядъ болѣе легкому роду. Его *Модную жену*, *Воздушныя башни* и даже множество пѣсенокъ начали дамы знать наизусть. Съ недосыгаемыхъ для публики высотъ свелъ онъ музу свою и во всей красѣ поставилъ ее гораздо выше гвѣющаго болота, гдѣ воспѣвали Панкратій Сумароковъ и ему подобные: однимъ словомъ, онъ представилъ ее въ гостиныя. То, что предпринялъ онъ въ стихахъ, сдѣлалъ въ прозѣ землякъ его, другъ и братъ о Аполлонѣ, Карамзинѣ, и долго оба они сіяли Москвѣ какъ созвѣздіе Кастора и Поллукса.

Государь не ошибся, избравъ министромъ поэта Дмитріева; но только не поэта, а кореннаго русскаго человѣка по отцу и по матери. Эти люди, исключая особаго какого-нибудь дара, всегда имѣютъ еще врожденныя способности ко всему. Оттого часто мы видимъ у себя моряковъ, которые, не покидая морской службы, хорошо выучиваются фронтовой, гусаровъ, которые дѣлаются инженерами; оттого, когда нужда потребовала, видѣли мы тысячи канцелярскихъ, бросающихъ перо, хватающихся за ружье и саблю и славно влѣбующихъ ими противъ непріятеля. Оттого не должны мы слишкомъ строго осуждать помѣщиковъ, твердо въ томъ увѣренныхъ, которые, не справляясь со склонностями крѣпостныхъ своихъ мальчиковъ, безъ разбора, по прихоти отдають ихъ учиться ремесламъ; если не всѣ выходятъ изъ нихъ мастера, то по крайней мѣрѣ хорошіе работники. Русскіе отличаются этою смѣтливостію не только отъ другихъ народовъ, но и отъ всѣхъ славянскихъ племенъ. Дмитріевъ, который можетъ-быть никогда не думалъ о судебной части, долженъ былъ заняться ею, сдѣлавшись неожиданно оберъ-прокуроромъ. Съ его необыкновеннымъ умомъ, съ его любовію къ справедливости, ему не трудно было съ сею частію скоро ознакомиться, и русское правосудіе сдѣлало въ немъ важное приобрѣтеніе. Но оно отвлекало его отъ любимыхъ его стихотворныхъ занятій, коимъ надѣялся онъ посвятить всю жизнь и нѣсколько лѣтъ провелъ онъ въ отставкѣ. Желая уму его дать болѣе солидную пищу, Александръ сдѣлалъ его сперва сенаторомъ, а вскорѣ потомъ министромъ. Тогда не былъ я столь счастливъ, чтобы лично съ нимъ познакомиться: это случилось гораздо позже; но какъ всѣ короткіе пріятели мои пользовались его благосклонностію, которую въ послѣдствіи и на меня простеръ онъ, то и тогда я уже зналъ

характеръ его, какъ будто вѣкъ съ нимъ жилъ. Какъ во всякомъ необыкновенномъ человѣкѣ было въ немъ много противоположностей; въ немъ все было разбѣрено, чинно, опрятно, даже чопорно, какъ въ Нѣмцѣ, всѣ же привычки, вкусы его были совершенно русскаго барина; квась, пироги, паче всего малина со сливками были его наслажденіемъ; любилъ онъ также и шутовъ, но въ нихъ посвящалъ обыкновенно чванныхъ стихоплетовъ. Многіе почитали его эгоистомъ,* потому что онъ былъ холостъ и казался холоденъ. Любилъ онъ немногихъ, за то любилъ ихъ горячо; прочимъ всегда желалъ онъ добра: чего требовать болѣе отъ человѣческаго сердца? Крупные и мелкіе московскіе литераторы всегда составляли его семью, общество и свиту; въ молодости и въ зрѣлыхъ лѣтахъ былъ онъ ихъ коноводомъ, въ старости патриархомъ ихъ. Человѣка, не имѣющаго никакихъ слабостей, мнѣ кажется любить нельзя, можно ему только что удивиться; Дмитріевъ, съ прекрасными свойствами истинныхъ поэтовъ, имѣлъ нѣкоторыя изъ ихъ слабостей; въ немъ были чрезвычайная раздражительность и маленькое тщеславіе. Съ этою приправой, самая важность его, серіозный видъ дѣлались пріятельными.

Министромъ народнаго просвѣщенія назначенъ былъ графъ Алексѣй Кирилловичъ Разумовскій, попечитель Московскаго университета. Онъ также посѣщенію Москвы государемъ былъ обязанъ за его выборъ. Всѣ сыновья добродушнаго, ко всѣмъ радушнаго Кирилла Григорьевича были не въ него свѣсивы и недоступны. А казалось ему, бы скорѣе можно было въ молодости зазнаться при быстромъ переходѣ отъ состоянія пастуха къ званію гетмана Малороссіи, отъ нищеты къ несмѣтному богатству. Всѣ они воспитаны были за границей, начтены французскою литературой, облечены въ иностранныя формы и почитали себя русскими Монморанси. Трое изъ нихъ были просто любезные при дворѣ и несносные вѣдъ его аристократы, одинъ Андрей былъ извѣстнымъ дипломатомъ, а двое Григорій и Алексѣй предалися наукамъ,

---

* Дружбы не знаютъ эгоисты, а сердце Дмитріева какъ будто осиротѣло, овдовѣло послѣ смерти Карамзина. Одинъ разъ со мною, разговаривая объ умершемъ другѣ своемъ съ чувствомъ, съ похвалою, но безъ большаго жара, вдругъ забылся онъ до слезъ. Изяснить не могу, какъ я былъ глубоко этимъ тронутъ.

первый минералогіи, послѣдній ботаникъ. Можетъ быть Линней и былъ бы хорошимъ министромъ просвѣщенія, но между ученымъ и только что любителемъ науки великая разница. Изъ познаній своихъ дѣлалъ графъ Алексѣй Разумовскій то же употребленіе, что и изъ богатства, онъ наслаждался ими одинъ, безъ малѣйшаго удовольствія, безъ всякой пользы для другихъ. Въ подмосковномъ великолѣпномъ помѣстьѣ своемъ Горенкахъ, среди царской роскоши, заперся онъ одинъ съ своими растеніями. Тогда все почиталось великою ученостью; отъ любезныхъ ему теплицъ оторвали его, чтобы поручить ему разсадники наукъ: казалось, право, что русское юношество считали принадлежащимъ къ царству прозябаемыхъ. Еще разъ должно сказать, что всѣ эти баричи, при Екатеринѣ и послѣ ея, на французскій разный манеръ воспитанные, въ дѣлахъ были ни къ чему не годны, слѣдственно съ властію и вредны; и къ сотнямъ доказательствъ того принадлежитъ Разумовскій. Никакой памяти не оставилъ онъ по себѣ въ министерствѣ.

Если три названныхъ мною новыхъ министра были выписные, изъ арміи, изъ Москвы, то четвертый былъ петербургскій, доморощенный, Дмитрій Александровичъ Гурьевъ. При первомъ учрежденіи министерствъ умѣлъ онъ какъ-то припутаться къ партіи Новосильцовыхъ, Кочубеевъ, Чарторыйскихъ и попалъ въ товарищи министра финансовъ. Въ то же время управлялъ онъ кабинетомъ его величества, то-есть карманными его деньгами. Когда въ 1805 году Троицскій вышелъ въ отставку, сдѣланъ былъ онъ сверхъ того министромъ удѣловъ: удѣлы, какъ извѣстно, почитаются министерствомъ за урядъ и въ отношеніи къ другимъ то же самое, что Мароккекая имперія къ имперіи Австрійской или Россійской.

Послѣ кончины графа Васильева надѣялся онъ быть его премникомъ; но управляющимъ министерствомъ сдѣлали Голубцова, и Гурьеву, старѣе его чиномъ, нельзя было оставаться его товарищемъ. Осторожность, робость и вмѣстѣ съ тѣмъ самостоятельность Голубцова не могли нравиться Сперанскому: онъ почиталъ его человѣкомъ завязшимъ въ старинной, изъѣзженной колѣѣ. Онъ все страшился чрезвычайныхъ займовъ. Безсмысленный! развѣ не зналъ онъ, что Англія богатѣетъ, благоденствуетъ при неоплатныхъ долгахъ: этого рода блаженство желалъ Сперанскій доставить Россіи. Въ учрежденіи

совѣта такъ было все устроено, что онъ могъ любое министерство или изъ него любую часть забирать къ себѣ въ руки; при тогдашнихъ обстоятельствахъ финансовая начинала почитаться важнѣйшею, а отъ Голубцова не могъ онъ ожидать совершенной покорности. Онъ даже не хотѣлъ ему дать мѣста въ новомъ своемъ совѣтѣ и въ указѣ о его увольненіи ни слова не упоминалъ о его просьбѣ. Послѣ того Гурьевъ оставался только именованъ министръ финансовъ; настоящимъ же не переставалъ быть Сперанскій до самаго паденія своего, не входя впрочемъ ни въ какія внутреннія по канцеляріямъ распоряженія.

.....
Гурьевъ всегда былъ чрезвычайно искателемъ и угодителемъ. Онъ случайно познакомился съ однимъ молодымъ, женоподобнымъ милліонеромъ, графомъ Павломъ Мартыновичемъ Скавронскимъ, внукомъ роднаго брата Екатерины I, отправлявшимся за границу. Гурьевъ умѣлъ ему полюбитися, и болѣе трехъ лѣтъ странствовалъ съ нимъ по Европѣ. Этотъ молодой Скавронской, какъ говорятъ, былъ великій чудакъ; никакая земля не нравилась ему, кромѣ Италіи, всему предпочиталъ онъ музыку, самъ сочинялъ какую-то ералашъ, давалъ концерты, и слуги его не иначе имѣли дозволеніе говорить съ нимъ какъ речитативами, какъ на распѣвъ. Когда Скавронской воротился въ Петербургъ, всѣ молодые знатныя дѣвицы стали искать его руки, а онъ о женитьбѣ и слышать не хотѣлъ. Наконецъ самъ князь Потемкинъ пожелалъ выдать за него племянницу свою Энгельгардтъ, сестру графини Браницкой и княгини Голицыной. Одинъ только Гурьевъ могъ этимъ дѣломъ поладить, и стараніями его бракъ сей состоялся. По ходатайству Потемкина скоро получилъ онъ камеръ-юнкерство, и сверхъ того отъ Скавронскаго три тысячи душъ въ знакъ памяти и вѣрной дружбы. Молодость, иностранная образованность, придворный чинъ, богатство, все это позволяло думать ему о выгодной партіи: только новость его имени все еще мѣшала ему получить права гражданства въ аристократическомъ мірѣ; онъ скоро приобрѣлъ ихъ женившись на графинѣ Салтыковой.

Гурьевъ не даромъ путешествовалъ за границей, онъ тамъ усовершенствовалъ себя по части гастрономической. У него въ этомъ родѣ былъ дѣйствительно геній изобрѣтательный, и кажется есть паштеты, есть котлеты, которые носятъ его

имя. Онъ давалъ обѣды знатымъ, новымъ роднымъ своимъ, и домъ его сталъ почитаться однимъ изъ лучшихъ.

Трое только изъ прежнихъ министровъ сохранили свои портфели: Румянцевъ, Чичаговъ и Куракинъ; послѣдній не на долго. . . . . Дочь императора австрійскаго, эрцгерцогиня Марія Луиза, была, какъ извѣстно, залогомъ послѣдняго мира его съ Наполеономъ. Всемирный этотъ владыка хотѣлъ, чтобъ и семейныя его происшествія были ознаменованы печатію побѣдъ и торжества. Подвластные ему короли и королевы должны были лично присутствовать при его бракосочетаніи; союзные же государи, коихъ число было не велико, почитали необходимостію отправить вмѣсто себя знатнѣйшихъ сановниковъ своихъ, чтобы быть свидѣтелями сего великаго происшества. Зная, какъ всѣ Куракины болѣе или менѣе заражены тщеславіемъ, Сперанскій увѣренъ былъ, что князь Алексѣй Борисовичъ не откажется отъ таковой чести и присовѣтовалъ государю предложить ему сію поѣздку. Въ мартѣ отправился онъ на свадьбу въ Парижъ, гдѣ старшій братъ его, князь Александръ Борисовичъ, переведенный изъ Вѣны, находился чрезвычайнымъ посломъ. По отъѣздѣ его, министерство внутреннихъ дѣлъ поручено товарищу его Козодавлеву.

По окончаніи маневровъ, болѣе чѣмъ военныхъ дѣйствій, противъ Австріи въ Галиціи, по заключеніи мира съ Швеціей, все вниманіе обратилось на войну съ Турками. Съ 1806 года Молдавія и Валахія по Дунай заняты были Михельсономъ, который въ слѣдующемъ году умеръ. Осьмидесятилѣтній, полумертвый фельдмаршалъ князь Прозоровскій, заступившій его мѣсто, болѣе двухъ лѣтъ, мирно управлялъ Княжествами и спокойно начальствовалъ неподвижною арміей. Церемонились съ нимъ, не хотѣли обидѣть его, не рѣшались отозвать, а между тѣмъ желали расшевелить старика и оживить гаснущую войну. Для того выдумали послать къ нему въ помощь знаменитаго воина, князя Багратіона, который къ концу лѣта 1808 года дѣйствительно успѣлъ усадить его на коня и перетащить за Дунай. Браннымъ шумомъ и движеніемъ гальванизированный трупъ Прозоровскаго на нѣсколько дней какъ будто ожилъ; но это была послѣдняя вспышка догорающей лампы: однимъ утромъ нашли его въ палаткѣ заснувшаго вѣчнымъ сномъ. Багратіонъ не принялъ

начальства надъ арміей, которое и безъ того уже имѣлъ, а получилъ только званіе главнокомандующаго. Войска было у него не слишкомъ много; однакоже, въ продолженіи осени успѣлъ онъ безъ всякаго кровопролитія взять двѣ важныя крѣпости, Браиловъ и Измаилъ, а за Дунаемъ безъ главнаго дѣла, во всѣхъ частныхъ встрѣчахъ Турки были разбиты и прогнаны.

Война съ Швеціей пріучила Петербургъ къ быстрымъ успѣхамъ, и потому дѣйствія Багратіона казались весьма неудовлетворительными. „Вотъ диковинка, что перешелъ Дунай; лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ можно было этому дивиться, а теперь никого не польститъ названіе Задунайскаго; нѣтъ, братъ, ступай за Балканъ.“ Такъ разсуждали въ англійскомъ клубѣ. Въ Петербургѣ не служащихъ весьма мало, а праздныхъ людей чрезвычайно много; всѣ тѣ, которые имѣли претензіи на просвѣщеніе, старались быть членами этого клуба, чтобы поврать о политикѣ. Не имѣя понятія ни о трудахъ, ни объ опасностяхъ, ареонагъ сей, упиваясь шампанскимъ, произносилъ строгіе приговоры генераламъ: къ сожалѣнію, находили они отголоски въ обществахъ. „Сражаться съ просвѣщенными Шведами, кажется, труднѣе, находили они, чѣмъ съ варварами, не знающими ни дисциплины, ни тактики. Впрочемъ, этотъ Багратіонъ и самъ невѣжда, который знаетъ войну по практикѣ.“ Между тѣмъ и Аракчеевъ, который мыслилъ не болѣе ихъ, также гнѣвался на него за медленность, и начиналъ уже ссориться. Багратіонъ сталъ просить объ увольненіи, не зная еще, что самъ Аракчеевъ получилъ его. Государь, общее мнѣніе и новый министръ Барклай прочли его мѣсто графу Каменскому, и потому никакихъ, можетъ-быть тайно ожидаемыхъ имъ, препятствій къ исполненію его вынужденной просьбы не встрѣтилось.

Назначеніе Каменскаго главнокомандующимъ молдавскою арміей всѣхъ обрадовало; всѣ любили его, всѣ уважали, всѣмъ извѣстны были его воинскіе таланты; никто не зналъ его болѣзненнаго состоянія. Союзъ съ Наполеономъ все еще продолжался, но ясно можно было видѣть, что разрывъ замедляется единственно жестокими затрудненіями, имъ встрѣчаемыми на Гишпанскомъ полуостровѣ: гишпанская война какъ шпанская муха оттягивала отъ насъ бѣдствія. Пока онъ не успѣлъ еще управиться съ великодушными, храбры-

ми Кастиланами и Аррагонцами, надобно было стараться намъ кончить всѣ наши расчеты съ сосѣдями и блестящимъ образомъ, если можно, взятіемъ Константинополя, заключить войну нашу съ Турками. Усиленная всѣми войсками, находившимися въ Галиціи, предводительствуемая Каменскимъ, чего казалось не могла совершить молдавская армія?

Въ первыхъ числахъ февраля, благословляемый всею Россіей, Каменскій отправился въ Букарешть. Съ нимъ поѣхалъ одинъ молодой человекъ, о которомъ много и довольно часто говорилъ я въ сихъ запискахъ, но о коемъ давно уже не упоминалъ. Возвратившись осенью 1808 года въ Петербургъ, я не нашелъ въ немъ Блудова. Занимаясь, наконецъ, дѣятельно, при товарищѣ министра иностранныхъ дѣлъ графѣ Салтыковѣ, во время отсутствія Румянцева управлявшемъ министерствомъ, отправленъ былъ онъ съ андреевскою лентой къ брату Наполеона, голландскому королю Лудовику Молодой Корсиканецъ, отъ искренняго сердца сдѣлавшись Голландцемъ, какъ всѣ новые соотечественники его, полюбилъ Россію; какъ они, гордился онъ славою Сардама, которая навсегда связала ихъ съ нами, но которою, какъ мнѣ кажется, мы не слишкомъ должны гордиться. Молодой человекъ былъ отмѣнно хорошо принятъ при молодомъ дворѣ, не совсѣмъ еще устроенномъ, и самъ король вручилъ ему брилліантовый знакъ вновь учрежденнаго имъ Ордена Союза. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ возвратившись, нашелъ онъ, что при Румянцевѣ самъ Салтыковъ мало имѣетъ занятій, и онъ опять остался безъ дѣла.

Покойная мать его, почти всегда хвораая, жила уединенно въ Москвѣ, въ сосѣдствѣ и тѣсной дружбѣ съ статсъ-дамою графинею Каменскою, женою фельдмаршала и матерью главнокомандующаго, которая также семейную жизнь предпочитала свѣтской: рѣдко можно было видѣть двухъ сестеръ столь нѣжно любящихъ другъ друга. Передъ коронаціей Александра пріѣхалъ изъ Петербурга къ графинѣ Каменской родной дядя ея, князь Андрей Николаевичъ Щербатовъ съ женою и дочерью и остановился у нея. Молодая княжна Анна Андреевна Щербатова примѣчательна была нѣжными чертами лица, и при дворѣ, гдѣ она находилась фрейлиной, многіе находили въ ней сходство съ императрицею Елизаветой Алексѣевной, одни давали ей преимущество, другіе императрицѣ. Присутствіе петербургской дѣвицы оживило однообра-

зіе дома графини Каменской. Не трудно было княжнѣ Щербатовой, съ прелестями, которыя она еще имѣла, съ ангельскою кротостію, которою всегда отличалась, съ знаніемъ пріличій большаго свѣта, вскружить голову пятнадцати или шестнадцатилѣтнему кипучему мальчику, незнакомому еще со свѣтомъ и женскимъ кокетствомъ, совершенно невинному, но въ которомъ отъ силы воображенія страсти успѣли уже созрѣть. Она плѣнила его, хотя никакъ о томъ не думала и нѣсколькими годами была его старѣе. Эта страсть въ слѣдующемъ году привлекла его въ Петербургъ, за нее долженъ благодарить онъ небо; она истребила въ немъ всѣ порочныя побужденія, жаръ души его направила къ добру и чести. Какъ можно было почти ребенку помышлять о женитьбѣ? Долго оставалась она для него только кумиромъ добродѣтели, источникомъ чистѣйшихъ помысленій и чувствованій. Исключая несовершеннолѣтія его, къ брачному съ нею союзу представлялись еще другія препятствія. Княгиня Щербатова, женщина извѣстная своею набожностію, строгими правилами, примѣрною преданностію и вѣрностію къ супругу, тридцатью годами ея старѣе, гордась его знатностію и своими добродѣтелями, была сурова и надменна. Многимъ молодымъ людямъ достойнымъ ея дочери отказывала она уже въ рукѣ ея; чего же можно было ожидать малочинному дворянчику, у котораго, правда, была родословная длиною въ восемь столѣтій, наполненная именами бояръ и воеводъ, но что это значить въ Россіи? Подъ словомъ знатность разумѣется въ ней совсѣмъ новая или по крайней мѣрѣ подновленная знаменитость. Время и постоянство одолеваятъ все: графиня Каменская, принявшая на себя всѣ обязанности умершей матери Блудова, вступилась въ это дѣло, и гордая княгиня изъявила наконецъ свое согласіе. Для доставленія скорѣйшаго повышенія будущему родственнику, Каменскій назначилъ его правителемъ своей заграничной канцеляріи, что было очень важно для надворнаго совѣтника, которому не было двадцати пяти лѣтъ отъ роду.

VIII.

Если счастье наконецъ улыбалось Блудову, то отъ меня оно совсѣмъ отвратило лицо свое: другому я бы можетъ-быть позавидовалъ, а его успѣхи были для меня утѣшеніемъ.

Я принадлежалъ къ канцеляріи министра финансовъ, которой еще не видалъ, въ которой рѣшительно никого не зналъ и ни къ кому не являлся. Собравшись съ духомъ, поспѣтилъ я Озерова, * которому извѣстны были намѣренія Голубцова: онъ откровенно сказалъ мнѣ, что самъ находится въ затруднительномъ положеніи, не думаетъ долго сохранить мѣста и совѣтовалъ мнѣ пока оставаться спокойнымъ, повременить, осмотрѣться, увидѣть какое возьмутъ направленіе дѣла и люди.

Возвратившись изъ китайскаго посольства былъ я у Гурьева съ письмомъ отъ сына его. Какъ имъ самимъ, такъ и супругой его, къ которой водилъ онъ меня рекомендовать, былъ я принятъ учтиво и получилъ приглашеніе ихъ посѣщать, чѣмъ вечера два, кажется, и воспользовался. Не могъ я жаловаться, не могъ я много и хвастаться ихъ обращеніемъ со мною, но чувствуя неодолимую антипатію къ нимъ, пересталъ ѣздить, послѣ чего встрѣчая меня въ другихъ домахъ, они меня не узнавали. По прошествіи четырехъ лѣтъ возобновленіе этого знакомства было не только трудно, даже невозможно. Къ тому же сынъ ихъ, чрезъ котораго могло бы сіе сдѣлаться, съ которымъ никогда не имѣлъ я связей, но и не прекращалъ знакомства, который по временамъ то оказывалъ мнѣ пріязнь, то досадно бывалъ холоденъ, находился тогда при миссіи въ Парижѣ.

Уступая постояннымъ жестокостямъ неумолимой ко мнѣ судьбы, я желалъ только уклониться отъ ея ударовъ, оставить навсегда службу, зарыть молодость свою въ Пензенской деревнѣ и обратиться въ прилежнаго хлѣбопашца. Чтобы склонить отца моего дать на то согласіе, нужны были сильные доводы, убѣжденія; я не надѣялся успѣть въ томъ посредствомъ переписки и рѣшился воспользоваться послѣднимъ зимнимъ путемъ чтобы самому отправиться въ Пензу. Я пошелъ за паспортомъ къ г. Дружинину, новому правителю канцеляріи (директоровъ канцеляріи тогда еще не было) и безъ затрудненія получилъ его.

Я спѣшилъ оставить Петербургъ, имѣя причину опасаться чтобы отъ распутицы не застѣть гдѣ-нибудь на дорогѣ. Совершенная оттепель продолжалась около полуторы недѣли и

---

* Семень Николаевичъ Озеровъ, умершій въ Москвѣ сенаторомъ.

въ тонкомъ черепкѣ на улицахъ было менѣ льду чѣмъ на возу, какъ въ самый день выѣзда моего, 12-го марта, воротилась зима въ такомъ видѣ, въ которомъ не худо бы было ей всегда являться; выпалъ снѣгъ, потомъ прояснѣло, по ночамъ морозы доходили до двѣнадцати градусовъ, днемъ при тихой погодѣ красное солнце опять согрѣвало воздухъ, и послѣдній путь сдѣлался лучше и глаже первопутья.

Нѣсколькими часами послѣ меня выѣхала по той же дорогѣ вдовствующая императрица Марія Феодоровна, и я вездѣ встрѣчалъ радостныя ожиданія жителей. Она спѣшила въ Тверь навѣстить Екатерину Павловну, милое, балованное дитя цѣлаго семейства. Какъ шибко ни скакалъ я, лошади приготовленныя для императрицы видно были лучше моихъ и на станціи Хотиловъ былъ я достигнуть ея величества.

Вмѣстѣ съ народною толпою подошелъ я довольно близко къ зимнему экипажу, изъ котораго не выходя, остановилась она, пока перемѣняли лошадей. Ласково улыбаясь, говорила она что-то, невнятно, худымъ русскимъ выговоромъ; народъ слушалъ съ умиленіемъ. Въ первый разъ еще видѣлъ я мужиковъ, ямщиковъ, мѣющихихъ, трепещущихъ отъ восторга. Бабы приговаривали: „Матущка, государыня, старушка“ *. Не знаю доходили ли слова сіи до нея, по крайней мѣрѣ не казалась ими оскорбленною эта старушка, которая была женщина свѣжая, здоровая, румяная, красивая, и которой пятьдесятъ лѣтъ едва ли тогда исполнилось. Когда я пріѣхалъ въ Вышній Волочокъ, уже смерклось, и я видѣлъ императрицу, отправляющуюся далѣе при свѣтѣ факеловъ; во всѣхъ окошкахъ маленькаго города зажжены были свѣчки, тутъ развѣшены были фонари, тамъ горѣли плошки. Радостный шумъ, гуляющія толпы нашель я также въ Твери, огни нигдѣ не потухали, хотя было за-полночь, часъ второй, жители губернскихъ городовъ обыкновенно давно уже спать.

Таковъ народъ русекій, онъ любитъ то чего боится, Бога

---

* Старостию въ старину не презирали Русскіе. Напротивъ того: по достиженіи тридцати лѣтъ, крестьяне и крестьянки спѣшили выдавать себя за стариковъ и за старухъ чтобы скорѣе пользоваться правами на уваженіе молодыхъ. Названія: дядя, тетка, говоря съ пожилыми людьми, хотя посторонними, всегда произносились съ уваженіемъ; старичокъ и старушка еще болѣе.

и тѣхъ, кои отъ него надъ нимъ поставлены. Иные писатели Запада называютъ это закоренѣлымъ рабствомъ; только, воля ихъ, не всѣхъ же увѣрять онѣ, что долгъ въ соединеніи съ чувствомъ достоинъ презрѣнія. Тамъ гдѣ люди повинуются по необходимости, изъ одного страха, тамъ они жалки и до нѣкоторой степени гадки; но примѣшайся къ тому любовь, и все облагорожено. Горе роду человѣческому, когда предметами всеобщаго посмѣванія, а не восторга его, какъ было донинѣ, сдѣлаются любовники, тысячу разъ готовые жертвовать жизнію для обожаемой женщины, вѣрныя долгу супруги, втайнѣ оплакивающіе неблагодарность и непостоянство мужей и не думающіе мстить имъ, покорные съ нѣжностію дѣти къ строгимъ, даже несправедливымъ родителямъ; горе намъ, когда въ цѣломъ свѣтѣ терпѣніе и кротость будутъ почитаться признаками низкой души, а всякое возмущеніе благородствомъ ея; тогда міръ нашъ сдѣлается настоящимъ адомъ.

Погода все не мѣнялась. Ясное небо, болѣе свѣжій чѣмъ холодный воздухъ мало-по-малу успокаивали меня, проливали свѣтъ надежды въ мракомъ исполненную душу мою: чистоту и неподвижность атмосферы принималъ я какъ предзнаменованіе безмятежной жизни, которая ожидала меня среди сельской тишины. Увы! никогда не долженъ былъ я наслаждаться ею. По заведенному обычаю, въ Москвѣ остановился я на нѣсколько дней. Въ этомъ городѣ, гдѣ провелъ я нѣсколько лѣтъ моего отрочества, число знакомыхъ моихъ съ каждымъ новымъ посѣщеніемъ примѣтно убавлялось: въ этотъ пріѣздъ совершенно не помню, съ кѣмъ я видѣлся и что я дѣлалъ.

Напрасно останавливался я въ Москвѣ въ такое время года, когда однихъ сутокъ достаточно чтобы испортить всю дорогу. До Мурома доѣхалъ я благополучно; за Окой начались дожди, но по крайней мѣрѣ ѣхалъ я зимнимъ путемъ; отъ Арзамаса же почти все долженъ былъ тащиться по голой землѣ и счастливъ бывалъ, когда выдадутся сотни двѣ сажень грязнаго льду. Въ гористой Пензенской губерніи каждый оврагъ превратился въ рѣчку, черезъ которую въ кибиткѣ на полозьяхъ долженъ былъ я почти переплывать. Кое-какъ однакоже 20 марта пріѣхалъ я въ Пензу.

Отецъ мой, для двухъ или трехмѣсячнаго зимняго пребы-

ванія въ Пензѣ, купилъ на Лѣкарской улицѣ * домъ, небольшой, но весьма помѣстительный. Однакоже какъ насъ собралось много, исключая родителей моихъ и двухъ незамужнихъ сестеръ, жилъ еще зять мой Алексѣевъ съ женою, съ двумя сыновьями и учителемъ, то намъ становилось немного тѣсненько. Но, какъ говорить пословица, въ тѣснотѣ люди живутъ, лишь не въ обидѣ, а мы никто другъ друга не думали обижать.

Къ удовольствію моему, новый губернаторъ царствовалъ тирански, деспотически. Онъ дѣйствовалъ какъ человѣкъ, который убѣжденъ, что лихоимство есть неотъемлемое, священное право всѣхъ тѣхъ, кои облечены какою-либо властію, и говорилъ о томъ непринужденно, откровенно. Мнѣ, признаюсь, это нравилось; истинное убѣжденіе во всякомъ человѣкѣ готовъ я уважать. Иногда, въ присутствіи пензенскихъ жителей позволялъ онъ себѣ смѣяться надъ недостаткомъ ихъ въ щедрости: „Хороша здѣсь ярмарка, говорилъ онъ имъ съ досадною насмѣшкой: Бердичевская въ Волынской губерніи даетъ тридцать тысячъ рублей серебромъ губернатору; а мнѣ здѣсь купчишки поднесли три пуда сахару; вотъ я же ихъ!“

Мои родители между тѣмъ жили спокойно въ селѣ своемъ Симбухинѣ, въ 13 верстахъ отъ Пензы. Первое посѣщеніе зятя, который привезъ съ собою свѣжія лавры, человѣка военнаго, веселонравнаго, который зимой умеръ бы со скуки въ деревнѣ, изъ нея вызвало ихъ. Этотъ переездъ былъ весьма непріятенъ губернатору, который ни старшихъ, ни равныхъ себѣ не любилъ видѣть въ своей столицѣ. Однакоже какъ умѣлъ, съ обоими обошелся хотя сухо, но учтиво, и сталъ изрѣдка посѣщать домъ нашъ. Только вотъ

---

* Не ранѣе какъ въ царствованіе Екатерины II, пріѣхалъ въ Пензу первый лѣкаръ Петерсонъ, онъ же и аптекаръ. Онъ поразбогатѣлъ, выстроилъ домъ и каждой изъ трехъ дочерей своихъ, которыхъ выдавалъ за вновь поселявшихся тамъ по временамъ медиковъ, построилъ въ приданое по дому на той же улицѣ, которая отъ нихъ и получила названіе Лѣкарской. Петерсонъ какъ скипетръ держалъ ескулаповъ жезлъ и размножившееся его семейство располагало жизнью и здоровьемъ обывателей. Имъ прописывались лѣкарства и у него же они приготовлялись: какая убійственная монополія!

обѣда, всѣ тѣ, кои, безъ явнаго неудовольствія, держали себя хладнопочтительно въ сношеніяхъ своихъ съ отцомъ моимъ, сдѣлались вдругъ къ нему откровенно нѣжными; тѣ же, кои не умѣли скрывать вражды своей, употребляли всѣ средства, чтобы съ нимъ сблизиться, и не смѣя подступить къ нему, обращались къ членамъ его семейства съ изъявленіями покорности своей и раскаянія: какъ было не простить кающихся грѣшниковъ? Въ губернскихъ городахъ есть обычай, существующій и понынѣ, по воскресеньямъ безъ приглашенія собираться на вечеръ къ женатымъ губернаторамъ: лишь только отецъ мой переѣхалъ въ городъ, когда приходили воскресные вечера, въ небольшомъ домѣ его не было почти возможности поворотиться, становилось тѣсно, душно, тогда какъ губернаторъ сидѣлъ дома одинъ съ своимъ семействомъ: это, какъ говорили провинціалы, дѣлалось въ пику губернатору. Ему бы на то не обращать никакого вниманія, а онъ сталъ яриться, бушевать, всѣхъ упрекать въ измѣнѣ. Извиняясь невозможностію раздѣлить себя на два вечера, затѣйливые Пензяки выдумали важную штуку, собравшись міромъ, нахлынуть къ нему въ субботу, въ день шабаша. Эта дурная шутка пуще прогнѣвала его и въ слѣдующую субботу онъ никого не велѣлъ къ себѣ пускать.

Отецъ мой не искалъ ни дружбы, ни ссоры съ губернаторомъ; послѣдней же однако избѣжать не могъ. Господинъ М., котораго читатель помнитъ, а можетъ-быть и не помнитъ, все равно, имѣлъ столь мало такту, что сдѣлавъ обѣдъ въ честь пріѣзжаго генерала Алексѣева, позвалъ на него какъ новаго такъ и стараго губернатора. Тестю не могло быть непріятно предпочтеніе сдѣланное въ этомъ случаѣ зятю его, который былъ, какъ говорятъ Французы, героемъ праздника: губернаторъ же сильно вознегодовалъ. Къ концу обѣда, вѣроятно разгоряченный виномъ, сталъ онъ съ грубостями придираться къ хозяйкамъ и къ посѣтителю, человѣку, не весьма терпѣливому. Тотъ сначала отмалчивался, наконецъ вышелъ изъ себя, не прибѣгая ни къ какимъ обинякамъ, ни къ какимъ колкостямъ, просто разругалъ его и чѣмъ-то погрозилъ. Эта угроза имѣла полезное дѣйствіе, ибо въ мигъ охладила запальчивость начальника губерніи: а между тѣмъ хозяйка была вся въ слезахъ, съ другими дамами, тутъ находившимися, сдѣлалась дурнота. Сіе происшествіе, весьма мало важное, довольно смѣшное, было однако же

какъ бы сигналомъ всеобщаго возмущенія ; всѣ взяли сторону болѣе обидѣвшаго чѣмъ обиженнаго гостя. Ободряя другъ друга, съ каждымъ днемъ Пензенцы дѣлались болѣе дерзки, съ каждымъ днемъ союзъ противъ губернатора становился плотнѣе. Все это казалось прискорбно отцу моему, и онъ нетерпѣливо ожидалъ весны, чтобы скорѣе воротиться въ деревню.

Это произошло до пріѣзда моего. Какъ человѣкъ служащій, долгомъ я считалъ явиться къ губернатору и онъ обошелся со мною иначе какъ съ другими. Онъ принадлежалъ къ новому поколѣнію губернаторовъ воспитанныхъ во страхѣ министровъ, и въ глазахъ которыхъ всякій мелкій чиновникъ министерства имѣеть нѣкоторую важность. Учивость свою со мною простеръ онъ до того, что посѣтилъ меня въ банѣ, въ которой жилъ я за неимѣніемъ другаго мѣста.

Въ числѣ тѣхъ, кои пожелали вновь сойтись съ отцомъ моимъ, было и семейство предѣстника его С — на, съ тѣхъ поръ какъ говорилъ я объ немъ, уменьшившееся и умножившееся. Почтенный старикъ, Иванъ Алексѣевичъ, отошелъ въ вѣчность: романъ дочери его съ братомъ моимъ не могъ вѣчно длиться; отъ безпрестанной разлуки должна была погаснуть любовь, которая менѣе была въ сердцѣ, чѣмъ въ головѣ. Тщеславная бабка Леонтьева, опасаясь чтобы зрѣлая, хотя достаточная внучка не засидѣлась въ дѣвкахъ, нашла средство выписать для нея славнаго жениха. Человѣкъ лѣтъ сорока пяти; совсѣмъ безъ состоянія, армейскій генераль-майоръ П., на дорогѣ къ брату, роскошному губернатору сосѣдней губерніи, долженъ былъ мимоходомъ осмотрѣть невѣсту. Первое привѣтствіе его было, „вы совсѣмъ не такъ дурны, какъ мнѣ васъ описывали“. Послѣ того можно судить о любезности его; но онъ былъ крѣпокъ и плечистъ, у него были генеральскіе штыки и эполеты и нѣсколько крестовъ въ петлицѣ и на шеѣ, и всѣ романическія мечты должны были уступить столь надежной сущности. Еще разъ не служить ли это доказательствомъ сколь силенъ былъ тогда въ Россіи предрасудокъ чина и какъ легко было позолотить его выгоднымъ супружествомъ. Къ другимъ горестямъ бѣднаго брата моего, находившагося тогда въ Финляндіи, умѣющаго искренно и постоянно любить, присоединилось еще извѣстіе о семь бракъ. Болѣе года прошло послѣ того, и госпожа

Леонтьева прїѣзжала при мнѣ къ матери моей объявить о рожденіи двухъ правнуковъ-близнецовъ, какъ бы о новомъ торжествѣ своемъ.

Великихъ усилій стоило мнѣ съ матерью и сестрами убѣдить родителя моего въ томъ, что служба сдѣлалась для меня невозможною. Лишившись одного сына, онъ недавно самъ ее оставилъ; получено было извѣстіе, что и другой сынъ его, отъ благорасположенія лично знакомаго ему новаго военнаго министра Барклая-де-Толли, ничего не требовалъ, кромѣ отставки, и получилъ ее; наконецъ посаднїй сынъ желалъ того же. По понятіямъ тогдашняго времени прискорбна была ему мысль, что нигдѣ въ служебныхъ спискахъ и имени его уже не встрѣтится. Успѣвъ поколебать его твердость и почти увѣренъ будучи въ его согласіи, я не спѣшилъ съ отправленіемъ просьбы.

Въ концѣ апрѣля переѣхали мы въ деревню. Я устроилъ себѣ уютный уголокъ, который старался украсить какъ можно болѣе цвѣтами; мысленно дѣлилъ уже я время на часы, посвященные чтенію, прогулкѣ, сельскимъ занятіямъ, семейнымъ обязанностямъ, отдохновенію, изъ будущей жизни своей сочинилъ я настоящую идиллію. Отъ брата моего, вышедшаго въ отставку и остановившагося въ Петербургѣ для сдачи отчетовъ, получили родители мои письмо; это было 13 мая, ужасное число, которое осталось мнѣ памятно. Симвъ письмомъ увѣдомлялъ онъ, что министръ финансовъ приказалъ чиновниковъ, числящихся по его министерству и не занимающихъ штатныхъ мѣстъ, прикомандировать къ ассигнаціонному банку; тѣхъ же изъ нихъ, кои находятся въ отпуску и не явятся къ сроку, велѣлъ исключить изъ службы. Въ-стѣ съ тѣмъ, заботливый братъ мой писалъ что по сему случаю видѣлся онъ съ Никитою Ивановичемъ Пещуровымъ, управляющимъ банкомъ, старымъ знакомымъ моихъ родителей, также и читателя моего, если у него память хороша, и что г. Пещуровъ обѣщается сдѣлать служеніе мое съ нимъ какъ можно прїятнѣе, доставить мнѣ занятіе соответствующее моему чину и даже по оному выпросить мнѣ жалованье. Послѣ того можно себѣ представить что родитель объ отставкѣ моей болѣе ничего слышать не хотѣлъ и что я къ поддержанію справедливости моихъ желаній ничего болѣе сказать не могъ. Сборы не могли быть велики для человека, который отправлялся на перекладныхъ. Первый разъ

еще думалъ я о Петербургѣ съ отвращеніемъ и ужасомъ и о Пензѣ съ сожалѣніемъ: какой-то тайный голосъ увѣрялъ меня, что надежды уже не мои, а отца моего, и на этотъ разъ еще не сбудутся. Какъ бы то ни было, дня черезъ три-четыре по полученіи письма отъ брата моего, опрометью по-скакалъ я въ Петербургъ, куда 24 мая и пріѣхалъ.

IX.

Брата, у котораго присталъ я на квартирѣ, вмѣсто ожидаемой имъ благодарности, встрѣтилъ я грустными упреками. И дѣйствительно, какой родъ службы доставался мнѣ на часть въ цвѣтущіе годы моей жизни!

Государственный ассигнаціонный банкъ есть одно изъ благодѣтельныхъ учрежденій Екатерины. Печатные царскіе векселя не превышаютъ цѣну государственныхъ имуществъ, ихъ даже нельзя почитать государственнымъ долгомъ. Тамъ, гдѣ по примѣру европейскихъ городовъ, исключая столицъ, нѣтъ нигдѣ банкировъ, тамъ они одни облегчаютъ торговые обороты: польза ихъ какъ для правительства такъ и для частныхъ лицъ столь очевидна, что распространяться объ ней не нужно. Дальновидный и смѣлый Сперанскій, для прикрытія безпрестанно умножающихся издержекъ, ничего лучше не выдумалъ, какъ чрезвычайно великій ихъ выпускъ. Для того, Гурьевъ нагналъ въ этотъ банкъ всѣхъ безъ занятій находящихся чиновниковъ своего министерства и подписаніемъ ассигнацій занялъ ихъ праздныя руки.

Первые вельможи почитали за честь быть президентами банковъ; старшіе члены присутствія назывались совѣтниками, младшіе директорами; первые состояли въ пятомъ классѣ, послѣдніе въ шестомъ. Сперанскій не успѣлъ еще коснуться сего состава; однакоже подчиненность президента министру финансовъ заставила управление банка перейти изъ рукъ вельможескихъ въ руки великаго почитателя ихъ Пещурова. Горько было мнѣ идти къ нему являться; дѣлать было нечего. Къ счастью, нашелъ я его уже причесаннымъ и напудреннымъ,* и не принужденъ былъ присут-

---

* См. первую часть сихъ записокъ, главу XV.

ствовать при его туалетах. Маленькая тѣнь важности была наведена на свѣтъ его привѣтливаго взора и улыбки. Онъ объявилъ мнѣ, что еще до прїѣзда моего распорядился онъ такимъ образомъ, дабы я могъ занять мѣсто сверхштатнаго директора и что въ случаѣ умноженія штата или открытія вакансіи, надѣется онъ доставить мнѣ и слѣдующее по оному жалованье, всего 1.200 рублей ассигнаціями. Важность моего новаго мѣста состояла въ томъ, что я долженъ былъ подписывать ассигнацію выше кассира, хотя немного ниже совѣтника.

Я пошелъ въ то прекрасное зданіе на Садовой улицѣ, лучшей памятникъ архитектуры, коимъ Петербургъ обязанъ Гваренги, котораго наружность такъ прельщаетъ взоры, а внутренность вмѣщаетъ такъ много ничтожества и скуки. Я сказался; какой-то присяжный поднесъ мнѣ пукъ новенькихъ печатныхъ бумажекъ, стиснутыхъ въ плоскіе щипцы; и я пустился ихъ подписывать. Когда рука моя уставала, я озирался и въ обширной залѣ, гдѣ насъ сидѣло десятка три подпизчиковъ, старался разглядѣть моихъ сотрудниковъ: что за неподвижность въ чертахъ! что за бессмысліе во взорахъ! Каноникатствъ, синскюръ съ хорошимъ содержаніемъ тогда не было такъ много; людямъ неспособнымъ или лѣнивымъ тогда не было такого житья какъ нынѣ. Тѣ, коимъ сильныя особы хотѣли благотворить, но которыхъ пугало все говолюмое, какъ говорили они, должны были, по крайней мѣрѣ, не даромъ ѣсть доставленный имъ насущный хлѣбъ и принимались за руководіе, на которое безъ всякой платы былъ я осужденъ. Если симъ людямъ, скупая къ нимъ природа изъ милости и пожаловала немного способности мыслить, сколько-нибудь воображенія, то оно должно было въ нихъ погаснуть, когда ежедневно на нѣсколько часовъ превращались они въ машины, и привыкая къ сему состоянію, могли оставаться имъ довольны.

Обыкновенно, когда бывало пробѣетъ два часа, всѣ автоматы сіи начнутъ медленно подыматься одинъ за другимъ и мѣняться нѣсколькими словами. Всегда почти одинъ разговоръ, одни вопросы и отвѣты: сколько удалось кому подписать бумажекъ? Тотъ, который быстротою пальцевъ успѣлъ перецеголять другихъ, скромно объявлялъ о томъ, другіе слегка ему дивились. Былъ, помнится, одинъ жирный Нѣмецъ, баронъ Дольстъ, который въ этомъ искусствѣ всѣхъ

превосходилъ, и каждый день тысячами считалъ подписки своего имени. Несмотря на то, не думаю, чтобъ оно дошло до потомства, и на всякій случай, въ этой сомнительной надеждѣ, помѣщаю его здѣсь.

Еслибъ тогда мнѣ дали жалованье по мѣсту, то съ отчаянія можетъ-быть рѣшился бы я вѣкъ оставаться автоматомъ; къ счастью сего не случилось. Прошло лѣто, июль, июль мѣсяцы, даже болѣе половины августа, и мнѣ приходилось не въ мочь. Прогуливаясь разъ по Невскому проспекту, встрѣтилъ я давнишняго знакомаго своего О—нина, котораго нѣсколько времени не видалъ; со стыда и досады я старался никому не показываться. Онъ ласково остановилъ меня за обѣ руки, пристально посмотрѣлъ мнѣ въ глаза, и видя что я не спѣшу начать съ нимъ разговоръ, спросилъ отчего я такъ улыль? Въ двухъ словахъ объяснилъ я ему положеніе мое. Онъ пригласилъ меня къ себѣ, чтобы наединѣ по обстоятельнѣе поговорить о средствахъ изъ него выйдти.

Онъ былъ величайшій эгоистъ, грѣха таить нечего; но въ кадкѣ его себялюбія, конечно, вмѣщалась, по крайней мѣрѣ, ложка необыкновеннаго добродушія. Онъ навѣрно употребилъ бы всѣ средства, чтобы выдавить, если можно, раздавить человѣка, стоящаго поперекъ его дороги; онъ не сталъ бы много беспокоиться, чтобы сдѣлать добро кому бы то ни было; если же, однако, представлялся случай безъ всякаго труда одолжить хорошаго знакомаго, онъ принимался за то съ радостію, съ сердечнымъ удовольствіемъ. Онъ только-что недавно оставилъ военную службу, но продолжая пользоваться величайшею милостію цесаревича Константина Павловича, при коемъ дотолѣ былъ адъютантомъ, и даже жительствомъ въ принадлежащемъ его высочеству Мраморномъ дворцѣ, ему не трудно было у Гурьева, изъ полковниковъ гвардіи съ чиномъ статскаго совѣтника, получить мѣсто с.-петербургскаго вице-губернатора. Это поставило его въ частыя сношенія со всѣми матадорами министерства финансовъ, коихъ онъ мягкостію характера, пріятностію формъ умѣлъ привлечь къ себѣ. Надобно прибавить, что онъ женился на любимой дочери полководца Михаила Ларіоновича Кутузова и тѣмъ умножилъ связи свои съ большимъ свѣтомъ: помощь такого человѣка, конечно, могла мнѣ быть полезна. Онъ надеялся, что ничего для меня не можетъ быть лучше, какъ возвратиться къ прежнему намѣренію и занимать въ канцеля-

ріи министра по кредитной части, если не первое мѣсто, какъ я прежде надѣялся, то, по крайней мѣрѣ, приготовиться къ занятію его современемъ. Озеровъ оставилъ его; преемникомъ его сдѣлался Рибопьеръ, родственникъ жены О—нина, и онъ предложилъ мнѣ дружественно рекомендательное къ нему письмо. . . . .

Отецъ Рибопьера, въ чинѣ бригадира, начальствуя какимъ-то пѣхотнымъ полкомъ, былъ убитъ при штурмѣ Измаила. Послѣ него остался одинъ малолѣтній сынъ, Александръ, о которомъ идетъ рѣчь.

Необыкновенная красота мальчика, геройская смерть отца и великіе подвиги дѣда (Александра Ильича Бибикова, дочь котораго была за Рибопьеремъ) побудили, строгую иногда по необходимости, но всегда чувствительную и добрую Екатерину взять отрока подъ особое свое покровительство она сдѣлала его офицеромъ конной гвардіи, часто призывала къ себѣ и любовалась имъ. Въ восемнадцать лѣтъ, когда Павелъ пожаловалъ его камергеромъ, на плечахъ у него такая была головка, за которую всякая, даже довольно пригожая, дѣвица готова была бы помѣняться своею. . . . .

Мнѣ случалось иногда видѣть его довольно важно танцующаго на балахъ съ какимъ-то тихимъ самодовольствіемъ; также случалось мнѣ встрѣчать его у князя Феодора Сергѣевича Голицына, въ которомъ видѣлъ онъ своего Пилада, тогда какъ тотъ почиталъ себя его Орестомъ. Можетъ-быть, для твердости дружественныхъ узъ дѣйствительно необходима противоположность характеровъ: сколько въ Голицынѣ было веселости, любезности, общительности, столько въ Рибопьерѣ было неподвижности, расчетливости, учливой надменности. . . . .

Указъ Сперанскаго о камергерствѣ заставилъ его искать мѣста.

Первое мѣсто, сдѣлавшееся вакантнымъ въ министерствѣ Гурьева, получилъ Рибопьеръ, который, принимая его, согласился попытаться, въ надеждѣ скоро далѣе прыгнуть.

У начальника отдѣленія, Рибопьера, нашелъ я весь порядокъ, заведенный у министровъ: курьера, прихожую, ожидающихъ въ ней (впрочемъ, кажется, только одного) докладчика и выходъ. „Мнѣ кажется я васъ знаю, сказалъ онъ, я

гдѣ-то васъ видѣлъ.“ „Можетъ-быть, не помню,“ отвѣчалъ я съ видомъ смиреннымъ и гордымъ вмѣстѣ. Онъ спросилъ меня о чинѣ и узнавъ воскликнулъ: „возможно ли, въ такіа лѣта?“ Ему еще не было тридцати, болѣе десяти былъ онъ превосходительнымъ, и онъ дивился. Впрочемъ объявилъ онъ мнѣ, что желаніе мое будетъ немедленно исполнено.

Въ третьемъ отдѣленіи канцеляріи, коимъ онъ управлялъ въ этомъ году, число дѣлъ весьма умножилось. Завязалась не весьма обширная и не весьма мудреная переписка съ иностранными банкирами, особенно съ домомъ Гонпе и компаніей; а какъ никто изъ служащихъ въ отдѣленіи не зналъ довольно правильно французскаго языка, чтобы сочинить на немъ бумагу или даже безъ ошибокъ переписать ее, то въ этомъ случаѣ я пригодился. Составленіемъ этихъ важныхъ бумагъ по-французски занимался самъ Рибоьеръ; когда ему не хотѣлось или было некогда, что случалось довольно рѣдко, то мнѣ поручалъ онъ ихъ. Раза два-три ежедневно ходилъ я въ канцелярію; все это было веселѣе чѣмъ банкъ, но какъ тамъ такъ и тутъ ничего я не видѣлъ впереди. Было довольно безъ меня практикантовъ народа чернорабочаго и тѣмъ болѣе нужнаго; нѣкто Никандръ Самойловичъ Рубцовъ, родъ вице-начальника отдѣленія старѣе меня чиномъ и гораздо старѣе лѣтами, да еще нѣсколько братьевъ Ламанскихъ, которые родились, выросли сперва въ столѣ, потомъ отдѣленіи по этой части и состарѣлись въ немъ.

Надоѣлъ я самому себѣ, а кольми паче читателю безпрестанными повтореніями о горестяхъ и неудачахъ своихъ. Для того устраниая себя вовсе отъ разказа сего, примусь говорить о томъ что въ этомъ году болѣе интересовало публику, о военныхъ происшествіяхъ новой кампаніи противъ Турокъ и о великихъ перемѣнахъ по гражданской части.

Бури, свирѣпствовавшія по Дунаю, не ранѣе половины мая дозволили Каменскому переправиться черезъ него. Кампанія открылась самымъ блестящимъ образомъ: войска, подъ начальствомъ старшаго брата главнокомандующаго, графа Сергія Михайловича, не самъ онъ говорятъ, 24 мая среди бѣлаго дня взяли приступомъ укрѣпленный городъ Базарджикъ. Черезъ нѣсколько дней спустя, 30 мая, сдалась важная крѣпость Силистрія. Послѣ того армія безпрепятственно пустилась въ походъ къ Балкану. Къ несчастію, наткнулась она

на Шумлу, дѣвственную твердыню, вѣчный камень преткновенія для нашихъ войскъ: много потерялъ времени графъ Каменскій на осажденіе этого мѣста, болѣе природой чѣмъ искусствомъ укрѣпленнаго, въ которомъ самъ визирь засѣлъ со всѣми своими вооруженными Турками. Частыя стычки, въ которыхъ Русскіе всегда имѣли верхъ, ничего не доказывали и ни къ чему не вели. Нетерпѣливый Каменскій, среди принужденнаго бездѣйствія изнывая отъ досады, пожелалъ хотя на другомъ пунктѣ нанести непріятелю какой нибудь новый, рѣшительный ударъ. Для того по новому направленію пошелъ онъ обратно къ Дунаю, и 22 іюля, въ день именинъ вдовствующей императрицы, далъ онъ несчастно памятный штурмъ неприступной крѣпости Руцуку.

Отраженіе непріятельское было совершенно пораженіемъ нашей арміи. О горе! о стыдъ! о дѣло неслыханное! Русскіе побитые на голову Турками! Очевидцы разказывали что Каменскій, увидя совершенную неудачу свою и съ отчаянья забывъ весь страхъ, жаждалъ смерти и становился въ самыя опасныя мѣста, куда изъ крѣпости долетали непріятельскія ядра. Полагаясь на умъ, на дружбу и усердіе Блудова, съ печальнымъ извѣстіемъ отправилъ онъ его Петербургъ. Онъ надѣялся, что онъ искусно будетъ умѣть ослабить впечатлѣніе, которое оно должно тамъ было произвести; это было трудно, это было невозможно. Напрасно лишилъ онъ себя Блудова; изъ числа людей его окружавшихъ такъ мало осталось вѣрныхъ его несчастію. Какъ войско, такъ и народъ въ Россіи чрезъ мѣру любитъ побѣдителей, все готовы прощать имъ, все готовы переносить отъ нихъ; и всегда забываютъ прежнія заслуги побѣжденныхъ.

Всю жизнь прослуживши въ арміи, Каменскій не былъ знакомъ съ тонкостями выраженій, употребляемыми въ столицѣ, которые смягчаютъ выговоръ, которые слѣдную покорность военныхъ людей дѣлаютъ имъ сносною. Привыкнувъ самъ безропотно повиноваться начальству, онъ въ свою очередь требовалъ строгаго исполненія своихъ приказаній. Любезенъ, привѣтливъ въ обществѣ, даже съ простыми офицерами, онъ все забывалъ, когда дѣло доходило до службы, особливо во время войны. Съ усиленіемъ его тѣлесныхъ страданій, умножилась и неровность его характера: и тѣ коимъ за нѣсколько часовъ нѣжно и грустно онъ улыбался, нѣсколько встрѣчали его съ угрозою и бранью на устахъ. Нѣсколь-

ко придворныхъ генераловъ, множество штабъ и офицеровъ гвардейскихъ, прискакали въ молдавскую армию за вѣрными успѣхами и наградами. Они болѣе затрудняли, обременяли его чѣмъ были ему въ помощь; онъ не умѣлъ довольно скрывать того и не хотѣлъ давать имъ явнаго предпочтенія передъ другими заслуженными воинами. Среди ихъ родились неудовольствія на него, возросли, умножились и еще прежде Руцукъ окруженъ онъ былъ интригами, въ коихъ не послѣднее участіе принималъ Французъ, Ансельмъ де Ж., котораго имѣлъ онъ слабость взять съ собою. Послѣ же этого несчастнаго дѣла, всѣ тайно противъ него возстали, и самый старшій братъ его, Сергѣй Михайловичъ, публично за обѣдомъ пилъ за здоровье Бошнякъ Аги, начальника Руцукъ, побѣдителя брата своего, какъ онъ его называлъ. Въ Петербургѣ чѣмъ болѣе возлагали на него надеждъ, тѣмъ менѣе прощали ему неисполненіе ихъ. Отцы семействъ, въ семь кровопролитіи лишившіеся сыновей, кляли его за эту потерю, какъ будто онъ былъ обязанъ беречь дѣтей ихъ. Однимъ словомъ, руцукская пушка убила вдругъ его счастье, его славу, общую къ нему любовь.

Однакоже, отдохнувъ нѣсколько времени, съ остатками войскъ пошелъ онъ противъ собравшейся новой, сильной, ободренной турецкой армии, и 26 августа, многократными событіями памятный для Россіи день, разбилъ ее въ прахъ при селеніи Бативъ. Вслѣдствіе сей побѣды пали послѣднія турецкія крѣпости на Дунавъ—Журжа и этотъ ужасный Руцукъ. Уже былъ сентябрь, ничего новаго предпринять было невозможно, и кампанія кончилась не совсѣмъ неудачно.

Что происходило въ Петербургѣ, стоило Руцукскаго дѣла. Въ продолженіе цѣлаго лѣта все государственное зданіе трещало и ломилось подъ всеокрушительною и всезидительною десницею Сперанскаго. Спокойно-величаво стоявшія дотолѣ коллегіи падали одна за другою и изъ развалинъ ихъ скромно поднимались департаменты. Уже названіе сіе перестало быть присвоено цѣлому министерскому управленію, а только частямъ его, которыя наслѣдовали покойнымъ коллегіямъ. Наименованіе управляющихъ экспедиціями исчезло и замѣнилось названіемъ директоровъ. Иерархія мѣсть и лицъ сдѣлалась весьма не длинна и не сложна: министерства дѣлились на департаменты, департаменты на отдѣленія, отдѣленія на столы, коими управляли министры, директора,

начальники отдѣленій и столоначальники, точно такъ какъ во Франціи, новаго тутъ ничего не было придумано. Не все однакоже что на взглядъ просто, бываетъ удобно и легко. Всѣ другія мѣста, нынѣ въ министерствахъ существующія, суть вставки сдѣланныя позже.

Названіе директора банка, которое временно и даже минутно носилъ я, не могло сдѣлать много вреда званію директора департамента: великая разница между ими была слишкомъ очевидна, и никто не сталъ бы смѣшивать перваго консула французской республики съ нашимъ консуломъ въ Марсели. Но Сперанскій умѣлъ уловить титулъ директора, при самомъ его созданіи, распространивъ его на правителей канцелярій министровъ. Это приучило сихъ послѣднихъ видѣть во всѣхъ директорахъ, простыхъ, обыкновенныхъ, хотя болѣе чиновныхъ секретарей. А эти люди въ новомъ государственномъ порядкѣ должны были представлять президентовъ коллегій, изъ коихъ нѣкоторые еще недавно украшались Андреевскою лентой. Я помню изумленіе одного провинціала недавно изъ губерніи пріѣхавшаго и давно не бывшаго въ столицѣ, который ожидалъ министра въ его приемной; тутъ молчаливо сидѣлъ въ углу человекъ съ портфелемъ и съ Аннинской звѣздой, директоръ департамента, Политковскій; вдругъ позвали его громко къ владыкѣ, онъ съ трепетомъ вскочилъ и съ быстротою кинулся къ нему въ кабинетъ: мой провинціалъ не хотѣлъ вѣрить глазамъ своимъ; „какъ, забывшись воскликнулъ онъ, у министровъ и секретари нынче въ лентахъ!“

Министры съ познаніями, съ образованіемъ понимаютъ всю важность званія начальника департамента, и видятъ въ нихъ своихъ товарищей, главныхъ своихъ сотрудниковъ. Но всѣ ли таковы? Случайно достигнувъ власти, иной не думаетъ о пользѣ, для которой она ему дана, а спѣшитъ показать ее надъ подчиненными; ближайшими, первыми жертвами его кто? директора департаментовъ. Я не стану описывать ихъ мученій при объясненіи дѣлъ министру не свѣдущему, безтолковому, и между тѣмъ самонадѣянному, а буду только говорить о формѣ взаимныхъ ихъ сношеній. Во всякое время дня и ночи, министръ имѣетъ право призвать директора и заставить его заниматься: если первый любитъ точность, то промедленіе въ явкѣ послѣдняго можетъ навлечь ему жесточайшій выговоръ, хотя бы разница была въ нѣ-

сколькихъ минутахъ и происходила отъ невѣрности часовъ. Когда же напротивъ министръ распоряжается своимъ временемъ не съ великою точностію, то еще хуже для директора. Прибывъ по волѣ его въ назначенное имъ время, по нѣскольку часовъ, иногда голодный и изнуренный, принужденъ бываетъ онъ дожидаться, пока начальникъ его принимаетъ или дѣлаетъ посѣщенія, или забывъ о немъ, или занимается другимъ дѣломъ; хорошо еще когда учтивость заставитъ его слегка предъ нимъ извиниться. Были министры, которые директорамъ своимъ говорили „гей ты, какъ бишь тебя!“ Я не говорю, чтобъ это всегда было, но иногда бывало, и всегда безпрепятственно можетъ быть. Скажутъ, зачѣмъ же они это терпятъ? И не виноваты ли они сами, когда не умѣютъ болѣе внушить къ себѣ уваженія? Въ сношеніяхъ такого рода мнѣ кажется все болѣе относится къ должности чѣмъ къ лицу: еслибъ мусью Викторъ Гюго принужденъ былъ сдѣлаться моимъ камердинеромъ, и я не имѣлъ бы другаго слуги, я не знаю почему не могъ бы я сказать ему: „братецъ, сними съ меня сапоги“, можетъ-быть изъ уваженія къ его таланту прибавивъ: „пожалуста“. А тотъ кто не знаетъ по-французски и не любитъ стиховъ?

.....
Надобно посмотрѣть какъ и нѣкоторые директора неудовольствія свои вымещаютъ на подчиненныхъ! какъ съ ними вознаграждаютъ они себя за претерпѣваемые униженія! Въ свою очередь, у себя дома или въ департаментъ, какъ мастерски перенимаютъ они роль у министровъ! .....

Ни къ одному изъ министерствъ не было отмежевано столько департаментовъ, какъ къ министерству финансовъ. Такъ какъ я служилъ въ немъ, то позволю себѣ здѣсь ихъ изочестъ. 1) Департаментъ внѣшней торговли, бывшая коммерцъ-коллегія, до того министерство; 2) департаментъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ, бывшая бергъ-коллегія, съ соляною частию у министерства внутреннихъ дѣлъ отнятою; 3) департаментъ податей и сборовъ, въ который поступили дѣла бывшей камеръ-коллегіи; 4) департаментъ казначейства, часть, коею управлялъ дотолѣ государственный казначей, почти министръ и перешедшій въ званіе простаго директора; 5) вновь учрежденный департаментъ государственныхъ имуществъ, составленный изъ бывшаго лѣснаго департамента и частей по разнымъ другимъ вѣдомствамъ разсѣянныхъ, и наконецъ 6) кан-

целарія, которая обширностію своею могла равняться съ другими департаментами. Сверхъ того, три банка: заемный, ассигнаціонный и коммерческій. Двигателей сей огромной машины, въ составѣ которой, въ продолженіи болѣе тридцати лѣтъ, происходило мало измѣненій, если не считать Сперанскаго, было всего два человѣка.

Что касается до министерства внутреннихъ дѣлъ, которое Сперанскій любилъ, образовалъ, въ которомъ пять лѣтъ служилъ онъ управляющимъ экспедиціей государственнаго благоустройства (переименованной имъ въ департаментъ полиціи исполнительной), то оно какъ будто попало къ нему въ немилость. Онъ раскололъ его на двое, второй половиной давъ названіе министерства полиціи. Точно также было и у Наполеона, слѣдственно, и въ этомъ видно одно только подражаніе. Преобразователь Россіи забылъ или не хотѣлъ вспомнить, что въ положеніи двухъ императоровъ была великая разница. Двѣ трети подданныхъ Наполеона почитали его хищникомъ престола и всегда готовы были къ заговорамъ и возмущеніямъ: пока онъ сражался съ вѣнскими врагами своими, для удержанія внутреннихъ былъ ему необходимъ искусникъ Фуше. То ли было въ Россіи? . . . . .

Мы видѣли, какъ въ предыдущемъ 1809 году изъ экспедиціи водяныхъ коммуникацій скоро передѣлано было для принца Георгія Ольденбургскаго новое министерство, подъ именемъ главной дирекціи путей сообщенія. Въ этомъ году родилось еще три министерства: полиціи, о коемъ сейчасъ говорили, государственный контроль и главное управленіе духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій. Сперанскій разъ навсегда показалъ, сколь мало затруднительно и даже какъ удобно кроить и перешивать министерства и департаменты. Скольکو разъ потомъ видѣли мы, какъ послѣднихъ производилъ въ первые, а первымъ велѣли быть послѣдними. . . . .

Изъ прежняго министерства внутреннихъ дѣлъ оставили новому только два департамента, бывшую экспедицію государственнаго хозяйства, въ которой нѣкоторое время я занимался и изъ которой кое-что повибрали, чтобъ отдать министерству финансовъ, да еще почтовый департаментъ, недавно въ сіе министерство поступившій и называвшійся дотолѣ главнымъ почтовымъ правленіемъ. Чтобы сколько-нибудь скрыть худобу его, сочинили ему третій департаментъ, которому не умѣли сыскать другаго названія, какъ хозяй-

ственного, хотя былъ уже департаментъ государственнаго хозяйства, что сначала въ перепискѣ много спутывало губернаторовъ. Департаментъ сей долженъ былъ заниматься по дѣламъ приказовъ общественнаго призрѣнія и богоугодныхъ заведеній, отъ нихъ зависящихъ.

Не знаю, подъ какими предлогами князя Куракина дѣло это держали въ Парижѣ. Во время отсутствія его происходили всѣ большія перемѣны въ его министерствѣ, съ согласіемъ, говорятъ, съ участіемъ товарища его Козодавлева. . . . . По возвращеніи осенью, найдя министерство свое разсѣченнымъ, оборваннымъ, Куракинъ, несмотря на любовь свою къ власти и почестямъ, отказался отъ него, товарищъ его получилъ его мѣсто.

Козодавлевъ былъ добрейшій человекъ; не зналъ ни злобы, ни зависти; надо было видѣть его радость, когда узнавалъ онъ о чемъ-нибудь повышеніи, о чьихъ-либо успѣхахъ; когда же самому удавалось ему выпрашивать награды, спасти кого отъ бѣды, то онъ совершенно былъ счастливъ. . . . Онъ былъ литераторъ и членъ Россійской академіи. Ему нужно было щегольнуть словесностію въ министерствѣ своемъ: для того учредилъ онъ при немъ газету, подъ именемъ *Сѣверной Почты*, и самъ наблюдалъ за ея изданіемъ. Весьма мало заграничныхъ извѣстій помещалось въ сей газетѣ, все изъ опасенія, чтобы не провратъся, за то всѣ столбцы ея наполнялись статьями о свекловицѣ и кунжутѣ, и о средствахъ изъ сихъ растений выдѣлывать сахаръ и масло. Послѣ того начали появляться въ ней мериносы, шерсть и суконныя фабрики. * Запретительная система была тогда во всей своей силѣ и онъ старался доказывать, сколь выгодно произведенія иностранной промышленности замѣнять отечественными.

Министерство полиціи, составленное только изъ двухъ департаментовъ полиціи, исполнительной и медицинской, было чрезвычайно сильно небольшою прибавкой, въ немъ сдѣланною, какъ иногда въ письмѣ *post scriptum* изображаютъ всю

---

* Я было и забылъ сказать, что въ послѣдствіи увеличили его министерство присоединеніемъ къ нему мануфактуръ-коллегіи, названной департаментомъ мануфактуръ и внутренней торговли.

важность цѣли его. Сія прибавка названа особенною канцеляріей.

.....
Должность министра полиціи поручена была человѣку, который успѣлъ выказать способности свои въ званіи, сперва московскаго, потомъ петербургскаго оберъ-полицеймейстера. Природа дала все Александру Дмитриевичу Балашову, взаимѣвъ пріятности наружной, въ которой отказала ему; дала ему все что нужно для успѣховъ: хитрость Грека, смѣтливость и смѣлость Русскаго, терпѣніе и скромность Нѣмца. Въ ученомъ смыслѣ, какъ всѣ тогда въ Россіи, получилъ онъ тогда плохое образованіе; но по мѣрѣ возвышенія въ чинахъ и мѣстахъ, болѣе чувствовалъ онъ потребность въ познаніяхъ, кидался на нихъ съ жадностію и съ быстротою все пожиралъ.

Я его помню еще тогда, когда онъ служилъ въ Москвѣ и былъ болѣе товарищемъ чѣмъ начальникомъ зятя моего Алексѣева. Онъ жилъ съ нимъ весьма дружно и часто посѣщалъ его: видно правда, что оконечности охотно сходятся. У одного ни одной заповѣдной думы не оставалось на душѣ, все выходило на языкъ; другой совсѣмъ не молчаливый, однакоже бывало не выронить лишняго слова. Онъ ростомъ былъ малъ, только что не безобразенъ; а когда послушаешь его немного, то начнешь и смотреть на него съ удовольствіемъ. Никакого умничанья, умствованія, витійства онъ себѣ не позволялъ, ничего любезнаго, трогательнаго не было въ его разговорахъ, а все было просто, хорошо и умно. Свѣтлый зимній день имѣетъ также свои пріятности; рѣчи Балашова были столь же ясны какъ его разсудокъ и также холодны какъ душа его. ....

Доказательствомъ удивительной его ловкости служить то, что онъ успѣвалъ въ своихъ намѣреніяхъ, никогда не придерживаясь ни Сперанскаго, ни Аракчеева, послѣдній почиталъ его даже врагомъ своимъ и старался ему вредить. Въ началѣ 1809 года удалось ему изъ оберъ-полицеймейстеровъ, попасть прямо въ военные губернаторы столицы; съ симъ назначеніемъ вмѣстѣ произвели его генераль-лейтенантомъ и генераль-адъютантомъ. Съ опредѣленіемъ въ министры сохранилъ онъ и должность с.-петербургскаго военнаго губернатора.

По секретной части, въ такъ-называемой особой канцеляріи, однакоже дѣло не обошлось безъ Нѣмца. Правителемъ сей канцеляріи (еще пока не директоромъ) назначенъ

былъ надворный совѣтникъ Яковъ де-Сангленъ, вѣроятно потомокъ одной изъ тѣхъ французскихъ фамилій, которыя бѣжали въ Германію во время гоненій на реформатскую вѣру. Передъ тѣмъ, кажется, былъ онъ частнымъ приставомъ...

Государственный контроль было единственное изъятіе, сдѣланное изъ прежняго министерства финансовъ. Когда о сию пору губернской контроль остается только частію казенной палаты, то право не знаю, зачѣмъ бы общую ревизію счетовъ отдѣлять отъ министра, отъ котораго казенныя палаты зависятъ? Чтò могло побудить къ тому Сперанскаго? Развѣ желаніе доставить министерское мѣсто пріятелю своему, прежнему сослуживцу, Кампенгаузену. Части, составлявшія контроль, были столь малы, что Сперанскій посовѣстился дать имъ названіе департаментовъ, а оставилъ ихъ попрежнему экспедиціями. Само министерство, не получивъ наименованія сего, образовалось въ видѣ какой-то просто отдѣльной части: самъ Кампенгаузенъ принялъ титулъ не министра, а государственнаго контролера *.

Онъ съ великою пользою могъ бы занять и не столь пустую должность. Съ умомъ сухимъ, холоднымъ, но весьма обширнымъ, съ характеромъ твердымъ, соединялъ онъ старинную, прежнюю, пространную, добросовѣстную нѣмецкую

---

* Осенью 1810 года случился одинъ забавный анекдотъ, который ходилъ по цѣлому городу. Молоденькій, армейскій офицеръ стоялъ въ караулѣ у одной изъ петербургскихъ заставъ. Тогда былъ обычай, какъ и нынѣ, у проезжающихъ въ городскихъ экипажахъ, не требуя вида, спрашивать объ именахъ и записывать ихъ: какой-то проказникъ вздумалъ назвать себя Рохусъ Пумперникель, шутовская роль въ извѣстной тогда нѣмецкой комедіи. Почему было знать и какая нужда была знать офицеру о существованіи этой комедіи? Но внесеніе Рохуса въ вечерній рапортъ было приписано его глупости и невѣжеству. Онъ былъ осужденъ на безсмѣнный караулъ по заставамъ, пока не отыщется дерзновенный, осмѣлившійся наругаться надъ распоряженіями правительства. Ѳдетъ въ коляскѣ съ дачи худенькій человекъ; его спрашиваютъ, какъ зовутъ его: онъ отвѣчаетъ баронъ фонъ-Кампенгаузенъ. Имя и отчество? Балтазаръ Балтазаровичъ. Чинъ и должность? государственный контролеръ. „Тебя-то, голубчикъ, мнѣ и надобно!“ воскликнулъ бѣдный офицеръ, и вытащивъ министра изъ коляски, и посадивъ его подъ стражу, немедленно донесъ о томъ по начальству. Увѣрили, что офицера перевели за то въ гарнизонный полкъ.

ученость, неутомимость въ трудахъ и всѣ познанія нужныя для государственнаго человѣка. Кампенгаузенъ былъ управляющимъ третьею или медицинскою экспедиціей въ первоначальномъ департаментѣ внутреннихъ дѣлъ, когда Сперанскій управлялъ второю, а Габлицъ первою. Потомъ былъ онъ градоначальникомъ въ Таганрогѣ, котораго и можно почитать его настоящимъ основателемъ. Оттуда прямо онъ переведенъ министромъ.

Главное управленіе духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій сначала было еще миниатюрнѣе государственнаго контроля. Это министерство было создано для князя А. Н. Голицына. Одинъ изъ бѣднѣйшихъ князьковъ Голицыныхъ отданъ былъ малолѣтнимъ въ пажескій корпусъ. Онъ былъ мальчикъ крошечный, веселенькій, миленькій, остренькій, одаренный чудесною мимикой, искусствомъ подражать голосу, походкѣ, манерамъ особъ каждаго пола и возраста. Весьма близкая къ императрицѣ Екатеринѣ, старая, довѣренная ея камеръ-юнгфера Марья Савишна Перекусихина какъ-то узнала его, полюбила, и наконецъ представила его государынѣ, которая, какъ извѣстно, чрезвычайно любила дѣтей, что обыкновенно служитъ лучшимъ признакомъ добросердечія. Это составило счастье маленькаго князя Александра Николаевича. Какое умственное образование можно было получать въ пажескихъ корпусахъ вообще? Всегда были они только школами затѣпливыхъ шалостей. Вѣрныя первоначальной цѣли учрежденія своего, пышности двора, совсѣмъ не государственной пользы, пажи хорошо только выучивались танцовать, фехтовать, ѣздить верхомъ. Не знаю, въ семъ послѣднемъ успѣвалъ ли нашъ Голицынъ, только въ немъ не было замѣтно и тѣни склонности къ военному ремеслу. Онъ рожденъ былъ для двора. Это не избѣжало отъ благосклоннаго и проницательнаго взгляда Екатерины: когда она женила шестнадцатилѣтняго, любимаго внука своего Александра и составила ему маленькій дворъ, то помѣстила въ него Голицына, изъ камеръ-пажей пожаловавъ его прямо въ камеръ-юнкеры и доставивъ ему средства прилично себя содержать. Съ нѣжностію его чувствъ, какъ было не прилѣпиться ему ко внуку своей благодѣтельницы и съ забавнымъ его умомъ, какъ не полюбитъ молодецкому царевичу. Павелъ произвелъ его сначала камергеромъ; а потомъ, за годъ до своей кончины, по какому-то неудовольствію на сына, отставилъ отъ

службы, выслалъ, и изъ особой милости, дозволилъ жить въ Москвѣ.

Первый призванный въ Петербургъ, по воцареніи Александра, былъ Голицынъ. Онъ былъ столько скромнень, благороднень, что сперва ничего не желалъ, ничего не требовалъ, кромѣ счастья ежедневно находиться при царѣ, наслаждаться его лицезрѣніемъ, иногда разсѣвать, если нужно, грусть его. . . . . Но, согласно желанію государя, онъ вступилъ въ сенатъ, посидѣлъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ, потомъ самъ сдѣлался оберъ-прокуроромъ. . . . .

Должность оберъ-прокурора святѣйшаго синода сдѣлалась вакантною; это не министерство, но легко можно изъ того сотворить отдѣльную часть. Дотолѣ синодальныя оберъ-прокуроры, точно также какъ и сенатскіе, находились въ зависимости генераль-прокурора и наслѣдовавшаго ему министра юстиціи: при полученіи сего мѣста, Голицынъ выпросилъ себѣ званіе статсъ-секретаря и право вносить доклады свои прямо къ государю, безъ посредства какого-либо министра. . . . . Прошло нѣсколько годовъ, и Голицынъ, оставаясь синодальнымъ оберъ-прокуроромъ, назначенъ былъ главноуправляющимъ духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій.

Послѣ князя Голицына, первымъ чиновникомъ въ главномъ управленіи сдѣланъ былъ многогрѣченный Александръ Тургеневъ, который придумалъ для себя названіе управляющаго перепиской, ибо съ самаго начала въ карманномъ министерствѣ не было ни единой экспедиціи, ни единого отдѣленія, а только небольшая канцелярія, зародышъ департамента, мнѣ послѣ столь коротко знакомаго.

X.

Первый цвѣтъ моей молодости увялъ, и я могъ тогда бы уже сказать съ Державинымъ:

Не сильно нѣжить красота,
Не столько восхищаетъ радость,
Не столько легкомысленъ умъ,
Не столько я благополученъ.

Не столько уже я любилъ театръ, и это замѣтить можно изъ того, что во всей этой части записокъ моихъ ни разу не упомянулъ объ немъ. Авсе - таки довольно часто бы-

валь онъ для меня развлеченіемъ въ горестномъ положеніи моемъ

Послѣ того что въ послѣдній разъ говорилъ я о петербургской французской труппѣ, сдѣлала она много богатыхъ приобретеній и все становилась лучше. Несмотря на общее недоброжелательство къ Наполеоновой Франціи, лучшая публика продолжала французскій театръ предпочитать всѣмъи рочимъ.

Пріѣхавшая въ 1805 г. дѣвица Туссень, послѣ того госпожа Туссень Мезіеръ, о которой слегка упомянулъ я, было такое чудо, которому подобнаго въ роляхъ субретокъ я никогда не видалъ: непонятно, какъ выпустили ее изъ Франціи. Въ Парижѣ могла бы она поспорить съ дѣвицею Марсъ, хотя и выполняла неодинаковыя съ нею роли. вмѣсто со-старѣвшагося Лароша, явился въ комедіи еще не старый Дюранъ. Въ немъ было что-то приготовленное, манерное, болѣе выученное чѣмъ естественное; это однакоже не мѣшало ему нравиться старымъ барынямъ съ молодымъ сердцемъ, и его искусственная къ нимъ любовь, говорятъ, не мѣше того ихъ плѣняла. Старикъ Фрожеръ изъ сценическихъ шутовъ перешелъ въ комнатныя, въ домашніе. Его мѣсто или мѣста заступили три человѣка превосходнѣе его искусствомъ: вопервыхъ Талонъ, который показалъ, что даже и фарсъ можетъ быть забавнымъ и пристойнымъ вмѣстѣ. Въ лакейскія роли поступили Калланъ и Гранвиль; послѣдній выше талантомъ и старѣе лѣтами перваго, общалъ въ роляхъ опекуновъ, сердитыхъ и добрыхъ стариковъ, быть достойнымъ преемникомъ Дюкроаси, когда лѣта вынудятъ его оставить сцену. Прочіе актеры въ комедіи были почти все прежніе: къ лицу госпожи Вальвиль я наконецъ пригля-дѣлся, а игра ея мнѣ все еще не пріѣлась.

Трагедія же французская въ Петербургѣ высоко вознеслась въ 1808 году прибытіемъ или, лучше сказать, бѣгствомъ изъ Парижа, казалось, самой Мельпомены. Что бы ни говорили новыя поколѣнія, какъ бы ни брезгали Франдузы старѣвшимися искусствомъ дѣвицы Жоржъ, подобнаго ея не скоро они увидятъ. Голова ея могла служить моделью еще болѣе ваятелю, чѣмъ живописцу: въ ней виденъ былъ типъ прежней греческой женской красоты, которую находимъ мы только въ сохранившихся бюстахъ, на древнихъ медаляхъ и барельефахъ, и которой форма какъ будто разбита или потеряна. Самая толщина ея была пріятна въ на-

стоящемъ, только страшила за нее въ будущемъ; замѣтно было, что ея развитіе со временемъ много граціи отыметъ у ея стана и движеній. Болѣе всего въ ней очаровательнымъ казался мнѣ голосъ ея, нѣжный, чистый, внятный; она говорила стихи нараспѣвъ, и то, что восхищало въ ней, въ другой было бы противно. Въ игрѣ ея было не столько нѣжности, сколько жара; въ *Гермионѣ*, въ *Роксанѣ*, въ *Клителестрѣ*, вездѣ, гдѣ нужно было выразить благородный гнѣвъ или глубокое отчаяніе, была она неподражаема. Ксавье, великанъ въ юнкѣ, не стыдилась показываться вмѣстѣ съ ней: однакоже, какъ должно было страдать ея самолюбіе, видя всѣхъ прежнихъ рукоплескателей своихъ превратившихся въ шикателей.

Одинъ только Менвиль выполнялъ еще въ одно время въ комедіяхъ и трагедіяхъ первыя роли молодыхъ людей на мѣсто удалившагося Сенклера: онъ былъ довольно плоховатъ. Другой вмѣстѣ съ нимъ явившійся актеръ, Ведель, былъ выше его и въ трагедіяхъ заступилъ мѣсто Лароша. Талантъ его также нельзя назвать изящнымъ; однакоже въ минуты изступленія, когда удавалось ему удачно подражать невиданному нами Тальма, дѣйствительно, бывалъ онъ изумителенъ.

Для забавы друга своего Александра, въ Эрфуртѣ, и на удивленіе толпы прибывшихъ туда королей, Наполеонъ выписалъ изъ Парижа труппу лучшихъ комедіантовъ. Между ними русскому императору болѣе всѣхъ игрой полюбилась дѣвица Бурговъ; замѣтивъ то, Наполеонъ велѣлъ ей отправиться въ Петербургъ, чего сама она внутренно желала. Замѣчено, что парижскіе актеры охотно мѣняють его только на Петербургъ, и Россія есть единственная страна, которая оттуда умѣетъ смахивать великіе таланты: щедрѣе ли другихъ она платитъ? Или касаясь предѣловъ Китая и Персіи, по весьма извинительному честолюбію въ артистахъ, надѣются они, что черезъ нее лишь слава ихъ можетъ достигнуть до концовъ вселенной? Публикѣ мамзель Бурговъ очень полюбилась, но царь и дворъ его не обратили на нее особеннаго вниманія. Она также играла на обѣ руки, молодыхъ дѣвицъ и женщинъ, въ комедіяхъ и трагедіяхъ. Одинъ изъ зрителей, весьма энергически, совершенно по-русски, прозвалъ ее настоящею разорвой; и дѣйствительно, при милой ея рожцѣ и отличномъ талантѣ, въ ней было что-то черезчуръ удалое. Когда она играла Пажа въ *Фигаровой Женитѣ*—

бъ, всё были отъ нея безъ памяти; когда же хотѣла быть трогательною въ *Ифигеніи*, невольно располагала всёхъ къ смѣху. Года полтора или два она оставалась въ Петербургѣ, потомъ соскучилась о Парижѣ и въ него вернулась.

Вмѣстѣ съ Жоржъ, бѣжалъ къ намъ первый парижскій танцовщикъ Дюпоръ. О причинахъ ихъ бѣгства, о связи ихъ, о чей-то ревности, о чьихъ-то преслѣдованіяхъ, о всёхъ по сему случаю кулисныхъ интригахъ мнѣ подробно тогда рассказывали, но признаюсь, я ничего не припомню, и, право, кажется, нѣтъ въ томъ большой надобности. Самого же Дюпора я никакъ не забылъ: какъ теперь гляжу на него. Всё тѣло движенія его были исполнены пріятности и быстроты; не весьма большого роста былъ онъ плотенъ и гибокъ какъ резинковый шаръ; полъ, на который падалъ онъ ногою, какъ будто отталкивалъ его вверхъ; бывало, изъ глубины сцены на ея край въ три прыжка являлся онъ передъ зрителями; послѣ того танцы можно было болѣе назвать полетами. Въ короткое время образовалъ онъ шестнадцать или семнадцатилѣтнюю танцовщицу, Данилову, въ которую скоро влюбился весь Петербургъ и которая была превыше всего, что въ этомъ родѣ онъ дотолѣ видывалъ. Желая удовлетворить страсть къ ней зрителей и деспотически распоряжаясь своими воспитанницами, дирекція безпрестанно заставляла ее показываться, неда въ ей распутиться, убила ее во цвѣтѣ, и она погибла какъ бабочка, проблеставъ одно только лѣто. Для образованія ея Дюпоръ, какъ увѣряли, употреблялъ гораздо болѣе нѣжныхъ средства чѣмъ жестокосердый Дидело, который между тѣмъ все продолжалъ быть балетмейстеромъ. Сообразуясь съ новымъ вкусомъ, онъ началъ ставить на сцену одни только анакреонтическіе балеты, тѣмъ болѣе что Дюпоръ въ нихъ однихъ соглашался танцовать. Исключая Даниловой, были тогда еще двѣ замѣчательныя русскія танцовщицы: одна изъ нихъ гораздо прежде нея появившаяся на сценѣ и гораздо старѣе лѣтами, должна была вдругъ остаться почти безъ употребленія. Съ выразительными чертами лица, съ прекрасною фигурой, съ величавою поступью, Колосова, лучше чѣмъ языкомъ, умѣла говорить пантомимой, взорами, движеніями: но трагическіе балеты брошены, и нашей Медеѣ ничего не оставалось, какъ пожимая плечиками плясать по-русски. Другая, Иконина, была хороша собою, высока ростомъ, молода, стройна, неутомима и танцевала весьма правильно; но

всякій разъ, что появлялась, заставляла со вздохомъ вспоминать о Даниловой. Вдругъ напала на нее ужасная худоба, румяны валились съ ея сухихъ и блѣдныхъ щекъ, и она сдѣлалась настоящимъ скелетомъ. Тогда еще менѣе она стала нравиться, ибо кому пріятно смотрѣть на пляску мертвцовъ?

Менѣе всего въ послѣднія семь или восемь лѣтъ произошло перемѣнъ во французской оперѣ. Все та же Филисъ нераздѣльно продолжала царствовать въ ней съ своимъ ничтожнымъ Андріе. . . . . Голосъ ея, кажется, сдѣлался еще сильнѣе, ея искусство еще усовершенствовалось, только одного лица ея годы не пощадили. Она не хотѣла никакого соперничества и къ одинаковымъ съ своими ролямъ подпускала только сестру свою Бертенъ, да старую Монготъе. Попыталась было дочь знаменитаго композитора, Пиччини, довольно изрядная пѣвица, показаться въ операхъ отца своего; куда! Филисъ съ своимъ семействомъ и съ своею партіей скоро ее выжила. Она даже не хотѣла другаго тенора, какъ мужа; но это было рѣшительно невозможно; наконецъ, онъ сталъ просто говорить подъ музыку. Тогда два порядочные пѣвца, Дюмушель и особенно Лебланъ, приняты дирекціей. Одно семейство, которое знало Филисъ, было ею самою приглашено: оно состояло изъ Месса, хорошаго баса, жены его, для старушечьихъ ролей, и дочери ихъ, мадамъ Бонне, для ролей женщинъ среднихъ лѣтъ.

Италіянская опера не могла поддержаться въ Петербургѣ; въ 1806 году на долго прекратилось въ немъ ея существованіе. Однакоже она оставила по себѣ память; она нѣсколько образовала вкусъ любителей музыки и сдѣлала его строже и разборчивѣе къ ея произведеніямъ. Всѣ мы продолжали любить французскія комическія оперы; но уже начинали въ нихъ чувствовать превосходство Херубини передъ другими, и когда въ 1809 году показалась *Весталка*, сочиненія Спонтини, французская опера съ италіанизированною музыкой, то приняли ее съ восторгомъ.

Чуть было въ это время не опротивѣла намъ италіянская музыка отъ прибывающихъ старыхъ, отставныхъ примадоннъ, которыя, за ненахожденіемъ сцены, давали слушать себя въ концертахъ. Мадамъ Мара, которой печатные портреты вездѣ продавались и которая долго гремѣла въ Европѣ, давно уже умолкла. Кто-то подбилъ ее пріѣхать въ Россію: „этимъ,

дескать, сѣвернымъ варварамъ нужна одна только слава имени, а недостатковъ пѣнія они не въ состояніи будутъ разобирать.“ Можетъ-быть, дѣйствительно, были мы тогда плохіе судьи въ искусствахъ; но что касается до свѣжести лица и голоса, то въ этомъ Русскіе всегда были любители и знатоки. Уваженіе ихъ къ знаменитости таланта также не служило признакомъ ихъ невѣжества, и они показали то, въ почетительномъ молчаніи выслушавъ Мара. Когда же одобренная симъ полууспѣхомъ, явилась другая старуха, Фантоцци Маркетти, то они нашли, что это дурная шутка, уже не были столь учтивы и расхохотались послѣ первой аріи. Странно, что послѣ того обѣ онѣ остались навсегда въ Россіи и кончили въ ней вѣкъ: видно въ тогдашней хлѣбосольной нашей странѣ всякій могъ какъ-нибудь прокормиться.

Не одна онѣ, но еще и другіе обветшалые, поношенные таланты повадились тогда къ намъ ѣздить. Пріѣхала мамзель Сенваль, которая гораздо прежде революціи извлекала слезы у Маріи Антуанетты и принцессы Ламбалль; но послѣ того прошло около тридцати лѣтъ, а она и съ молодю была неуклюжа и неблагообразна. Ну, такъ и быть, подавай ее сюда: графы и князья, которые видѣли блескъ Версаля, утверждаютъ, что она чудо. У каждой актрисы есть любимая роль, въ которую для дебюта облачается она какъ въ праздничное платье: Сенваль явилась намъ Аменаидой. Я не буду говорить о лицѣ ея; но какъ не содрогнуться, увидѣвъ страстную любовницу, малорослую, толстую, кривобокую, съ короткою шеей и въ каррикатурномъ нарядѣ! Въ продолженіи первыхъ двухъ дѣйствій зрители были удерживаемы отъ смѣха чувствомъ отвращенія. Коль же скоро въ третьемъ дѣйствіи, осужденная на смерть, показалась она въ цѣпяхъ, въ бѣломъ платьѣ, съ распущенными волосами, тогда самый голосъ ея дотолѣ охрипый, казалось, вдругъ сдѣлался чистъ и трогателенъ; изъ глубины ея сердца потекли рѣкою прекрасные стихи Вольтера. Такъ было до конца и между зрителями остались нерастроганными только тѣ, которые на сценѣ въ женщинахъ ищутъ одной красоты. Нельзя себѣ представить, сколько истиннаго чувства было въ этой женщинѣ: она была воплощенная трагедія, къ несчастію въ самой безобразной оболочкѣ. Она не думала затмить Жоржъ, ихъ роли были совсѣмъ не одинаковыя, но сравненіе ихъ наружности было убійственно для бѣдной Сенваль. Всего

еще въ двухъ трагедіяхъ играла она, въ *Китайской Сиротѣ* да въ *Ипержнестрѣ*, только почти безъ всякаго успѣха. Со стыда, сердечная, скорѣе куда-то уѣхала.

Три четверти петербургской публики изъ однихъ афишекъ только знали что даютъ на нѣмецкомъ театрѣ; а чего на немъ не давали? Число драматическихъ писателей въ послѣднее двадцатипятилѣтіе въ Германіи чрезвычайно расплодилось и каждый изъ нихъ былъ отмѣнно плодовитъ. Сей огромный репертуаръ безпрестанно умножался еще переводами италіянскихъ и французскихъ оперъ и авглійскихъ трагедій. И все это у насъ играли, и нѣмецкая ненасытимость все это поглощала. Источникъ такого богатства былъ у насъ подъ носомъ, и никто не думалъ черпать изъ него; никто не спѣшилъ ознакомиться съ геніальными твореніями Лессинга, Шиллера и Гете. Таковъ былъ вѣкъ.

Мы, вслѣдъ за Французами, почитали Аристотелево правило о трехъ единствахъ на сценѣ, нашу драматическую вѣрой, тогда какъ въ творческой гордости своей, Нѣмцы совершенно пренебрегали имъ. Французы, наши наставники, приучили насъ видѣть въ Нѣмцахъ одно смѣшное, а мы насчетъ сихъ послѣднихъ охотно раздѣляли ихъ мнѣніе. Сами молодые Нѣмцы, отлично принятые въ обществѣ, Палены, Бенкендорфы, Шёппинги, если не образомъ мыслей, то манерами, были еще болѣе Французы чѣмъ мы. Нѣкоторые изъ нихъ со смѣхомъ разказывали сами, какъ въ иныхъ пьесахъ герой, котораго видѣли юношей въ первомъ дѣйствіи, въ послѣднемъ является старикомъ, какъ первое происходитъ въ Греціи, а послѣднее въ Индіи; тридцать или сорокъ дѣйствующихъ лицъ были также предметомъ общихъ насмѣшекъ. Названія играемыхъ трагедій или драмъ: *Минна фонъ-Барнгельмъ*, *Гётцъ фонъ-Берлихингенъ*, *Докторъ Фаустъ*, казались уродливы, чудовищны. И что это за Мефистофель? И какъ можно чорта пустить на сцену? Это то же, что пьянаго сапожника представить въ гостиную знатной модницы. Все это казалось неприличіемъ, отвратительною неблагопристойностію. Я помню разъ въ театрѣ стараго графа С., который такъ и катался читая *Damen, Senatoren und Banditen* на концѣ афишки, возвѣщающей первое представленіе Абеллино. Пристрастные къ собственности своей, Нѣмцы между тѣмъ молчали и себѣ на умъ думали, что придетъ время, когда они поставятъ на своемъ. Оно пришло: никому нынѣ не

осмѣлюсь я сказать того, но въ сей тайной исповѣди долженъ признаться, что въ этомъ отношеніи, о прошедшемъ времени я часто вздыхаю.

Что бы сказать мнѣ о нѣмецкой труппѣ? Я уже разъ говорилъ объ ней, называлъ Брюкль, Штейнсберга, Линденштейна; они оставались безсмѣнны. Піесы давались безпрестанно новыя, а играли ихъ актеры все старые. Упомянуть ли мнѣ объ одной, довольно плохой актрисѣ, о которой много говорено было въ обществѣ молодыхъ людей. Дѣвица Лѣве была совершенная красавица; одни только неимущіе обожатели сей разчетливой Нѣмки находили, что она достойна своего имени, что въ ней жестокость львицы; щедрые же богачи видѣли въ ней кротость агнца.

Русскимъ театромъ хочу я заключить: успѣхи его тѣсно связаны съ успѣхами нашей словесности, и переходъ отъ одного къ другой будетъ естественнѣе. Объ одномъ какъ и о другой говорилъ я очень мало въ предшествующей второй части сихъ записокъ: да и правду сказать, говорить много было бы трудно; успѣхи обѣихъ шли слишкомъ медленно въ первое пятилѣтіе нынѣшняго вѣка.

Пристрастіе ко всему иностранному и особенно къ французскому, при Елисаветѣ и Екатеринѣ, образуящагося русскаго общества, сильно возбуждали досаду и насмѣшки первыхъ двухъ лучшихъ нашихъ комическихъ авторовъ, Княжнина и фонъ-Визина, какъ оно возбуждало ихъ тогда и возбуждаетъ еще и понынѣ во всѣхъ здравомыслящихъ нашихъ соотечественникахъ. Еслибы что-нибудь могло ему противодѣйствовать, то, конечно, это были забавныя роли Фирюлиныхъ, въ *Несчастіи отъ кареты*, и въ *Бригадиръ*—глупаго бригадирскаго сына, котораго душа, какъ говоритъ онъ, принадлежитъ французской коронѣ. Но теченіе подражательнаго потока, въ ихъ время, было слишкомъ сильно, чтобы какими-нибудь благоразумными или даже остроумными преградами можно было остановить его, тогда какъ не только намъ, потомкамъ ихъ, едва ли нашимъ потомкамъ когда-нибудь удастся сіе сдѣлать.

Воспитанный въ ихъ школѣ, Крыловъ, если можно сказать, еще быстрогляднѣе ихъ на несовершенства наши, думалъ, что приспѣло къ тому время. Онъ жестоко ошибся. Что могло быть веселѣе, умнѣе, затѣйливѣе его двухъ комедій, *Урока дочкамъ* и *Модной лавки* игранныхъ въ 1805 и

1806 годах? Можно ли было колче какъ въ нихъ осмѣять нашу столичную и провинціальную галломанію? Во время частыхъ ихъ представленій, партеръ былъ всегда полонъ, и наполнявшіе его отъ души хохотали. Конечно, это былъ успѣхъ, но не тотъ, котораго ожидалъ Крыловъ; только этотъ разъ въ жизни пытался сей разсѣянный, повидимому, ко всему равнодушный, но глубокомысленный писатель, сдѣлать переворотъ въ общественномъ мнѣніи и нравахъ. Ему не удалось, и это, кажется, навсегда охолодило его къ сценѣ.

Высшее общество, болѣе чѣмъ когда, въ это время было управляемо женщинами; въ ихъ рукахъ были законодательство и расправа его. Французскій языкъ въ ихъ глазахъ былъ одинъ способенъ выражать благородныя чувства, высокія мысли и все тонкости ума, и онъ же былъ ихъ исключительная собственность. И жены чиновниковъ, жительницы предмѣстій Петербурга, и молодыя дворянки въ Москвѣ и въ провинціяхъ, думаютъ смѣшнымъ образомъ пользоваться одинаковыми съ нами правами? Какія дуры! Спасибо Крылову: и онъ одобряли его усилія и улыбались имъ. Что можетъ быть общаго у французскаго языка, сдѣлавшагося ихъ отечественнымъ, съ тѣмъ, что происходитъ во Франціи? И она, грозившая овладѣть полвселенною, въ ихъ глазахъ, находилась въ переходномъ состояніи. Таково было упорное мнѣніе эмигрантокъ, ихъ воспитывавшихъ, которое онъ съ ними усердно раздѣляли. И къ счастью онъ не ошиблся.

Все это гораздо легче Крылова могъ подмѣтить другой драматическій писатель, болѣе его на семь поприщѣ извѣстный, князь Александръ Александровичъ Шаховской. Сперва военная служба въ гвардіи, гдѣ онъ находился, потомъ придворная, мало льстили его самолюбію. Онъ рожденъ былъ для театра: съ малолѣтства все помышленія его къ нему стремились, все радости и мученія ожидали его на сценѣ и въ партерѣ. Какъ актеръ, утвердительно можно сказать, онъ бы во сто разъ болѣе прославился какъ комикъ: не будь онъ князь, безобразенъ и толстъ, мы бы имѣли своего Тальму, своего Гаррика. Согласно его склонностямъ, былъ онъ въ послѣдствіи опредѣленъ управляющимъ по репертуарной части императорскихъ публичныхъ зрѣлищъ, подъ начальствомъ главнаго директора Александра Львовича Нарышкина. Тогда онъ сдѣлался безсмѣннымъ посѣтителемъ дома своего начальника, въ которомъ соединялось и блистало все первостепен-

ное въ столицѣ, но въ которомъ оставалось много простора для ума и гдѣ можно было (однакоже не забываясь) предаваться всѣмъ порывамъ веселости. Страненъ былъ этотъ человекъ, странна и судьба его; и стоить того, чтобы безпристрастно разобрать какъ похвалы, нѣкогда ему расточаемыя, такъ и жестокія обвиненія на него взводимыя.

Права рожденія, воспитаніе спозаранку поставили его въ короткія сношенія, съ людьми принадлежащими къ лучшему обществу; вкусъ къ литературѣ сблизилъ его съ писателями и учеными; наконецъ страсть къ театру кинула его въ закулисную сволочь. Первую половину жизни своей безпрестанно толкался онъ между сими разнообразными стихіями, пока подъ конецъ совсѣмъ не погрязъ онъ между актерами и актрисами. Много дано ему было природою живаго наблюдательнаго ума; много чтеніемъ приобрѣлъ онъ и познаній; все это обезсилено было въ немъ легкомысліемъ и слабостію характера. Каждое изъ сословій имъ посвѣщаемыхъ оставляло на немъ свою окраску; но невоздержность, безрасудность, завистливость жрецовъ Талии всего явственнѣе выступала въ его дѣйствіяхъ и образѣ мыслей. Оттого-то всякая высокоподрастающая знаменитость, особенно же драматическая, приводила его въ отчаяніе и бѣшенство, которыхъ не имѣлъ онъ силы ни одолѣть, ни скрыть. Противъ одной давно утвердившейся знаменитости не смѣлъ онъ возставать и одной только посредственности имѣлъ онъ прощать. И совсѣмъ тѣмъ онъ былъ чрезвычайно добръ сердцемъ, не злобивъ, не злопамятенъ: во всемъ что не касалось словесности и театра, видѣлъ онъ одно восхитительное, или забавное, или сожалѣнія достойное.

Какъ ни горячился онъ, но почти живши въ домѣ у Нарышкиныхъ, всегда имѣлъ смѣтливость не идти противъ господствующаго мнѣнія въ большомъ обществѣ. Онъ охотнѣе нападалъ на тѣхъ, коихъ болѣе почиталъ себѣ подъ силу. Петербургъ мало дорожилъ тогда Москвою. Карамзинъ, живущій въ ней, казался ему не опасенъ: Карамзинъ, предметъ обожанія Москвичей, весьма преувеличеннаго молвою, приводилъ его въ ярость и онъ хватилъ въ него *Новымъ Стерномъ*. Онъ увѣрялъ, что хочетъ истребить отвратительную сентиментальность, порожденную будто имъ между писателями и, въ то же время, сознавался, что мѣтитъ прямо на него. Послѣ того, въ двухъ комедіяхъ, впрочемъ, весьма забав-

ныхъ, *Любовная почта* и *Полубарскія затчи*, безъ милосердія предавалъ онъ осмѣянію деревенскихъ меломановъ и учредителей домашнихъ оркестровъ, труппъ и балетовъ, все какъ будто похитителей принадлежащихъ ему привилегій и монополіи. Потомъ, съ каждымъ годомъ, становился онъ плодовитѣе. Сдѣлавшись властелиномъ русской сцены, онъ превратилъ ее въ лобное мѣсто, на которое по произволу для торговой казни выводилъ своихъ соперниковъ. Надобно, однакоже, признаться, что страсть его, не совсѣмъ дворянская и княжеская, имѣла самое благодѣтельное дѣйствіе на нашъ театръ: его комедій шумный рой, какъ сказалъ одинъ изъ нашихъ поэтовъ, долго одинъ разнообразилъ и поддерживалъ его. Чтò еще важнѣе, онъ былъ неутомимымъ и искуснымъ образователемъ всего новаго, молодаго поколѣнія нашихъ лицедѣевъ.

Около описываемаго мною времени, жилъ онъ въ большомъ согласіи съ однимъ поэтомъ, мало дотошъ извѣстнымъ, хотя онъ былъ уже въ чинахъ и довольно зрѣлыхъ лѣтахъ. Мнѣ случалось видѣть и не одинъ разъ разговаривалъ съ Владиславомъ Александровичемъ Озеровымъ, потому что онъ былъ двоюроднымъ братомъ Блудова и что сей послѣдній по чрезвычайной молодости лѣтъ, кажется, сначала приѣзда своего былъ порученъ его попеченіямъ. Многіе утверждали, что онъ ума не обширнаго; мнѣ казалось совсѣмъ противное; я слушалъ его съ величайшимъ удовольствіемъ, а отъ произведеній его бывалъ вѣдъ себя. Только въ концѣ 1804 года началась его литературная извѣстность и самымъ блестящимъ образомъ. Всѣ старыя трагедіи Сумарокова и даже Княжнина, по малому достоинству своему и по обветшалости языка, были совсѣмъ забыты и брошены. Переводу Шиллеровыхъ *Разбойниковъ* названія трагедіи давать не хотѣли, и казалось, что разлука наша съ *Мельпоменой* сдѣлалась вѣчною. Вдругъ Озеровъ опять возвратилъ ее намъ. Появленіе его *Эдина въ Афинахъ* самымъ пріятнымъ образомъ изумило петербургскую публику. Трагедія эта исполнена трогательныхъ мѣстъ и вся усыпана прекрасными стихами, изъ коихъ многіе до сихъ поръ сохранились въ памяти знатоковъ и любителей поэзіи. Много способствовалъ также успѣху этой піесы первый дебютъ молоденькой актрисы Семеновою въ роль Антигоны: съ превосходствомъ игры, съ бла-

гозвучіемъ голоса, съ благородствомъ осанки, соединяла она красоту той музы, которой служенію она себя посвящала.

Въ концѣ слѣдующаго года показался его *Фингалъ*. Тутъ было гораздо болѣе энергіи, и дикая природа сѣвера, которою отзываются характеры всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, нашимъ сѣвернымъ зрителямъ, *Spectateurs du Nord**, весьма пришлась по вкусу. Едва прошелъ годъ, и *Дмитрій Донской* былъ представленъ въ самую ту минуту, когда загорѣлась у насъ предпоследняя война съ Наполеономъ. Ничего не могло быть *апронне*, какъ говаривалъ одинъ старинный забавникъ. Аристократія наполняла всѣ ложи перваго яруса съ видомъ живѣйшаго участія; при послѣднемъ словѣ послѣдняго стиха: *Великъ російскій Богъ*, рыданія раздались въ партерѣ; восторгъ былъ неописанный; Озеровъ былъ поднятъ до облаковъ, какъ говорятъ Французы. Сіе необычайное торжество—увы, было для него послѣднее. Столь быстрыхъ, столь безпрерывныхъ успѣховъ бѣдный Шаховской никакъ не могъ перенести.

Сколько припомню, въ 1808 году, поставлена была на сцену послѣдняя трагедія Озерова, *Поликсена*. Въ пособіяхъ, которыми дотолѣ Шаховской такъ щедро надѣлялъ его, какъ сказывали мнѣ, сталъ онъ вдругъ ему отказывать и, напротивъ, сколько могъ, во всемъ началъ ставить ему препятствія. Наша публика, неизвѣстно чьими происками предупрежденная не въ пользу новаго творенія, на этотъ разъ не возбуждаемая болѣе патріотизмомъ и не довольно еще образованная, чтобы быть чувствительною къ простотѣ и изяществу красотъ гомерическихъ, чрезвычайно холодно приняла піесу. Ничто могло расшевелить ее, ни даже пророчество Кассандры, которымъ оканчивается трагедія и въ которомъ, предрекая Грекамъ паденіе ихъ и возрожденіе, она говоритъ имъ, что придетъ народъ

Отъ странъ полнощныхъ
Оковы снать съ Ахеевъ маломощныхъ.

Сіи стихи, которые бы должны были наполнить наши груди восторгомъ благородной гордости и которые, кромѣ меня, едва ли кто помнитъ, были лебединою пѣснью несчастнаго Озерова.

---

* Названіе издаваемаго тогда въ Гамбургѣ французскаго журнала, у насъ многими получаемого.

Онъ всегда расположенъ былъ къ ипохондріи: чрезвычайная раздражительность нервовъ его къ тому располагала и оттого-то такъ сильно принималъ онъ къ сердцу всякую неудачу. Последняя поразила его, и онъ видѣлъ въ ней совершенное свое паденіе. Онъ началъ убѣгать общества, уединялся, дичалъ, наконецъ, бросилъ службу и скрылся въ какой-то отдаленной деревнѣ. Тамъ лишился онъ ума и, къ счастью, вскорѣ потомъ и жизни.

Но примѣръ его прошедшихъ успѣховъ былъ заразителенъ для цѣлой толпы недавно проявившихся мелкихъ стихотворцевъ; всѣ захотѣли быть трагиками. Одному только изъ нихъ, Крюковскому, удалось сладить съ оригинальною трагедіей, *Пофсарскій*, довольно хорошими стихами писанною; всѣ же другіе думали прославить себя одними переводами. Молодой воинъ Маринъ перевелъ *Мерону*, и старый Хвостовъ *Андромачу**. По слѣдамъ ихъ Гнѣдичъ перевелъ *Танкреду*, Жихаревъ *Атрея*, а Катенинъ *Суда и Аталію* (по его Гоэолію). За тѣмъ уже составила цѣлая компанія переводчиковъ, которые надѣялись имѣть успѣхи посредствомъ складчины дарованій своихъ; графъ Сергѣй Потемкинъ, какой-то Шапошниковъ, какой-то Висковатовъ и еще другіе, по двое или по трое вмѣстѣ, пустились въ запуски, кто кого хуже, изводить извѣстныя французскія трагедіи, чтобъ угодить общему вкусу. Необходимость въ помощи Шаховскаго для постановки сихъ искаженныхъ классическихъ твореній на время окружило его искателями. Ему пріятно было покровительствовать новымъ, только что на свѣтъ показавшіеся таланты, тѣмъ болѣе что и въ глазахъ его они въ будущемъ ничего не обѣщали. Каждая изъ сихъ трагедій имѣла по нѣсколько представленій, и наша покорная публика, которой воспрещено тогда было не только свистать, но даже и шикать, первые раза два довольно спокойно и терпѣливо ихъ выносила; но вскорѣ потомъ отсутствіемъ своимъ, какъ единымъ средствомъ ей на то оставленнымъ, пользовалась чтобъ изъяслять неодобреніе свое. Весь этотъ потокъ черезъ сцену прямо утекалъ въ Лету: *Мерона* и *Танкредъ*, однѣ только на нѣкоторое время удержались. Съ самодовольствіемъ окинувъ взоромъ всю толпу сихъ бездарныхъ людей, но

---

* Александръ Львовичъ Нарышкинъ назвалъ эти переводы *Méropé marinée* и *Andromaque déracinée*.

въ то же время увлекаемый примѣромъ, самъ Шаховской задумалъ высоко подняться надъ ними; этого мало, онъ затѣялъ въ творчествѣ состязаться съ самимъ Расиномъ, и для того въ Бабліи началъ искать сюжетъ для оригинальной своей трагедіи. Не малое время мучился онъ и наконецъ разразился ужасною своею *Деборой*. Съ любопытствомъ всѣ кинулись на нее; уstraшенные же, скоро стали отъ нея удаляться. Но не такъ-то легко какъ другихъ, можно было одолѣть театральнаго директора: съ каждымъ представленіемъ зала все болѣе пустѣла, а Дебору все играли, играли, пока ни одного зрителя не стало.

Переводныхъ комедій было очень мало; по всей справедливости, Шаховской не любилъ ихъ и не подпускалъ къ нашей сценѣ. Водевиль, если дѣломъ изрѣдка показывались, то словомъ, то-есть именованъ, тогда неизвѣстны были на русскомъ театрѣ. За то операми заимствовались мы у всѣхъ, у Французовъ, у Нѣмцевъ, а когда стали побогаче голосами, то и у Италіянцевъ. Началось съ безконечной *Donauweibchen*; ея веселыя, легкія, пріятныя вѣвскія мелодіи не трудно было перенять нашимъ плохимъ тогда пѣвцамъ, не трудно было ими плѣнить и нашихъ слушателей. Все это, вмѣстѣ съ богатыми декораціями, безпрестанными превращеніями и умерительнымъ шутовствомъ Воробьева, около года привлекало многочисленную публику и умножало барыши дирекціи. Ее переименовали *Русалкой* и сцену перевели на Днѣпръ, что также не мало полюбилось брадыатымъ зрителямъ. Когда замѣтили, что она имъ приглядѣлась и посѣщенія становятся рѣже, то чтобы возбудить къ ней погасающую въ нихъ страсть, создали ей наследницу, вторую часть, или *Днѣпровскую Русалку*. Слѣдуя все той же методѣ прельщеній, черезъ нѣкоторое время сочинили и третью часть, уже *Лесту Днѣпровскую Русалку*. Сильная къ нимъ любовь совсѣмъ истощилась, когда показалась четвертая часть подъ именованъ просто опять *Русалка*, безъ всякаго прибавленія: успѣхъ ея былъ довольно плохой. Между Русалками, возсталъ *Илья богатырь*, волшебная опера, которую написать упростили Крылова. Онъ сдѣлалъ это небрежно, шутя, но такъ умно, такъ удачно, что герой его неумышленно убилъ волшебницу Нѣмку, для соблазна Русскихъ обратившуюся въ ихъ соотечественницу.

Ихъ вкусъ между тѣмъ все исправлялся и чистился. Де-

кораціи переставали имъ быть необходимы; они болѣе стали понимать музыку, но все-таки ее одну безъ словъ не любили. Тогда (я все говорю о среднемъ и низкомъ классѣ) начали переводить для нихъ французскія оперы, *Калифа Багдадскаго*, *Мнимый Кладъ*, *Двое Слѣпыхъ*, а наконецъ и *Водовоза*. Познакомивъ ихъ съ Боиелдіе, съ Мегюлемъ, приготовили ихъ быть способными чувствовать и Херубини. *Глэдъ* и *Деревенскія Пльвицы* Фіорованти явились передъ ними. Своихъ композиторовъ у насъ тогда еще не было: произведенія Кавоса, управлявшаго оркестромъ, были такъ слабы, къ тому же онъ былъ чужестранный, Италианецъ, что и считать его нечего. Кажется, не заставляя для себя трудиться, легче бы было ходить имъ во французскій театръ; нѣтъ, подавай имъ свое; тамъ ни слова они не понимали, а звуки могли имъ быть пріятны только въ соединеніи съ мыслями. Правда, у нихъ не было Филисъ, за то не было и Андріе. Мѣсто первой въ русской оперѣ занимала недавно образовавшаяся, молоденькая, хорошенькая актриса, Черникова, съ небольшимъ, но пріятнымъ голосомъ. У молодого же тенора, Самойлова, былъ такой голосъ, который Италианцы превозносили и ему завидовали. Въ послѣдствіи выучился онъ очень хорошо играть, и еслибъ не спѣша насладиться успѣхами доставленными ему чудеснымъ, природнымъ его даромъ, онъ прилежно постарался его усовершенствовать, то навѣрное можно сказать, что не менѣе Рубини прогрѣлъ бы онъ въ Европѣ. По примѣру Филисъ и Андріе, и сія чета соединилась законнымъ бракомъ. Отъ частыхъ родовъ, голосъ у Самойловой началъ слабѣть и упадать.

Какъ бы ей на смѣну, театральная школа произвела нѣчто чудесное. Еще не выпущенная изъ нея воспитанница Болина красотой затмѣвала всѣхъ подругъ своихъ, а голосомъ едва ли не болѣе еще плѣняла чѣмъ красотой. Только одну зиму насладились ею публика. Одинъ молодой дворянинъ, М., сынъ умершаго богатаго отца, имѣвшій болѣе сорока тысячъ рублей дохода, совершенно свободный, влюбился въ нее безъ памяти. Онъ предложилъ ей руку, а дирекціи выкупилъ сколько бы ни потребовалось за ея воспитаніе и освобожденіе: согласиться съ его желаніями до выпуска ея никакъ не было возможно. Тогда рѣшился онъ увезти ее, обвиняться съ

нею и за то цѣлый мѣсяцъ долженъ былъ просидѣть на гауптвахтѣ. На ней толпами посѣщала его безразсудная молодежь, видя въ наказаніи его жестокую несправедливость, и забывая, что для нея изсякъ источникъ живѣйшихъ удовольствій и что М. былъ похитителемъ ихъ. Осьмнадцатилѣтняя пѣвица, которая могла бы долго быть украшеніемъ сцены и упиваться восторгами ею производимыми, сдѣлалась несчастнѣйшею изъ помѣщницъ. Сперва изъ ревности, а потомъ стыдясь неровнаго брака, мужъ всегда поступалъ съ нею жестоко и не давалъ ей нигдѣ показываться. Не получивъ въ школѣ приличнаго воспитанія будущему ея званію, ни свѣтскаго образованія потомъ, изъ нея вышло нѣчто совершенно пошлое. Дѣтъ двадцать спустя, по его приглашенію, случилось мнѣ разъ у нихъ обѣдать: о Боже! въ граціи, которою я нѣкогда такъ восхищался, нашелъ я что-то хуже деревенской барыни, она не умѣла ни ходить, ни сидѣть, ни кланяться, и какъ будто не смѣла и говорить. Я узналъ послѣ, что М. сдѣлалъ губернаторомъ: ну, подумалъ я, для жены его роль губернаторши будетъ потруднѣе ролей Зетюлбе и Алины.

Въ школѣ, запасномъ магазинѣ драматическихъ талантовъ, не нашлось ни одной дѣвочки, которая бы могла замѣнить Болину. Попеременно ихъ выставляли; одна только Карайкина, въ замужствѣ Лебедева, могла нѣкоторое время удержаться.

Не въ театральной школѣ долженъ былъ образоваться великій талантъ для нашей оперы. Въ Петербургѣ былъ тогда одинъ домъ, въ которомъ еженедѣльно собирались большіе любители музыки и лучшіе виртуозы. Домъ этотъ сенатора Теплова, который имѣлъ и собственный славный оркестръ, былъ совершенно музыкальный. Познакомившись въ немъ черезъ сына Теплова, бывшаго товарища моего во время путешествія по Сибири, я нерѣдко посѣщалъ ихъ вечера. На одномъ изъ нихъ услышалъ я пѣвіе Нѣмочки, дочери придворнаго музыканта Фодора, и оно показалось мнѣ пискомъ. Мнѣ непонятно было, какъ могли великіе знатоки восхвалять его и въ пророческомъ восторгѣ судить ему славу. Въ этомъ дѣлѣ и въ это время, петербургская публика видно столько же смыслила какъ и я; ибо года три спустя, когда Фодоръ явилась на русской сценѣ, была она принята ею съ удовольствіемъ, не совсѣмъ преувеличеннымъ. Въ боль-

шомъ обществѣ такъ много еще было тогда пристрастія ко всему французскому, что въ немъ обижались сравненіями, которыя нѣкоторые позволяли себѣ дѣлать между ею и старѣющею Филисъ. Не для того ли чтобы поднять себя въ его мнѣніи и нѣсколько офранцузить себя, вышла она послѣ за французскаго комическаго актера Менвиеля? нѣтъ, ничто не помогло. Имѣя однакоже въ себѣ чувство превосходства своего, наконецъ стала она требовать по крайней мѣрѣ прибавки жалованья; ей и въ этомъ отказали; тогда Россію она навсегда оставила. Вся Европа узнала ее потомъ, засыпала золотомъ и загнушила рукоплесканіями.

Гораздо болѣе Фодоръ - Менвиель полюбилась семнадцатилѣтняя красотка, которая хотя послѣ нея, но еще при ней показалась въ оперѣ. Это была Нимфодора, меньшая сестра трагической актрисы Семеновой. Голосокъ у нея былъ только что изрядный, за то быть милѣе ея въ игрѣ было трудно. Красотою обѣ сестры были равны, только въ родахъ ея различествовали между собою. У старшей былъ греческій профиль и что-то великолѣпное въ чертахъ; меньшая выполняла всѣ условія русской красоты, бѣлизну груди, полную и румянецъ щекъ, живость въ очахъ, тонкость и прстойную веселость въ улыбкѣ.

Ничего болѣе о театрѣ сказать я не имѣю. Читатель можетъ-быть скажетъ: „да кажется и этого не слишкомъ ли много?“ На это позволю я себѣ замѣтить ему, что бѣольшая половина этой главы посвящена была драматической литературѣ, а она въ это время едва ли не составляла всю нашу словесность.

Итакъ обѣ ней остается мнѣ мало говорить, но много о множествѣ словесниковъ, какъ о сдѣлавшихся въ это время извѣстными, такъ и о оставшихся съ тѣхъ поръ неизвѣстными.

Въ послѣдніе годы царствованія Екатерины Второй, между литераторами двухъ столицъ возникли какія-то несогласія, но не только до расколу, ни даже до сильныхъ распрій дѣло не доходило. При Павлѣ, въ Москвѣ, куда бѣольшая часть писателей удалилась, отъ столкновенія несогласныхъ начали взаимныя неудовольствія умножаться и превращаться въ нѣчто похожее на вражду. Исключая стараго Хераскова, который въ старой Москвѣ доживалъ свой вѣкъ, всѣхъ знаменитѣе были Дмитріевъ и Карамзинъ; съ ними

въ тѣсной связи находился Тургеневъ, директоръ университета, отецъ многорѣчнаго въ сихъ запискахъ Тургенева, не писатель, но великій другъ просвѣщенія. Въ томъ же университетѣ, однимъ изъ трехъ кураторовъ былъ Павелъ Ивановичъ Голенищевъ-Кутузовъ, человекъ умный и свѣдущій, но какъ стихотворецъ никѣмъ не замѣченный, не хвалимый и не осуждаемый. Къ нему какъ бы въ видѣ наперсника присталъ Шатровъ, поэтъ съ большими дарованіями, которыя преимущественно посвятилъ онъ переводу псалмовъ. Онъ усердно вдавался въ мартинизмъ подобно Тургеневу и также какъ Карамзинъ въ первой молодости былъ поддержанъ и поощряемъ Николаемъ Новиковымъ, главою мартинистовъ. Вотъ почему не понятно какъ въ послѣдствіи сдѣлался онъ врагомъ столь почтенныхъ людей.

Подъ именемъ критики разумѣли тогда брань и поношеніе, мало знали ее, мало употребляли. Не знаю правда ли, но меня увѣряли потомъ неоднократно, будто который-то изъ сихъ господъ прибѣгнулъ къ другому средству нападенія, къ средству постыдному и жестокому, къ ложному доносу на Карамзина: онъ обвинялъ его въ якобинизмѣ. Это было еще при Павлѣ. Конечно, какъ всѣ великодушные и неопытные юноши, въ первоначальныхъ порывахъ къ добру, создавалъ онъ нѣкогда утопіи, вѣровалъ въ свободу, въ братскую любовь, въ усовершенствованіе рода человѣческаго. Когда началось его воспитаніе, въ Россіи, по примѣру другихъ европейскихъ, даже самыхъ деспотическихъ государствъ, наставники воспитанникамъ все указывали на блескъ греческихъ республикъ, на величіе римской; твердили, что съ свободой ихъ были неразлучны добродѣтели, счастье и слава, и что съ ея утратою, они всего лишились: въ вѣкахъ ближе къ нашему старались они возбуждать ихъ восторгъ къ Швейцаріи и Вильгельму Теллю, къ Нидерландамъ и Эгмонту; наконецъ Сѣверная Америка съ своими Вашингтономъ и Франклиномъ должна была осуществить для нихъ прекрасныя мечты ихъ отрочества. Съ такими поученіями, съ чистою и пылкою душой, въ самой первой молодости Карамзинъ отправленъ былъ путешествовать по Европѣ, которая тогда полна была надеждъ и ожиданій благополучнѣйшихъ послѣдствій отъ едва начавшейся французской революціи. Возвратившись, нѣкоторое время не скрывалъ онъ своихъ благородныхъ заблужденій, пока видъ Поль-

ши, погибшей отъ и посреди безначалія, и Франціи, политотъ кровію, не разочаровалъ его. Чадъ его давно прошелъ, но не забытый врагами, послужилъ къ его обвиненію. Невѣдвіе или доброта людей, управлявшихъ тогда дѣлами, спасли его: въ гнусномъ дѣлѣ увидѣли они одно литературное соперничество и съ пренебреженіемъ бросили его, не доводя до императора.

Правительственныя лица мало обращали вниманія на то, что касалось до словесности и политики; переводились, печатались и съ дозволенія цензуры продавались всѣ забавныя, веселыя и богомерзкіе романы Вольтера, *Кандидъ*, *Бѣлый-Быкъ* и *Принцесса Вавилонская*; за ними даже показался и *Кузь Матвѣй*. Со времени Екатерины, черезъ все царствованіе Павла и долго при Александрѣ издавался въ Москвѣ, нѣкіумъ Матвѣемъ Гавриловичемъ Гавриловымъ политическій журналъ. Тамъ между прочимъ помѣщались цѣликомъ рѣчи Мирабо, жирондистовъ и Робеспьера. Такая смѣлость должна бы была произвести, по крайней мѣрѣ, удивленіе; никто не вѣдалъ про содержаніе журнала и никто его нынѣ не помнитъ. Лѣнныые цензоры съ разсѣянностію пропускали его нумера; а названіе политическаго пугало и отгалкивало праздныхъ тогда и невѣжественныхъ Москвичей, малое же число читателей, тайно принимающихъ живое участіе въ сохраненіи его, не спѣшили разглашеніями. Самъ издатель, Гавриловъ, невѣдомо откуда имѣвшій средства къ поддержанію себя и журнала своего, лично былъ знакомъ съ немногими, чуждался сношеній съ извѣстными писателями, выставлялъ свое имя и скрывалъ свою особу, и какъ будто любилъ мракъ, въ который старался погрузиться.

Также особнякомъ, только не въ тѣни, жилъ и писалъ тогда въ Москвѣ еще одинъ сочинитель князь Иванъ Михайловичъ Долгорукой, бывшій при Екатеринѣ пензенскимъ вице-губернаторомъ. Въ твореніяхъ его было много ума, и оригинальности, и безобразія. Мнѣ кажется, ему не довольно отдавали справедливости; между стихами его много такихъ, замѣчательныхъ по силѣ чувства, мысли и выраженія, что не затверживая сохранялъ я ихъ въ памяти.

Все это при Павлѣ. Число литераторовъ при немъ было не весьма большое въ большой столицѣ. Но сколько въ обѣихъ столицахъ существовало ихъ непримѣтнымъ образомъ, сколько скрывалось по деревнямъ, сколько зрѣющихъ и

даже назрѣвшихъ талантовъ, чтобы воспрянуть, какъ будто дожидалось удобнаго времени: оно наступило. Я былъ тогда въ Москвѣ и помню это время; откуда что взялось? какъ будто изъ земли выросло! Все съ истиннымъ, равнымъ восторгомъ, но не съ равнымъ искусствомъ пустилось привѣтствовать и славословить Александра, все кинулось, кто къ трубамъ и къ лирамъ, кто къ балалайкамъ и гудкамъ, принимая одни за другіе, все загремѣло, заплѣло, запищало; однимъ одамъ счету не было, старый Херасковъ и студентъ Мерзляковъ удачнѣе всѣхъ воспѣли пришествіе молодого царя.

Прошелъ годъ; все поустоялось, поутихло и примѣтно увеличившееся сословіе начало приниматься за дѣло, еще мало писать, но составлять изъ себя общества и избирать предводителей. Настоящихъ партій, кромѣ петербургской и московской, быть не могло. Петербургская не замедлила обнаружить свой честолюбивый и нападательный духъ; она разсуждала логически, тамъ гдѣ царь, тамъ должна быть и первенствующая власть. Московская же по примѣру не главы своего, а образца и кумира, Карамзина, старалась сколь можно болѣе сохранять спокойствія и равнодушія къ симъ нападеніямъ.

Впрочемъ кажется и довольно трудно было бы кому-либо изъ сей партіи вступить въ ратоборство. Всѣ эти тогдашніе московскіе литераторы по большей части были все народъ смиренный. Постарася перечестъ и изобразить ихъ.

Первымъ, послѣ главныхъ, почитался Василій Львовичъ Пушкинъ, о которомъ сказали, что эпиграммы его дѣлають болѣе чести его сердцу, чѣмъ уму. Сибаритъ, франтъ, свѣтскій человѣкъ, онъ имѣлъ великое достоинство приучать ушеса щеголихъ, княгинь и графинь къ звукамъ отечественной лиры. Стихи его не были гениальны, за то благозвучны и напоминали собой благовоспитанный кругъ, въ которомъ родились. Только подъ конецъ, разгнѣванному до неблагопристойности, случилось ему въ одно время выйдти изъ себя и превзойдти себя. Въ такомъ расположеніи, съ помощію природныхъ добродушія и веселонравія, удалось ему написать небольшую сатиру *Опасный соседъ*, которая изумила, поразила его насмѣшниковъ, и заставила самыхъ строгихъ, серіозныхъ людей улыбаться соблазнительнымъ сценамъ, съ неимовѣрною живостію разказа, однакоже съ нѣкоторою пристойностію, имъ изображеннымъ. Напечатать такого рода

стиховъ не было возможно, но тысячи ихъ рукописныхъ копій, кажется, еще доселѣ сохранились. Не въ первый разъ приходится мнѣ говорить о семь Пушкинѣ, можетъ-быть и не въ послѣдній.

О Мерзляковѣ говорить мнѣ будетъ трудно: много слышалъ я о немъ и о сочиненіяхъ его, только безъ вниманія, и отъ того ихъ почти, а его вовсе не знаю. Мнѣ сдается, что въ словесномъ дѣлѣ былъ онъ то же, что въ военномъ искусствѣ великій тактикъ, которому не удалось выиграть ни одного сраженія. На нападку, на придирки изъ Петербурга, кажется, смотрѣлъ онъ какъ на дразги, недостойныя его вниманія. Гораздо, гораздо послѣ былъ онъ первый, который читалъ публичныя лекціи о русской словесности и въ университетской залѣ собиралъ вокругъ себя многочисленныхъ слушателей и слушательницъ.

Жуковскій еще мало былъ извѣстенъ въ первое пятилѣтіе Александрово. Куда ему было вступать въ полемику, когда всю жизнь онъ ея чуждался? Просторѣчивый и дѣтски или лучше сказать, школьнически шутливый, онъ уже былъ тогда весь исполненъ вдохновеній, но стыдливый, скромный, какъ будто колебался обнаружить ихъ передъ свѣтомъ. Не помню, въ 1803 или въ 1804 году дерзнулъ онъ показаться ему. Первый трудъ его, переводъ Греевой элегіи *Сельское кладбище*, остался не замѣченъ толпою обыкновенныхъ читателей; только немногіе, способные постигать высокое и давать цѣну изящному, съ перваго взгляда въ небольшомъ твореніи узнали великаго мастера. Года два спустя узнали его и, не умѣя еще дивиться ему, уже полюбили, когда, подобно пѣвцу о полку Игоревѣ, въ чудесныхъ стихахъ оплакалъ онъ падшихъ въ пораженіи Аустерлицкомъ. Видно въ славянской природѣ есть особенное свойство величественно и трогательно воспѣвать то, что другіе народы почитаютъ для себя унижительнымъ: доказательствомъ тому служатъ и сербскія пѣсни.

Въ Бѣлевскомъ уединеніи своемъ, гдѣ прожилъ онъ половину года, Жуковскій пристрастился къ нѣмецкой литературѣ и сталъ насъ подчивать потомъ ся произведеніями, которыя по формѣ и содержанію своему не совсѣмъ приходились намъ по вкусу. Упитанные литературою древнихъ и французскою, ея покорною подражательницей (я говорю только о просвѣщенныхъ людяхъ), мы въ выборахъ его

увидѣли нѣчто чудовищное. Мертвецы, привидѣнія, чертовщина, убійства, освящаемыя луною, да это все принадлежитъ къ сказкамъ, да развѣ англійскимъ романамъ; вмѣсто Геро, съ нѣжнымъ трепетомъ ожидающей утопающаго Леандра, представить намъ бѣшено страстную Ленору со скачущимъ трупомъ любовника! Надобень былъ его чудный даръ, чтобы заставить насъ не только безъ отвращенія читать его баллады, но, наконецъ, даже полюбить ихъ. Не знаю, испортилъ ли онъ нашъ вкусъ? по крайней мѣрѣ создалъ намъ новыя ощущенія, новыя наслажденія. Вотъ и начало у насъ романтизма.

Много говорилъ я о немъ и о талантѣ его во второй части записокъ моихъ. Боюсь повторять себя, но о необыкновенномъ человѣкѣ всегда сыщется сказать въ прибавокъ что-нибудь новое. Въ бесѣдахъ съ короткими людьми, въ разговорахъ съ ними до того увлекался онъ часто душевнымъ, полнымъ, чистымъ веселіемъ, что начиналъ молоть премилый вздоръ. Когда же думы засядутъ въ головѣ, то съ исключительнымъ участіемъ на землѣ начинаетъ онъ искать одну грусть, а живыя радости видитъ въ одномъ только небѣ. Оттого-то мало создавая, на ней все имъ выбранное, спѣшилъ онъ облекать въ его свѣтъ. Все тянуло его къ неизвѣстному, незримому, а имъ ужъ сильно чувствуемому: не такую ли нѣжною тоской наполнялись души первыхъ христіанъ? Отъ гадкаго всегда умѣлъ онъ удачно отворачиваться и, говоря его стихами, всю низость настоящаго онъ съ молода еще позабылъ и пренебрегъ. Въ немъ точно смѣшеніе ребенка съ ангеломъ, и жизнь его кажется длящимся превращеніемъ изъ перваго состоянія прямо въ послѣднее. Какъ я записался о немъ и какъ трудно разстаться мнѣ съ Жуковскимъ! Когда только вепомню о немъ, мнѣ всегда становится такъ отрадно; я самъ себя кажусь лучше.

Чтобы переходъ отъ него къ другимъ сдѣлать менѣ рѣзкимъ, назову я Макарова. Только не надобно смѣливать, между литераторами тогда въ Москвѣ ихъ было двое: Петръ и Михаилъ. Петръ Ивановичъ Макаровъ былъ отличный критикъ, ученый, добросовѣстный, безпристрастный, пристойный. Онъ подвизался въ журналѣ, имъ самимъ издаваемомъ, кажется въ *Московскомъ Меркуріи* и, разумѣется, болѣе за Карамзина. Это продолжалось не долго; онъ умеръ слишкомъ рано, едва въ зрѣлыхъ лѣтахъ, какъ много дру-

гихъ у насъ полезныхъ и достойныхъ людей. А Макаровъ 2-й удѣлялъ: я уже упоминалъ о немъ, какъ о товарищѣ моемъ въ московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ, какъ о трудолюбивомъ, бездарномъ, безконечномъ, нескончаемомъ писателѣ.

Между нимъ, княземъ Шаликовымъ и еще однимъ третьимъ составилъ крѣпкій союзъ, долго существовавшій. У меня глупая привычка всегда узнавать имя и отчество человека и потомъ сохранять ихъ въ памяти: итакъ третьего звали Борисъ Карловичъ Бланкъ; хорошо, что и это еще упоминалъ, за то уже ничего болѣе о немъ не знаю. Эти люди, въ совокупности съ какими-то другими, много, много, долго, долго писали, а что они писали? это нынѣ въ Москвѣ почти никто не помнитъ, и ихъ творенія, еще при жизни ихъ, только съ трудомъ отыскивались въ *Собранияхъ древнихъ рѣдкостей*. Всѣ они принялись передражничать Карамзина, и это въ Петербургѣ назвали его партией.

Одинъ только изъ нихъ, Шаликовъ, получилъ нѣкоторую извѣстность. Еще при Павлѣ писалъ онъ и печаталъ написанное, среди общаго молчанія почти одинъ любезничалъ и нѣжничалъ. Его почти одного только было слышно въ Москвѣ, *. У него видѣли манеру Карамзина и почитали будущимъ его преемникомъ.

Назову еще Владиміра Васильевича Измайлова. Онъ, говорятъ, былъ человекъ почтенный и добрый, только также черезъ-чуръ вдавался въ ложную чувствительность. Недавно попытался я прочесть путешествіе его въ полуденную Россію; и что же? слогомъ отиѣнно опрятнымъ написаны все пустяки, о коихъ не стоило говорить. Нѣтъ возможности читать это наркотическое произведеніе, скука и зѣвота такъ и одолеваетъ.

---

* Мнѣ сказывалъ Загоскинъ, что во время малолѣтства случилось ему съ родителями гулять на Тверскомъ бульварѣ. Онъ помнитъ толпу, съ любопытствомъ, въ почтительномъ разстояніи идущую за небольшимъ человекомъ, который то шибко шелъ, то останавливался, вынималъ бумажку и на ней что-то писалъ, а потомъ опять пускался бѣжать. „Вотъ Шаликовъ“, говорили шепотомъ, указывая на него, „и вотъ минуты его вдохновенія“.

Около 1806 года Карамзинъ пересталъ издавать *Вѣстникъ Европы* и передалъ его молодому другу своему, Жуковскому. Я говорилъ уже объ этомъ журналѣ въ предшествующей части сихъ записокъ. Примѣчательно въ немъ было быстрое развитіе таланта издателя, и до того уже необычайнаго; онъ росъ не подъ днямъ, а по часамъ, такъ что сама бѣдная, милая Лиза уже казалась дѣвчонкой въ сравненіи съ величественною Марею: что это за красота! и что за сила въ ея изображеніи! Съ этого времени онъ умолкъ и предался великому, безсмертному труду, съ высочайшаго соизволенія имъ предпринятому.

Про другіе московскіе тогдашніе журналы слышалъ я только вскользь. Помню что еще до *Вѣстника* при *Московскихъ Вѣдомостяхъ* еженедѣльно выдавался литературный листокъ, подъ названіемъ *Иппокрены* и что сей мутный, непримѣтный ручей текъ безъ всякаго шума. Послѣ, если не ошибаюсь, были и *Эфемериды*; а послѣ еще и *Меркурій*, издаваемый Макаровымъ, про который я уже говорилъ. Вдругъ вздумалось затѣйнику Макарову 2-му, который первому совсѣмъ не былъ родня, объявить объ изданіи *Амура*, подъ вымышленнымъ именемъ небывалой княжны Елисаветы Трубецкой. Дорого было пришлось ему расплатиться за эту совсѣмъ не умную проказу; всѣ Трубецкіе возстали, и начальство архивское едва могло дѣло сіе утушить.

Совсѣмъ въ иномъ духѣ, въ иномъ родѣ показался наконецъ *Русскій Вѣстникъ*. Для успѣховъ болѣе всего нужно умѣніе выбирать время. Когда изданіемъ сего журнала Сергѣй Николаевичъ Глинка сдѣлался извѣстенъ, Москвичамъ начинало уже тошниться отъ подслащеннаго рвотнаго, приготовляемаго другими журналистами и ихъ сотрудниками, и любовь къ отечеству примѣтно возрастала съ видимо умножающимися для него опасностями. Глинка былъ истинный патріотъ; безъ исключенія превозносилъ все отечественное, безъ исключенія поносилъ все иностранное. Пусть нынѣ смѣются надъ такими людьми, я люблю ихъ непреклонный характеръ цѣликомъ. Въ обстоятельствахъ, въ которыхъ мы тогда находились, журналъ его при всемъ несовершенствѣ своемъ былъ полезенъ, даже благодѣтель для провинцій.

Они съ Николаемъ Николаевичемъ Муравьевымъ въ одно время сдѣлались въ Москвѣ основателями двухъ своекоштныхъ, военныхъ, патріотическихъ школъ. Воины были тогда

нужнѣ всего. Муравьевъ взялся образовать молодыхъ дворянъ для пополненія ими великаго недостатка въ офицерахъ, чувствуемаго въ генеральномъ штабѣ и по части артиллерійской и инженерной. Преподавая имъ высшія математическія науки, онъ вселялъ въ нихъ и высокія чувства народной гордости. Глинка захотѣлъ быть просвѣтителемъ донскихъ казаковъ, и принялся за умъ и за сердце пылкихъ, дикихъ мальчиковъ. Довольно грубымъ, но пламеннымъ и имъ понятнымъ языкомъ вливалъ онъ въ нихъ любовь къ познаніямъ и къ великому ихъ россійскому отечеству.

Кто нынѣ рѣшится на столь славные и безкорыстные подвиги? кто хвалитъ ихъ? или кто помнитъ ихъ? или лучше кто знаетъ объ нихъ? Конечно патриотизмъ, эта не земная любовь къ земному есть чувство, которое въ самомъ себѣ находитъ муку и отраду: его ни поощрять, ни награждать нечего. . . . Одинъ изъ тѣхъ, о коихъ говорилъ, давно забытый, окончилъ вѣкъ въ сельскомъ уединеніи; другой просидѣлъ на гауптвахтѣ за неумышленное упущеніе по цензурѣ, но скорѣе за чистосердечную неукротимость свою, что навсегда и положило храненіе устамъ его. Почтенные люди, если послѣ меня въ какомъ-нибудь углу удѣляютъ небрежно составляемыя мною записки, то потому уже почитаю ихъ достойными храненія, что о заслугахъ вашихъ скажутъ они болѣе насъ, можетъ-быть, благодарному потомству.

Да что же ты ничего не говоришь о сенаторѣ-кураторѣ Кутузовѣ? скажутъ мнѣ; что съ нимъ сдѣлалось? или что онъ дѣлалъ? онъ отмалчивался, ни съ кѣмъ не ссорился и оставался представителемъ и корреспондентомъ Петербурга.

Гораздо опаснѣе его и гораздо его сердитѣе былъ новый противникъ, который сначала тайно, а потомъ явно возставалъ на Карамзина. Онъ также какъ и Зоиль былъ родомъ и душою Грекъ, находился профессоромъ исторіи въ Московскомъ университетѣ и назывался Михаилъ Трофимовичъ Каченовскій. Всѣ недруги его, а ихъ было много, отдавали справедливость его уму и учености: но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ онъ всѣ тѣ ненавистныя свойства, которыя отличаютъ Грековъ нынѣшняго и всѣхъ прошедшихъ временъ и которыя послѣ имѣлъ я случай такъ коротко у-

знать, безпокойный духъ, высокомеріе, пронырство, раздражительность и вѣчная жажда мести.

Въ это же время въ Москвѣ явилось маленькое чудо. Несовершеннолѣтній мальчикъ, Вяземскій, вдругъ выступилъ впередъ, и защитникомъ Карамзина отъ непріятелей, и грозюю пакуновъ, которые прикрываясь именемъ и знаменемъ его, безславили ихъ. Одинъ изъ богатыхъ и просвѣщеннѣйшихъ московскихъ вельможъ, князь Андрей Ивановичъ Вяземскій, чувствуя приближеніе смерти, поручилъ Карамзину воспитаніе и будущую участь единственнаго малолѣтнаго своего сына. Со всею силой нѣжнаго и пылаго сердца, ребенокъ привязался къ опекуну, второму отцу своему: а этому казалось, что Богъ даровалъ ему сына, и какого же?—исполненнаго благородства, ума и чувствительности. Можетъ быть снисходительность, слѣное къ нему, пристрастіе его, послѣ во многомъ повредили отроку, который слишкомъ рано захотѣлъ быть юношей и мужемъ. Карамзинъ никогда не любилъ сатиръ, эпиграммъ и вообще литературныхъ ссоръ, а никакъ не могъ въ воспитанникѣ своемъ обуздать браннаго духа, любовію же къ нему возбуждаемаго. А впрочемъ что за бѣда? дитя молодое, пусть его тѣшится: а дитя куда тяжелъ былъ на руку! какъ Иванъ Царевичъ, бывало князь Петръ Андреевичъ, кого за руку, рука прочь, кого за голову, голова прочь. И это было въ Москвѣ, гдѣ всегда съ нѣжнымъ восторгомъ говорятъ о Западѣ, и стараются подражать ему, а между тѣмъ въ обыкновенномъ быту сохраняютъ всѣ навыки Востока, гдѣ глупцы всегда состояли и состоятъ еще подъ защитою законовъ цѣлаго общества, высшаго, низшаго; гдѣ животныя всякаго рода хранимы также всеобщимъ скотолобіемъ, какъ въ Царѣградѣ собаки и кошки; гдѣ юродивые почитаются существами священными какъ делибаша во всей Азіи. Въ этомъ странномъ, старинномъ русскомъ, европействующемъ городѣ, гдѣ всякій, не опасаясь названія клеветника, можетъ по заочности такого-то и такого-то, иногда весьма честнаго человѣка, называть мошенникомъ, воромъ, злодѣемъ, бѣда если кто острымъ словомъ задѣнетъ дурака: а изъ Вяземскаго они такъ и сыпались.

Онъ могъ бы пострадать; какъ ни зубастъ онъ былъ, его бы забили: но онъ былъ молодецъ, богатый женихъ: и женщины, матери и дочери, охотно видя въ немъ будущаго зятя, или мужа:

стояли за него горой. Къ тому же вездѣ женщины болѣе способны понимать тонкости ума и во всѣхъ странахъ любятъ смѣлость мужчинъ, то и другое онѣ въ немъ находили, и всѣмъ составомъ своего пола отстаивали его. И не однѣ еще: онѣ скоро сдѣлался идоломъ молодежи, которую роскошно угащивалъ и съ которою дѣлилъ ея буйныя забавы. Да не подумаютъ, однакоже, что этотъ острякъ, смѣльчакъ былъ съ кѣмъ бы либо дерзокъ въ обращеніи; онъ всегда умѣлъ уважать полъ и лѣта. Балованъ рѣдныхъ, друзей и прекраснаго пола, при постоянныхъ успѣхахъ и среди многихъ заблужденій своей счастливой молодости, онъ никогда не зазнавался, всегда оставался доброжелателемъ, сострадательнъ и любящъ. Онъ служилъ доказательствомъ, что остроуміе совѣмъ не плодъ дурнаго сердца, а скорѣе живаго, веселаго нрава. О чрезвычайномъ стихотворномъ его талантѣ пока ни слова; будетъ еще мѣсто и время поговорить объ немъ, если проживетъ.

Мнѣ однакоже пришла охота показать здѣсь образчикъ этого таланта, тогда еще не созрѣвшаго. Шаликовъ объявилъ всѣмъ о намѣреніи своемъ отправиться за границу: за однимъ стало дѣло, за деньгами. Вяземскій воспѣлъ сіе несостоявшееся отбытіе. Я помѣщу здѣсь только то что изъ этихъ стиховъ припомню.

Съ собачкой, съ посохомъ, съ лорнеткой,
И съ муртовой отъ мошекъ вѣткой,
Подвязавъ розовымъ платкомъ,
Въ карманѣ пара мадригаловъ,
Съ едва звенящимъ кошелькомъ,
Вотъ какъ пустился нашъ Вдыхаловъ
По свѣту странствовать пѣшкомъ.

Прежде того прощаясь съ друзьями, Шаликовъ говоритъ имъ:

Прости Макаровъ, Фебомъ чтимый,
И ты, о Бланкъ неустошимый,
Единственный читатель мой.

Недавно дѣлалъ я поиски, и въ свѣдѣніяхъ, только что мною полученныхъ, открылъ бездну литературныхъ сокровищъ того времени, зарытыхъ въ забвеніи, и симъ кладомъ хочу подѣлиться съ читателемъ. Исключая *Вѣстника Европы*

(о которомъ ошибочно сказалъ я, что Карамзинъ передалъ его прямо Жуковскому, тогда какъ сей послѣдній гораздо послѣ два года издавалъ его вмѣстѣ съ Каченовскимъ, тогда еще не обнаружившимъ свои прекрасныя свойства) было еще нѣсколько неназванныхъ мною журналовъ. Вотъ ихъ названія: 1) *Журналъ пріятнаго, любопытнаго и забавнаго чтенія*, съ 1802 по 1804 годъ, издаваемый Панкратіемъ Сумароковымъ, 2) *Новости русской литературы*, съ 1802 по 1805 г., издаваемые Сохацкимъ и Побѣдоносцевымъ, 3) *Друзь просвѣщенія*, въ 1804 г., издаваемый двумя сенаторами: графомъ Хвостовымъ и Кутузовымъ, 4) *Журналъ для милыхъ*, въ 1804 г., издаваемый, разумѣется, Макаровымъ 2-мъ, 5) *Патріотъ, журналъ воспитанія*, въ 1804 г., издаваемый Владиміромъ Измайловымъ, 6) *Московский Курьеръ*, въ 1805 и въ 1806 гг., издаваемый опять Макаровымъ 2-мъ, 7) *Ученыя Вѣдомости*, въ 1805 и 1806 гг., издаваемая при университетѣ какимъ-то профессоромъ Буле.

Недаромъ Дмитріевъ въ одной эпиграмѣ сказалъ тогда:

Журналовъ тысячу, а книги ни одной.

Съ Москвою кое-какъ еще я справился: не знаю, какъ-то будетъ съ Петербургомъ.

Державинъ находился въ немъ въ томъ же самомъ состояніи успокоившагося патріарха, какъ Херасковъ въ Москвѣ, и тѣмъ самымъ передъ нею давалъ уже ему перевѣсъ, въ отношеніи къ словесности. Живо, онъ сопричтенъ уже былъ къ сонму боговъ: два верховные жреца, Шишковъ и Шаховской, ему поклялись и именемъ его управляли толпою мелкихъ служителей, дьячковъ, пономарей, звонарей Аполлона.

О счастливой мысли перваго, посредствомъ славянскихъ изреченій и оборотовъ украсить и усилить русскій языкъ, я уже говорилъ. Она родилась въ головѣ совсѣмъ не гениальной: тѣмъ не менѣе должны мы чтить память весьма почтеннаго, хотя немного смѣшнаго старца. Много говорилъ я и о послѣднемъ, можетъ-быть слишкомъ много.

О Крыловѣ неоднократно упоминалъ я. Въ изображеніи русскаго театра, объ Озеровѣ высказалъ все что зналъ. Мнѣ остается еще представить множество рядовыхъ писателей, которые слѣпо шли подъ знаменами двухъ вышесказанныхъ

предводителей, особенно же Шашкова; простых работников, которые словесностию, как ремесломъ, въ тихомолку промышляли. Ихъ ничтожество давно поглощено забвеніемъ, я не вижу ни возможности, ни нужды ихъ отсюда вытаскивать. Если же который взбредетъ мнѣ на память, то да проститъ мнѣ читатель, я не оставлю назвать его..

Между семи мелкими лицами, въ памяти моей возникаетъ одно крупное лицо, которое раза два мимоходомъ пришлось мнѣ назвать. Графъ Дмитрій Ивановичъ былъ извѣстенъ всей читающей Россіи. Для знаменитости, даже въ словесности, великіе недостатки болѣе нужны, чѣмъ небольшія достоинства. Когда и какъ затѣялъ онъ нѣсколько поколѣній смѣшить своими стихами, этого я не знаю: знаю только по наслышкѣ, что въ первой и въ послѣдующихъ за нею молодостяхъ, лѣтъ до тридцати пяти, слылъ онъ богатымъ женихомъ и потому присватывался ко всѣмъ знатымъ невѣстамъ, но онѣ отвергли его руку. Наконецъ, пришла одна княжна, племянница Суворова, которая едвали не столько же славилась глупостию, какъ дядя ея побѣдами. Этотъ союзъ вдругъ поднялъ его: будучи не совсѣмъ молодъ, неблагообразенъ и неуклюжъ, пожалованъ былъ онъ камеръ-юнкеромъ пятого класса, званіе завидуемое, хотя обыкновенно оно давалось осмнадцатилѣтнимъ знатымъ юношамъ. Это такъ показалось странно при дворѣ, что были люди, которые осмѣлились замѣтить о томъ Екатеринѣ. „Что мнѣ дѣлать, отвѣчала она, я ни въ чемъ не могу отказать Суворову: я бы этого человѣка сдѣлала фрейлиной, еслибъ онъ того потребовалъ.“

Тутъ начинается его извѣстность: придворный чинъ, родство съ Суворовымъ, большое состояніе, все это высоко цѣнилось; при этомъ поэзія его шла даромъ, никто не обращалъ на нее вниманія. А въ ней-то и видѣлъ онъ надежды на будущее свое величіе. Оберъ-прокурорство, сенаторство, леита, наконецъ графское достоинство, въ память Суворова, сардинскимъ королемъ ему дарованное, все это, конечно, тѣшило его тщеславіе, но не удовлетворяло честолюбія: ему хотѣлось прославиться, жить въ вѣкахъ. Обманывалъ ли онъ самъ себя насчетъ дарованія своего, или морочить хотѣлъ людей, чтобы при жизни насладиться ихъ рукоплесканіями? вотъ что трудно разобрать. Всю долготѣльную жизнь свою просуетился, промучился онъ напрасно только изъ

того, чтобъ его похвалили: желаніе это обратилось у него въ болѣзнь, въ чесотку, въ бѣшенство. Чего онъ не дѣлалъ? льстилъ извѣстнымъ авторамъ, дарилъ сочиненія свои книгопродавцамъ и нераспроданное самъ покупалъ, чтобы приступить къ другому изданію, кормилъ, угощалъ голодныхъ стихотворцевъ, ссужалъ ихъ деньгами. Хвалить его было имъ невозможно, никто не рѣшился бы на столь позорное дѣло, совѣстливые молчали, а безсовѣстные, надъ нимъ же ругались въ стихахъ. Вошло въ обыкновеніе чтобы всѣ молодые писатели объ него оттачивали перо свое, и безъ эпиграммы на Хвостова какъ будто нельзя было вступить въ литературное сословіе. Входя въ лѣта, его уступали новымъ пришельцамъ на Парнасъ, и такимъ образомъ цѣлый вѣкъ молодымъ ребятамъ служилъ онъ потѣхой.

Такое общее ожесточеніе можно бы назвать безчеловѣчіемъ, еслибы самъ онъ поступками своими не подавалъ безпрестанно повода къ насмѣшкамъ. За все брался онъ: сочинялъ, переводилъ трагедіи, комедіи, поэмы, оды, посланія, басни, одно хуже, одно нелѣпѣе другаго: метроманія нигдѣ еще не являлась въ столь смѣшномъ, неугомонномъ и запачканномъ видѣ. Неопрятность его была баснею Петербурга. Кажется, самъ онъ никогда не умывался, а въ комнатахъ его, подобныхъ хлѣвамъ, до того дышало заразительнымъ воздухомъ, что мифитизмъ стали знать подъ названіемъ хвостовизма. Онъ не принадлежалъ ни къ какой партіи, но втирался безъ разбору во всѣ литературныя общества и во всѣхъ оставался нулемъ, хотя, разумѣется, нигдѣ въ глаза не смѣли его дурачить.

Примѣчательны были также два Украинца, одинъ поэтъ въ отставкѣ, другой, въ семь званіи, только-что поступившій на службу. Оба они, несмотря на единовѣріе, единокровіе, единозваніе, на двухвѣковое соединеніе ихъ родины съ Россіей, тайкомъ ненавидѣли ее и русскихъ москалей, кацановъ. Это были Капнисть и Гнѣдичъ.

Василій Васильевичъ Капнисть женился на родной сестрѣ жены Державина. Онъ много написалъ стиховъ и весьма хорошихъ, и заключивъ поприще свое великимъ твореніемъ, называемымъ *Ябеда*, опустился на лавры. Не обращая вниманія на наши слабости, пороки, на наши смѣшныя стороны, онъ въ преувеличенномъ видѣ, на позоръ свѣту, представилъ преступныя мерзости нашихъ главныхъ судей и ихъ подчиненныхъ. Тутъ ни въ дѣйствиіи, ни въ лицахъ нѣтъ ни-

чего веселаго, забавнаго, а одно только ужасающее, и не знаю почему назвалъ онъ это комедіей. Лѣтъ сорокъ спустя, одинъ изъ единосемцевъ его, малорослый Малороссъ, коего назвать здѣсь еще не мѣсто, движимый тѣми же побужденіями, въ такомъ же духѣ написалъ свои комедіи и повѣсти. Не выводя на сцену ни одного честнаго русскаго человѣка, онъ предалъ насъ всеобщему поруганію въ лицахъ по большей части вымышленныхъ нашихъ губернскихъ и уѣздныхъ чиновниковъ. И за то, о Боже, половина Россіи провозгласила циника сего великимъ. *

Природа поставила Николая Ивановича Гнѣдича на той самой точкѣ, гдѣ кончается глупость и начинается умъ; но въ него съ этой точки довольно часто умѣлъ онъ дѣлать набѣги. Лицо его, которому, говорятъ, суждена была красота, изуредовано и изрыто было оспой, которая въ опустошительной ярости своей лишила его глаза. Муза его была чопорна, опрятна, суха и холодна какъ онъ самъ: на выдумки не была она великая мастерица, да и въ подражаніяхъ и переводахъ болѣе всего отличалась точностію и вѣрностію. По пріѣздѣ его первый разъ въ Петербургъ, обстоятельства его видно были до того плохи, что онъ рѣшился на неслыханное средство, на исканіе покровительства и помощи графа Хвостова. Въ посланіи къ нему, которое, къ счастью его, не было напечатано, но съ котораго, къ несчастію его, не всѣ успѣлъ онъ потомъ истребить копию, въ семъ посланіи, гдѣ умоляя его, старается онъ его разжалобить, находится между прочимъ этотъ стихъ:

И дурень я, и кривъ, и денегъ не имѣю.

Счастіе ему помогло: онъ скоро нашелъ другаго покровителя посильнѣе Хвостова, который, во вѣранныхъ управленіи его частяхъ, успѣлъ доставить ему покойныхъ мѣста два съ хорошимъ содержаніемъ. Тогда задумалъ онъ приступить къ труду важному, долготѣнному, который успѣшно онъ продолжалъ и счастливо кончилъ, къ переводу *Илиады*. Для поддержанія его въ семъ трудѣ испрошено ему было великое поощреніе, пенсіонъ въ полторы тысячи рублей отъ великой княгини Екатерины Павловны.

Говоря о русскомъ театрѣ, я называлъ нѣсколько человѣкъ, переводившихъ трагедіи. Литературныя ихъ достоин-

* Гоголь.

ства были такъ слабы, что сего было бы достаточно, еслибы въ нѣкоторыхъ изъ нихъ не было чего другаго примѣчательнаго. Напримѣръ преображенскій офицеръ, потомъ полковникъ и флигель-адъютантъ, Сергѣй Никифоровичъ Маринъ, переводчикъ *Меропы*, былъ военный острякъ, отъ котораго въ стихахъ крѣпко доставалось и словесникамъ, и свѣтскимъ людямъ. Они съ Шаховскимъ, будучи безсмѣльными у Александра Львовича Нарышкина, сдѣлались почти его домашними поэтами. Былъ еще къ нимъ въ прибавку и третій авторъ, не на одной ногѣ съ ними привятыи. Не знаю, какъ попалъ въ этотъ домъ одинъ бѣдный, своенравный и самолюбивый Грекъ, воспитанный въ кадетскомъ корпусѣ и въ немъ же потомъ служившій. Имя его было Геракосъ, которое на славяно-россійскій языкъ перевелъ онъ Гаврииломъ Гераковымъ, и любилъ, чтобы такъ его называли. Тогда въ Россіи стоило что-нибудь написать, да только напечатать, чтобы приписаться къ цеху даже ученыхъ: столько было смѣтливости въ Гераковѣ, чтобы это увидѣть, и онъ началъ что-то писать и отдавать въ печать. Его тщеславіе безпрестанно тревожили и кололи, а когда начиналъ онъ выходить изъ терпѣнія, то спѣшили успокоивать его какою-нибудь похвалою или лаской; право похвастать тѣмъ, что онъ коротокъ въ знатномъ домѣ было лучшей бальзамъ, врачевавшій раны, наносимыя его кичливости. Маринъ былъ его казню: въ пародіи стиховъ Державина на рожденіе порфиророднаго отрока онъ собираетъ у колыбели его колдуновъ и такимъ образомъ заставляетъ ихъ предрекать его будущность:

Будешь, будешь сочинитель
И читателей тиранъ,
Будешь, въ корпусѣ учитель,
Будешь вѣчно капитанъ.
Будешь, и судьбы рѣшилъ,
Ростомъ двухъ аршинъ съ верхкомъ,
И всѣ старцы подтвердили,
Будешь вѣкъ ходить пѣшкомъ.

Онъ пылалъ страстію ко всему прекрасному полу, восхвалялъ его въ прозѣ и вѣчно ругалъ нѣжныхъ своихъ московскихъ соперниковъ. Этимъ угодилъ онъ Шишкову и заслуживалъ отъ него самые лестные отзывы.

Нѣсколько словъ еще объ одномъ военномъ стихотворцѣ, однополчанинѣ Марина, объ офицерчикѣ Павлѣ Александровичѣ Катенинѣ, переводчикѣ *Суда* и *Говолли*. Круглолицый, полнощекій и румяный какъ херувимъ на вербѣ, этотъ мальчикъ вѣчно кипѣлъ какъ кофейникъ на конфоркѣ. Онъ былъ довольно хорошъ съ Шаховскимъ, ибо далеко превосходилъ его въ неистощимой хулѣ писателямъ; ни одному изъ нихъ не было отъ него пощады, ни русскимъ, ни иностраннѣымъ, ни древнимъ, ни новымъ, и *Виргилій* всегда бывалъ первою его жертвою. Мудрено завидовать людямъ двѣ тысячи лѣтъ назадъ умершимъ; можетъ-быть ему не хотѣлось быть на ряду съ обыкновенными людьми, почтительными къ давно признаннымъ достоинствамъ и смѣлостію сужденій стать выше ихъ: а скорѣе не было ли это слѣдствіемъ страсти его къ спорамъ. Въ новѣйшее время мы также знали одного поэта, только настоящаго, который въ словесной борьбѣ находилъ величайшее наслажденіе; но онъ бралъ діалектикой умомъ и всегда умѣлъ сохранять въ ней учтивость и хладнокровіе. * Катенину же много помогали: твердая память и сильная грудь; съ ихъ помощію онъ всякаго перекрикивалъ и долго продолжалъ еще спорить, когда утомленный противникъ давно отвѣчалъ ему молчаніемъ. Не изъ угожденія *Шушкову*, ибо онъ никому не хотѣлъ нравиться, а всѣхъ поражать, а такъ изъ оригинальности, въ надеждѣ служить примѣромъ, Катенинъ свои трагедіи, стихотворенія безъ мѣры и безъ искусства начиналъ славянизмами. И что это было? верхъ безвкусія и беземыслія. Видалъ я людей самолюбивыхъ до безумія, но подобнаго ему не встрѣчалъ. У него было самое странное авторское самолюбіе: мнѣ случилось отъ него самого слышать, что онъ охотнѣе проститъ такому человѣку, который назоветъ его мерзавцемъ, плутомъ, нежели тому, который хотя бы по заочности назвалъ его плохимъ писателемъ; за это готовъ онъ вступить съ оружіемъ въ рукахъ. Еслибъ онъ сталъ лучше прислушиваться, то ему пришлось бы драться съ цѣлымъ свѣтомъ.

И графъ *Сергѣй Павловичъ Потемкинъ* былъ тоже поэтъ и офицеръ, и того же *Преображенскаго* полка. Тройственный союзъ его съ *Шапошниковымъ* и *Висковатовымъ* не долго продолжался. Стихотворство у него было прихоть богача,

* *Хомяковъ*.

роскошь его: онъ любилъ не театръ, а актрисъ, не литературу, а маленькое меценатство. Онъ соскучился, женился, переѣхалъ въ Москву и тамъ принялся за другаго рода роскошь, болѣе блистательную, въ которой показалъ онъ гораздо болѣе вкуса и умѣнья, но которая довела его почти до нищеты. Оба товарища его пропали потомъ безъ вѣсти, какъ будто канули въ воду. Наши предки, которые, вѣроятно, слышали о Лейбъ, подъ этимъ разумѣли быть поглощену забвеніемъ.

Была еще пара писателей, которые, по сходству названій, всегда вмѣстѣ близнецами приходятъ мнѣ на память. Одинъ изъ нихъ, Евстафій Станевичъ, кажется Малороссіянинъ, переводчикъ Юнговыхъ *Ночей*, съ душою мрачною, почитался у насъ Рембрандтомъ поэзіи. Другой, Анастасевичъ, Полякъ, употребляемъ былъ графомъ Хвостовымъ для разныхъ послугъ. Замѣчательнъ былъ тѣмъ, что въ русскіе свои переводы и сочиненія вводилъ множество польскихъ словъ, западныхъ императоровъ называлъ *заходными* и слугъ именовалъ всегда халуями.

Пора мнѣ остановиться. Я вѣдь не взялся писать біографіи литераторовъ и исторію тогдашней литературы, а представить только то, что въ это время объ ней придетъ мнѣ на память. Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ, и я вижу, что если стану подбирать все щепки, то никогда не кончу сей главы.

Вообще въ первое десятилѣтіе Александрово, петербургскій, такъ-называемый, ученый міръ молодечествомъ и самохвальствомъ старался взять верхъ надъ московскимъ: а сей послѣдній, какъ бы смотря съ презрѣніемъ на варваровъ, хотѣлъ отличить себя отъ нихъ любезностію и нѣжностію, и какъ Донъ Кихотъ, въ Дмитріевой баснѣ, говорилъ грубіанамъ: „не бей меня, но пой“. Одни облекались въ броню и вооружались мечомъ; другіе вѣнчались розами и въ рукахъ держали свирѣль. Жаль только, что петербургскіе писатели со смѣлостію соединяли мало ума и таланта и что вѣчныя похвалы ихъ отечеству, какъ на примѣръ въ *Храмъ славы російскихъ героевъ*, новгородскаго губернскаго прокурора Павла Юрьевича Львова, никого не воспламеняя, на всѣхъ наводили сонъ и зѣвоту.

Владѣя безспорно Парнасомъ, не позволяя никому имѣть литературнаго мнѣнія противнаго ихъ мнѣніямъ и полагая

что мнимые ихъ противники осуждены никогда не покидать Москвы, петербургскіе главные писатели не могли предвидѣть, что противъ ихъ неограниченной, власти можетъ скоро составиться союзъ и заговоръ. И дѣйствительно, въ цѣломъ Петербургѣ всего на все былъ одинъ только не съ большимъ двадцати лѣтъ молодой человекъ, Блудовъ, полный ума и вкуса, который позволялъ себѣ явно осмѣивать ихъ недостатки и претензіи и писать на нихъ эпиграммы. Для обузданія его хотѣли они, хотя тщетно, употребить даже высшую власть. Прибывшій въ 1805 году Александръ Тургеневъ присталъ къ нему, но былъ болѣе его остороженъ. Я слушалъ ихъ съ удивленіемъ: мнѣ казалось странно и непонятно живое участіе, принимаемое ими въ семь дѣлъ. Мнѣ было не до Шшкова; я бредилъ тогда Лагарпомъ, Парни, Фонтаномъ и Шатобрианомъ.

Вдругъ пришла ужасная вѣсть. Въ Твери, у Екатерины Павловны, Карамзинъ читалъ императору Александру нѣсколько главъ своей исторіи, этой исторіи, гдѣ по словамъ ихъ должны были встрѣчаться все одни милые Святополки и вѣжные Мстиславы. Не прошло мѣсяца какъ Дмитріевъ назначенъ министромъ юстиціи и скоро прибылъ въ Петербургъ: и онъ прибылъ не одинъ, а привелъ съ собою немногочисленную, но избранную дружину. Его сопровождали три юноши, Милоновъ, Грамматинъ и Дашковъ; первые два были только-что поэтами, послѣдній тѣмъ, чѣмъ бы только захотѣлъ онъ быть. Огромный талантъ Милонова можно сравнить съ прекрасною зарей никогда не подыавшагося дня; много было его и въ Грамматинѣ, но онъ также далеко не пошелъ. Первый талантъ свой потопилъ въ винѣ; послѣдній зарылъ его въ деревнѣ, куда навсегда переселился хозяйничать. О Дашковѣ, о незабвенномъ Дашковѣ, о которомъ воспоминаніе останется всегда прекраснѣйшимъ въ моей жизни, здѣсь говорить не буду; въ эту минуту я не чувствую себя способнымъ достойнымъ образомъ изобразить его.

Обязанности государственнаго сановника во все не оставляли времени Дмитріеву заниматься литературой. Правда онъ часто принималъ у себя Блудова и Тургенева, за тихою трапезой съ ними и съ живущимъ у него Дашковымъ часто любилъ бесѣдовать о любимомъ предметѣ, между нами почиталъ себя какъ бы главою семейства, былъ отечески ласковъ и оказывалъ вѣжную снисходительность и покровительство Грам-

матину и Милонову. Конечно, все это можно было почитать зародышем оппозиціи, но ея еще не было, а противники замыслили уже задушить ее при самомъ рожденіи.

Этого мало: имъ хотѣлось, въ случаѣ первой неудачи, поставить твердый оплотъ противъ распространенія ея дальнѣйшихъ успѣховъ. Россійская Академія была тогда ветхое укрѣпленіе, почти на двѣ трети защищаемое ветеранами литературы. И хотя Шишковъ былъ уже ея душою и убылыя въ ней мѣста пополнялъ одними своими клеветами, но все еще упрямылся жить и президентствовать въ ней полумертвый, дѣйствительный тайный совѣтникъ Андрей Андреевичъ Нартовъ, не совсѣмъ ему покорный. Надобно было изъ-за нея воздвигнуть твердыню, которая, держа ея въ повиновеніи, служила бы ей въ одно время и защитою. Слѣдствіемъ глубоко обдуманнаго мѣрз, плодомъ искусно начертаннаго стратегическаго плана, было въ октябрѣ мѣсяцѣ 1810 года, рожденіе *Бесѣды любителей россійскаго слова*.

Обстоятельства чрезвычайно благопріятствовали ея учрежденію и началамъ. Мудрено объяснить состояніе умовъ тогда въ Россіи и ея столицахъ. По вкоренившейся привычкѣ не переставали почитать западъ наставникомъ, образцомъ и кумиромъ своимъ, но на немъ тихо и явственно собиралась страшная буря, грозящая намъ истребленіемъ или порабощеніемъ; люди, умѣющіе размышлять и предвидѣть, невольно тѣснились вокругъ знамени, на которомъ уже читали они слово: отечество. Пристрастіе къ Европѣ примѣтно начало слабѣть и готово было превратиться въ нѣчто враждебное; но въ ней была порабощенная Италія, страдающая и борющаяся Испанія, Германія, которая тайно молила о помощи, и Англія, которая не переставала предлагать ее. Воспрянувшее въ разныхъ состояніяхъ чувство патриотизма подѣйствовало, наконецъ, и на высшее общество: знатныя барыни на французскомъ языкѣ начали восхвалять русскій, изъявлять желаніе выучиться ему или притворно показывать будто его знаютъ. Имъ и придворнымъ людямъ натолковали, что онъ искаженъ, зараженъ, начиненъ словами и оборотами, заимствованными у иностранныхъ языковъ, и что Бесѣда составилаь единственно съ цѣлю возвратить и сохранить ему его чистоту и непорочность; и они всѣ взялись быть главными ея поборницами.

Маститый Державинъ, который воспѣлъ всѣ мнувшія

славы Россіи, для засѣданій Бесѣды отдалъ великолѣпную залу прекраснаго дома своего на Фонтанкѣ. Въ этой залѣ, ярко освѣщенной, какъ во храмѣ бога свѣта, не помню сколько разъ, зимою бывали вечернія, торжественныя собранія Бесѣды. Члены вокругъ столовъ занимали середину, тамъ же разставлены были кресла для почетнѣйшихъ гостей, а вдоль стѣнъ въ три уступа хорошо устроены были сѣдалища для прочихъ посѣтителей, по билетамъ впускаемыхъ. Чтобы придать симъ собраніямъ болѣе блеску, прекрасный полъ являлся въ бальныхъ нарядахъ, штатсъ-дамы въ портретахъ, вельможи и генералы были въ лентахъ и звѣздахъ, и всѣ вообще въ мундирахъ. Часть театральная, декорационная была совершенство; управлялъ ею, кажется, самъ Шаховской. Чтеніе обыкновенно продолжалось болѣе трехъ часовъ и какъ содержаніемъ, такъ и слогомъ статей отнюдь не отвѣчало наружному убранству великой храмины. Дамы и свѣтскіе люди, которые ровно ничего не понимали, не показывали, а можетъ-быть, и не чувствовали скуки: они исполнены были мысли, что совершаютъ великій патріотическій подвигъ, и дѣлали сіе съ примѣрнымъ самоотверженіемъ. Горе было только тѣмъ, которые понимали и принуждены были безпрестанно удерживать зѣвоту. Модный свѣтъ полагалъ, что торжество отечественной словесности должно предшествовать торжеству вѣры и отечества.

На подобіе государственнаго совѣта, составленнаго изъ четырехъ департаментовъ, и Бесѣду раздѣлили на четыре разряда, также какъ у него, въ каждый посадили по предсѣдателю, да еще каждому дали по попечителю. Это былъ сущій вздоръ, ибо въ предметахъ занятій между разрядами не было никакого различія. Потомъ было въ каждомъ изъ нихъ по нѣскольку членовъ и по нѣскольку членовъ-сотрудниковъ, которые составляли какъ бы канцелярію Бесѣды. Вообще, она имѣла болѣе видъ казеннаго мѣста чѣмъ ученаго сословія и даже въ распредѣленіи мѣстъ держались болѣе табели о рангахъ чѣмъ о талантахъ. Попечителями были предсѣдатели въ совѣтѣ, графъ Завадовскій и Мордвиновъ и министръ просвѣщенія, графъ Разумовскій; четвертымъ посадили министра юстиціи, Дмитріева. Почти всѣ вышепоименованные писатели попали въ члены, коихъ списокъ украшался именемъ Крылова, какъ вечернія собранія ихъ оживлялись немного чтеніемъ его басенъ. Въ числѣ со-

трудниковъ находились и нашъ Жихаревъ, который тогда еще былъ не нашъ, и Гречъ, о которомъ я тогда не имѣлъ еще никакого понятія. Крыловъ, хотя и выдалъ особу свою Бесѣдѣ, но, говорятъ, тайкомъ подсмѣивался надъ нею. Доказательствомъ тому поставляютъ вскорѣ послѣ ея открытія выданную имъ басню, *Квартетъ*, гдѣ проказница мартышка, оселъ, козелъ, да косопланный мишка спорятъ о мѣстахъ, и авторъ говоритъ имъ: „Друзья, какъ не садитесь, а въ музыканты не годитесь.“

Чтобы ни говорили, а Бесѣда, можетъ-быть не весьма съ похвальными намѣреніями основанная, по мнѣнію моему, была во многомъ полезна. Впервыхъ, самого Карамзина грубости Шишкова сдѣлали нѣсколько осмотрительнымъ; онъ указывалъ ему на средства дать болѣе важности и достоинства историческому слогу, болѣе онъ сдѣлать не могъ, а тотъ съ своимъ чудеснымъ умомъ и талантомъ не оставилъ ими воспользоваться. Нѣсколько молодыхъ писателей были поддержаны отъ жеманства, въ которое, по неопытности, могли бы впасть, глядя на московскихъ вздыхателей. Наконецъ покровительство и уваженіе, оказываемые въ столицѣ отечественной словесности правительствомъ и высшими сословіями, имѣли благотворное дѣйствіе на провинціи и нѣкоторымъ образомъ способствовали сближенію разныхъ состояній и согласію между ими, столь необходимому въ эту памятную эпоху.

Какъ ни велико было авторское полчище, набранное Бесѣдою, все еще оставалось много людей, упражняющихся въ литературѣ, которыхъ она воспріять не захотѣла или которые сами въ ней быть не пожелали. Въ это время число ихъ до того увеличилось, что можно было, по примѣру Ривароля до революціи, составить въ одномъ Петербургѣ маленькій словарь маловеликихъ людей. Служащій въ министерствѣ просвѣщенія Димитрій Ивановичъ Языковъ, человекъ ученый, переводчикъ Шлецерова *Нестора*, нашелъ, что изъ сихъ остатковъ можно создать еще новое особое общество, предложилъ имъ о томъ, получилъ ихъ согласіе, для заведенія выпросилъ одну изъ залъ опустѣвшаго Михайловскаго замка и сдѣлался первымъ президентомъ Общества Любителей Наукъ, Словесности и Художествъ.

Никто изъ членовъ его не смѣлъ и подумать вступить въ соперничество и борьбу съ Бесѣдой; хотя Дашковъ, Мило-

новъ и Грамматинъ были приняты въ число ихъ, однакоже умѣли сохранить нѣкоторую отъ нея независимость. Между ними были примѣчательны два человѣка: петербургскій Измайловъ, котораго звали Александръ Бѣимовичъ, да еще Александръ Христофоровичъ Востоковъ, который изъ любви къ Россіи бросилъ нѣмецкое прозваніе Остенекъ.

Первый былъ всѣмъ извѣстный баснописецъ въ родѣ Крылова. Между ними была та разница, что Крыловъ умѣлъ облагородивать простонародный языкъ, а этотъ сохранялъ ему всю первобытную его нечистоту. Однимъ словомъ, и всѣ въ томъ соглашались, это былъ Крыловъ на-веселѣ, зашедшій въ казарму, въ харчевню или въ питейный домъ.

Востоковъ, кажется, былъ нѣчто въ родѣ Мерзлякова, болѣе профессоръ поэзіи чѣмъ поэтъ, искусный учитель пѣнія, у котораго не было голоса. Онъ заикался, и это напоминаетъ мнѣ стихи его, о самомъ себѣ написанные:

Языкъ ему не доданъ смертныхъ,
Но данъ языкъ боговъ

Многіе увѣрили, что и на этомъ онъ заикается.

Еще было одно общество, но не столько литературное или ученое, сколько пріятельское. Оно состояло тогда изъ пяти или шести человѣкъ и собиралось только отобѣдать, потолковать или провести вечеръ у мецената своего, Алексѣя Николаевича Оленина, о которомъ также не здѣсь, а далѣе долженъ буду много говорить. Принадлежа ко всѣмъ и ни къ которой изъ партій или обществъ, члены оленинскіе, даже въ домѣ его, хлѣбосольномъ, для всѣхъ открытомъ, и принимаемая участіе въ общей веселости, составляли какой-то особый міръ, имѣющій особыя мнѣнія, особыя правила. Отличнѣйшими или отличными между ними были Крыловъ и Гнѣдичъ. Другихъ не назову кромѣ одного, Александра Ивановича Ермолаева, скромнаго, молчаливаго и ученаго человѣка по части русскихъ древностей. Онъ былъ изъ числа тѣхъ людей, кои, оторвавшись отъ житейскаго, всѣмъ духомъ своимъ погружаются въ любимую науку.

Труды свои одна только Бесѣда издавала періодически, книжками, послѣ каждаго собранія и публичнаго чтенія. Журналовъ въ продолженіе этого времени было много въ Петербургѣ, все менѣе, чѣмъ въ Москвѣ; но какъ уже я сказалъ, я мало ими занимался и не многіе помню. *Съверную Почту*

называть бы не слѣдовало, ибо это была офиціальная газета, называемая политической, но которой страницы обыкновенно наполнялись только одними почти извѣстіями объ успѣхахъ выдѣльванія свекловичнаго сахара и кунжутнаго масла, что было слѣдствіемъ продолжавшейся у насъ, по милости Наполеона, запретительной системы торговли. Она издавалась при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, подъ управленіемъ и покровительствомъ самого министра, Козодавлева, который хотѣлъ показать, какъ усердно онъ занимается мануфактурною частію.

Еще былъ *С.-Петербургскій Вѣстникъ*, да еще *Улей*, журналъ непозволительно безобразный и глупый, какъ по содержанию своему, такъ и по наружной формѣ: оберткой служила ему темносѣрая, толстая бумага съ волосьями, а издателемъ Анастасевичъ, подъ руководствомъ графа Хвостова.

Какъ бы мнѣ еще не забыть *Сіонскій Вѣстникъ*, и имъ заключить сію длиннѣйшую изъ всѣхъ главъ моихъ записокъ. Издателемъ его былъ Александръ Федоровичъ Лабзинъ, конференцъ-секретарь Академіи Художествъ, часть, которою онъ совсѣмъ почти не занимался. Сказывали, что онъ былъ человѣкъ строгой нравственности, живаго и пылкаго характера и что чистосердечіе его часто обращалось въ грубость. Онъ былъ ученикъ Николая Новикова, и журналъ его, можно сказать, былъ продолженіемъ *Утренняго Свѣта* и *Вечерней Зари*, гдѣхъ, конъ наставникъ его нѣкогда издавалъ въ Москвѣ. Нужно ли говорить, что онъ былъ чисто религіознаго содержанія, но въ духѣ мартинизма, имъ исповѣдываемаго, и наполненъ былъ мечтательностію, отвлеченностями, не многимъ понятными, и что оттого не многіе и читали его. По моему мнѣнію, христіанскій журналъ тогда только можетъ быть у насъ полезенъ, когда онъ будетъ вѣрующихъ еще болѣе утверждать въ православіи и распространять свѣтъ его между невѣрующими, а *Сіонскій Вѣстникъ* былъ явнымъ посягательствомъ на его права. Сильное дѣйствіе его обнаружилось послѣ, когда мистицизмъ усиливался разлиться по всему лицу земли русской. Зданіе ему въ охраненіе и въ честь его воздвигнутое, Библейское Общество, внезапно рушилось, расшилось и рѣдко гдѣ нынѣ можно встрѣтить его дребезги.

XI.

Несчастливымъ происшествіемъ начался печальный 1811-й годъ. Въ то самое время, когда всѣ тѣшились и плясали, встрѣчая его, Большой^а каменный театръ, близъ Коломны, заново отдѣланный, славный и обширный, ровно въ полночь загорѣлся; никакими средствами не могли унять пламя, и зарево его до утра освѣщало весь испуганный Петербургъ. Люди, которые ждутъ бѣды, во всемъ готовы видѣть худое предзнаменованіе. Одинъ только главный директоръ театра, Нарышкинъ, не терялъ веселости и присутствія духа: онъ сказалъ по-французски прибывшему на пожаръ встревоженному царю: „Ничего нѣтъ болѣе: ни ложь, ни райка, ни сцены; все одинъ партеръ, tout est par terre.“

Я шелъ въ это время пѣшкомъ къ себѣ на Малую Воскресенскую улицу съ Фурштатской, отъ сестры и зятя Алексѣевыхъ, которые за недѣлю до того пріѣхали. На столь дальнемъ разстояніи, меня такъ и обдало свѣтомъ. Вылѣчившись совершенно отъ ранъ, генераль Алексѣевъ спѣшилъ въ Финляндію принять начальство надъ доставшеюся, въ мирное время, ему на часть бригадой и недѣли черезъ двѣ потомъ туда уѣхалъ.

По убѣжденію Александры Петровны X—ой, съ которою дружба все продолжалась у насъ попрежнему, съ самой осени жилъ я противъ ея квартиры въ домѣ одного сенатора Болотникова. Заборъ этого двора не совсѣмъ еще достроеннаго дома, близъ Литейнаго двора, выходилъ прямо на Неву, и тѣмъ представлялось мнѣ пріятное удобство прогуливаться во всякое время, даже ночью, по гладкимъ, всегда вычищеннымъ гранитамъ ея набережной.

Согласно желанію той же X—ой, познакомился я и съ хозяйками дома; и они должны непременно войти въ опись встрѣченныхъ мною въ жизни странныхъ людей. Начнемъ съ супруга.

Во время первой молодости графа Бобринскаго, императрица Екатерина велѣла между кадетами сухопутнаго корпуса выбрать двухъ молодыхъ людей, которые бы отъ другихъ отличались особымъ прилежаніемъ къ нау-

камъ и примѣрнымъ поведеніемъ, чтобы сопутствовать ему за границу, куда посылала она его для довершенія его воспитанія. Выбраны были Борисовъ и Болотниковъ, произведены въ гвардіи офицеры и отправлены путешествовать. Про Борисова я ничего не знаю; а степенный, неподвижно серьезный Болотниковъ, вѣроятно, долженъ былъ находиться въ вѣчномъ разладѣ съ невоздержнымъ, расточительнымъ Бобринскимъ; они воротились непріятелями. Несмотря на то, государыня не лишила его своего покровительства и, немущій, мелкій дворянинъ, съ самымъ малымъ состояніемъ, но съ великою бережливостію и порядочнымъ пособіемъ могъ поддержать себя въ гвардіи до капитанскаго чина. Въ шведскую войну, при Екатеринѣ, находился онъ въ походѣ, влюбился во вдову убитаго подполковника фонъ-Бушена и женился на ней. Она была дочерью шлиссельбургскаго достаточнаго фабриканта, и отъ того и денежныя его обстоятельства значительно поправились.

Онъ былъ полковникомъ и командовалъ какимъ-то пѣхотнымъ полкомъ, когда Павелъ воцарился; при немъ онъ былъ произведенъ генераль-лейтенантомъ и отставленъ. „Будетъ съ меня“, сказалъ онъ, и поселился въ деревушкѣ, гдѣ-то въ соседствѣ съ Аракчеевымъ, и рѣдко являлся въ Петербургѣ.

Елизавета Христіановна, вдова фонъ-Бушенъ, урожденная Леманъ, имѣла всѣ права называться Нѣвкой, и она воспользовалась ими, чтобы сдѣлаться любезною и угодною графинѣ Ливенъ, воспитательницѣ великихъ князей. По ней, и второй супругъ ея, Алексѣй Ульяновичъ, пользовался милостію и покровительствомъ графини, тѣмъ болѣе что расчетливость его и точность, совсѣмъ не русскія, ей были очень извѣстны. Когда просватали Екатерину Павловну за принца Ольденбургскаго и начали заниматься составленіемъ ей особаго двора, то графиня Шарлотта Карловна рекомендовала генерала Болотникова вдовствующей императрицѣ, какъ человѣка самаго способнаго къ занятію должности гофмейстера, а съ другой стороны Аракчеевъ поддержалъ это предложеніе у государя. И дѣйствительно, съ качествами хорошаго нѣмецкаго эконома соединялъ онъ усердіе и смѣлость русскаго дядьки, который барское добро бережетъ какъ глазъ и, въ случаѣ нужды, можетъ поддерживать молодыхъ господъ. Съ этою мыслию отправился онъ въ Тверь и принявшись за дѣло, цѣлый дворъ заставилъ во всемъ нуж-

даться. Все вопіяло, и когда великая княгиня позволила себѣ ласково замѣтить ему, что въ такомъ усердіи есть нѣкоторая преувеличенность, то получила въ отвѣтъ, что обязанность его смотрѣть за тѣмъ, чтобъ она не предавалась излишней расточительности: и въ доказательство своихъ правъ, ее самое началъ морить съ голоду. Я замѣтилъ, что для людей и особенно для женщинъ, одаренныхъ необыкновеннымъ умомъ, нѣтъ болѣе мученія, какъ обязанности находиться въ обществѣ и въ безпрестанныхъ сношеніяхъ съ людьми самодовольными и безтолковыми; это у нихъ обращается въ нѣкотораго рода болѣзнь, которую другіе не хотятъ, или не могутъ понять. Можно себѣ представить досаду женщины, именовъ и головою подобной своей великой бабкѣ, смотря на неподвижное бревно, во всѣхъ самыхъ простыхъ дѣйствіяхъ ея жизни загораживающее ей дорогу. Долѣе пяти мѣсяцевъ онъ при ней оставаться не могъ, и окружающіе ее находили и это удивительнымъ.

Онъ долго служилъ въ Семеновскомъ полку вмѣстѣ съ Дмитріевымъ. Вѣроятно сей послѣдній находилъ его странности забавными, тайкомъ подсмѣивался надъ нимъ, ласкалъ его какъ нужнаго для себя чловѣка, а тотъ привязался къ нему, и наконецъ самъ Дмитріевъ былъ нѣжно къ нему расположенъ. Его сдѣлали министромъ юстиціи въ то самое время, когда шло дѣло объ избавленіи Екатерины Павловны, объ удаленіи Болотникова изъ Твери. Онъ могъ неприятнымъ образомъ быть отставленъ, но Дмитріевъ, пользуясь первоначальнымъ кредитомъ своимъ у государя, выпросилъ ему сенаторство, съ сохраненіемъ придворнаго мундира и всего весьма большаго содержанія, по званію гофмейстера имъ получаемаго....

Несмотря на безрассудность его поведенія при дворѣ великой княгини, слылъ онъ чловѣкомъ чрезвычайно дѣльнымъ и по всей справедливости называли его весьма трудолюбивымъ. Онъ хотѣлъ быть безпристрастнымъ и свѣдущимъ судіею и выикнуть въ существо каждаго дѣла, а понять дѣла самаго простаго не могъ онъ безъ величайшаго труда. Оттого Дмитріевъ въ шутку, хотя и въ глаза, называлъ его Долбинымъ, находя, что каждый вопросъ долбитъ онъ чтобы добраться до его смысла.

Я что-то ему не полюбился: во мнѣ еще оставалось довольно живости и откровенности, чтобы въ глазахъ его это

казалось вертопрашествомъ. Онъ на меня косо смотрѣлъ, едва мнѣ кланялся и мало со мной говорилъ, чему, признаюсь, я былъ очень радъ, ибо онъ мнѣ казался нестерпимо скученъ.

Изрѣдка посѣщалъ моихъ хозяевъ одинъ мой знакомый, мой землякъ, пензенскій помѣщикъ, отставной генераль-майоръ Алексѣй Даниловичъ Коніевъ. Онъ былъ извѣстенъ всей Россіи: въ сихъ запискахъ часто мимо его проходилъ я съ перомъ въ рукѣ; не знаю какъ ускользалъ онъ отъ него; теперь не долженъ увернуться. Начертаніе его біографіи, если не для читателя, то для меня самого будетъ весьма занимательно.

Правда ли или нѣтъ, что отецъ его былъ еврейскаго происхожденія, какое мнѣ до того дѣло; довольно съ меня и того, что Даниилъ Самойловичъ Коніевъ (котораго знаю только по наслышкѣ) принадлежалъ къ націи благородно-мыслящихъ и дѣйствующихъ людей. Отецъ его былъ первый вице-губернаторомъ въ Пензѣ, когда Ступишинъ былъ губернаторомъ. Вдову его, Надежду Карповну, урожденную Ельчанинову, я знавалъ; она до глубокой старости оставалась въ Пензѣ, гдѣ и скончалась. При большомъ природномъ умѣ, не было ни одной женской добродѣтели, которой бы она не имѣла, а слабость одну, чрезмѣрную любовь къ дѣтямъ своимъ. Въ злости людской видѣла она одну только болѣзнь и молила Бога объ исцѣленіи ея одержимыхъ. И въ городѣ, гдѣ были довольно равнодушны къ сверхъестественнымъ доблестямъ, всѣ ее уважали, ибо смиреніе ея было исполнено достоинства.

Отъ этой четы, сверхъ четырехъ или пяти дочерей, родилось одно чадо мужескаго пола; это нашъ герой. Въ немъ не было ни злости, ни недостатка въ умѣ, ни одного изъ пороковъ молодости, которые иногда остаются и въ старости, а со всѣмъ тѣмъ трудно было бы приискать что-нибудь ему въ похвалу. Всѣ его молодые современники щеголяли безбожествомъ и безнравственностію болѣе въ рѣчахъ чѣмъ въ поступкахъ, и это давало имъ видъ веселаго, но нестерпимаго безстыдства: онъ старался ихъ превзойти. Будучи офицеромъ гвардіи въ Измайловскомъ полку, онъ прославился насмѣшками надъ честнымъ, довольно строгимъ, но не отличавшимся умомъ начальникомъ своимъ, Арбеновымъ, о которомъ уже я говорилъ. Все сходило ему съ рукъ, по добро-

душю и невниманію этого начальника, и все болѣе умножало его смѣлость. Его репутація, какъ остряка и балагура, дошла до князя Зубова, который, по примѣру князя Потемкина, имѣлъ свиту огромную, безчисленную, составленную изъ адъютантовъ, ординарцевъ и чиновниковъ для порученій: онъ помѣстилъ его при себѣ съ чиномъ армейскаго подполковника. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, послѣднихъ царствованія Екатерины, всѣ покровительствуемые Зубовымъ и при немъ состоящіе пользовались совершенною безнаказанностію. Копіевъ былъ еще довольно молодъ, а молодости, если не все, то многое прощается, проказничалъ же онъ болѣе рѣчами, и къ его забавной наглости были сходительны даже въ большомъ обществѣ.

По вступленіи Павла на престолъ, Зубовъ низвергнуть и Копіевъ остался безъ опоры съ своими пресловутыми фарсами. Всѣ тогда роптали на перемѣну мундирной формы по старинному прусскому образцу, и Копіевъ пожелалъ угодить общему мнѣнію. Онъ, какъ говорили тогда, выкинулъ штуку: заказалъ себѣ въ преувеличенномъ видѣ все, ботфорты, перчатки съ раструбами, прицѣпилъ уродливую косу и пукли, и въ этомъ шутовскомъ нарядѣ явился къ императору, который, впрочемъ, удовольствовался тѣмъ, что виновнаго посадилъ на сутки подъ арестъ и велѣлъ отправить въ драгунскій полкъ, къ которому онъ принадлежалъ и который стоялъ въ Финляндіи. Анекдотовъ про него была куча, онъ не унимался, по старой привычкѣ неосторожно вралъ. Это ему даромъ не прошло: онъ разжалованъ въ рядовые и записанъ въ гарнизонный полкъ тамъ же въ Финляндіи. Въ семь горестномъ положеніи влюбился онъ въ единственную дочь одной небогатой помѣщицы, которая, къ его счастью, согласилась ее за него выдать. Донесеніемъ этого событія умѣли искусно разстрогать, разжалобить императора, который велѣлъ отставить его прежнимъ подполковничьимъ чиномъ, но тамъ же въ Финляндіи оставить на жительство. Тогда самъ онъ купилъ тамъ помѣстье и думалъ поселиться въ немъ на вѣки. Въ первые мѣсяцы при Александрѣ, Паленъ и Зубовы вызвали Копіева изъ заточенія и въ сравненіе съ сверстниками доставили ему прямо чинъ генераль-майора; но времена перемѣнились, и послѣ того никогда уже онъ употребленъ быть не могъ.

Онъ теперь болѣе чѣмъ въ пожилыхъ годахъ. Не одинъ десятокъ лѣтъ оставался онъ, можно сказать, въ неподвижномъ состояніи.... Съ Болотниковымъ онъ сродствовалъ скупостію; но у того хотя все было въ обрѣзъ, за то все опрятно, а у этого и мебель, и люди, и самъ онъ, все оборвано, все завакано, все засалено, не отъ небрежности, а отъ износки. Онъ вѣкъ проходилъ въ зеленомъ фракѣ; увѣряли, что для того скупаетъ онъ поношенное сукно съ билліардовъ, и что замѣтны даже были пятна, напоминающія мѣста гдѣ становились шары. И онъ же всегда ругался надъ графомъ Хвостовымъ, утверждая, будто его назвать нельзя безъ „съ позволенія сказать“. Веселый умъ всегда встрѣчалъ я съ удовольствіемъ, и я вкушалъ Копіева, какъ говорятъ Французы, но признаюсь, иногда и мнѣ отъ него тошнилось.

Я не называлъ его между литераторами, потому что онъ совсѣмъ съ ними не водился, хотя такъ, про себя, и писалъ стихи и драматическія творенія. Его шутовски забавныя комедіи: *Лебедянская Ярмарка*, *Княгиня Муза* и другія, были играны при Екатеринѣ съ успѣхомъ и напечатаны. Онъ любилъ русить иностранныя слова; у него выше сего заимствовалъ я слово *апронье*; про лифляндскихъ помѣщиковъ говорилъ онъ, что у кого изъ нихъ болѣе помѣстьевъ, тотъ и *фоннье*. Изъ множества стиховъ, коими иногда душилъ онъ меня, одно четверостишіе осталось у меня въ памяти. Онъ питалъ любовь къ какой-то княжнѣ, которая на нее не отвѣчала, что приписывалъ онъ холодности ея сердца, и онъ написалъ:

Боже, Ты, ее создавши,
Иль мой пламень утужи,
Иль, всѣ прелести ей давши,
Даи хоть крошечку души.

Онъ всегда шутилъ надъ семейными и супружескими добродѣтелями, а былъ вѣренъ и преданъ женѣ своей, благонравной, скромной и пристойной, и безъ памяти любилъ дѣтей; ни противъ кого не имѣлъ ни злобы, ни зависти, а ни о комъ не умѣлъ сказать хорошаго слова; для краснаго словца, какъ говорилось тогда, не щадилъ онъ, если не отца, то мать и сестеръ, къ коимъ, впрочемъ, чрезвычайно былъ привязанъ. Наклонности, полученныя нами въ первой молодости, видно ничто исправить не можетъ.

Разъ, вечеромъ, встрѣтилъ я его у Болотниковой, и онъ вдругъ предложилъ мнѣ прокатиться съ нимъ въ Финляндію, для свиданія съ сестрою и зятемъ. Это было въ концѣ марта, и между многими другими препятствіями, замѣтилъ я ему, что совершенная распутица; онъ увѣрялъ меня, что зимній путь тамъ еще мѣсяцъ простоить. Вотъ какая была у него цѣль: онъ жену и весь домъ давно уже отправилъ на все лѣто въ деревню, а при немъ находился одинъ только человекъ, котораго непременно надобно было ему оставить въ Петербургѣ; онъ разчитывалъ, что при мнѣ вѣрно будетъ слуга, и что въ зимней перекладной повозкѣ, издержки пополамъ, ѣзда будетъ стоить ему дешевле, и что такимъ образомъ выиграетъ онъ и деньги, и прислугу, и общество. Не знаю какъ онъ сдѣлалъ, только меня подговорилъ. Не видя никакой надежды скоро получить мѣсто съ жалованьемъ, я все рѣже сталъ являться въ канцелярію къ Рибопьеру и едва въ мѣсяцъ разъ туда показывался: для кратковременной отлучки мнѣ отпуска просить было не нужно, такъ я думалъ по крайней мѣрѣ, подорожная была у Копіева, и сборы мои не могли также быть велики.

Мы выѣхали или, лучше сказать, мы вышли изъ Петербурга 30 марта, въ четвергъ на страстной недѣлѣ. Какъ выше сказалъ, я жилъ на берегу Невы; онъ зашелъ ко мнѣ и мы стали перебираться по настиленнымъ мосткамъ черезъ гибкій и мѣстами треснувшій ледъ на Выборгскую сторону; за нами несли наши чемоданы. На противоположномъ берегу въ это время обыкновенно дожидаются повозки съ конями; но какъ на улицахъ была вездѣ одна жидкая грязь, то, положивъ въ нихъ пожитки наши, мы сами не сѣли, а предпочли идти пѣшкомъ по доскамъ, возлѣ домовъ, до самой заставы. За нею едвали было лучше, и мы шагомъ до станціи Драншиковой должны были тащиться по голой землѣ. Далѣе, дѣйствительно Копіевъ былъ правъ, и мы нашли зимній путь, если не лучший, то, по крайней мѣрѣ, возможный.

Мы лежали покойно въ извѣстныхъ чухонскихъ, длинныхъ и крытыхъ саняхъ, которыхъ, не знаю, сохранилось ли еще употребленіе. Веселость его, которую никакая печаль не въ силахъ была омрачить, многорѣчіе его, которое никакое приличіе не могло остановить, дорогой, въ темнотѣ, сначала служили мнѣ пріятнымъ развлеченіемъ; но когда сонъ сталъ

меня одолевать, то превратились въ столь нестерпимое мученіе, что я, наконецъ, принужденъ былъ униженно просить его превосходительство, чтобъ оно умолкло.

На другой день, рано поутру, пріѣхали мы въ Кексгольмъ, сдѣлавъ всего только 140 верстъ и остановились на все утро у какого-то Финна, пріятеля г. Копіева. Я ходилъ смотрѣть упраздненную крѣпость и въ ней показывали мнѣ семейство Пугачева, не знаю зачѣмъ все еще содержавшееся подъ стражею, хотя не весьма строгою. Оно состояло изъ престарѣлаго сына и двухъ дочерей; простой мужикъ и крестьянка, которыя показались мнѣ смирными и робкими. Обѣдали мы не весьма вкусно; насъ подчивали чухонскимъ кушаньемъ; между прочимъ кормили салакушкой съ молокомъ, и въ молоко же вареною черникой, да кнакебрѣ, сушеными лепешками, а посла швадрикомъ, квасопивомъ. Послѣ обѣда отправились мы прямо на мызу Копіева, отъ Кексгольма въ 20 верстахъ лежащую.

Какой странный былъ онъ человѣкъ! Ко всемъ другимъ недостаткамъ своимъ присовокупялъ онъ удивительное хвастовство. Мы ѣхали къ нему, и онъ увѣрялъ меня, что я увижу чудеса, замокъ на скалѣ, съ идущею внизъ мраморною лѣстницею прямо къ озеру и стоящему на немъ маленькому флоту, изъ мачтовыхъ судовъ разныхъ величинъ. Онъ не подумалъ, что часа черезъ полтора, черезъ два обманъ его долженъ мнѣ открыться. Мы подъѣхали, и дѣйствительно тутъ были скала и озеро: земля Финновъ имъ изобилуетъ; но на скалѣ, вмѣсто замка, стоялъ самый простой деревянный домъ, какіе внутри Россіи бывають у мелкопомѣстныхъ дворянъ, неправильно выдолбленныя въ гранитѣ ступени замѣняли выдуманную имъ лѣстницу, и двѣ рыбацьи лодки, затертыя еще льдомъ, составляли его флотъ. Взглянувъ на это, я не утерпѣлъ улыбаясь замѣтить ему, что 1-е апрѣля еще не наступило, а будетъ только завтра, и онъ ни мало не разсердился. Добрая хозяйка меня встрѣтила съ удовольствіемъ, хотя нѣсколько смутилась отъ неожиданнаго моего пріѣзда; ей совѣстно было кому-нибудь изъ Петербурга показать свое деревенское житъе: однакоже ея попеченіямъ остался я обязанъ за тощій ужинъ и опрятную постель, которые мнѣ дали. Самъ же хозяинъ чрезвычайно торопилъ меня ѣхать, чтобы мнѣ поспѣть къ свѣтлому празднику, въ назначенное мнѣ мѣсто, до котораго оставалось еще 150 верстъ. Чтобы не

дать мнѣ у себя обѣдать, онъ безъ всякаго дѣла провелъ то утро въ Кексгольмѣ и рано на другой день отпустилъ меня безъ чаю.

Названія Копьевской мызы я теперь не знаю, только помню, что оно оканчивалось на эрви или на лаксъ. Изъ нея путешествіе было для меня не совсѣмъ веселое; я могъ на каждой станціи быть остановленъ; къ счастью въ этомъ заходустѣ ни на одной не было зрителя и нигдѣ не спрашивали у меня подорожной, которой у меня не было. Ужасы дикой природы могли бы лѣтомъ быть очаровательны, а зимой я не прельщался ими даже среди Алтайскихъ горъ; вѣхаль я не шибко, ибо мѣстами санный путь прерывался и я тащился по обнаженнымъ уже камнямъ; наконецъ, что всего досаднѣе, цѣлые сутки я голодалъ, ничего не находя кромѣ черстваго ржанаго съ мякиной хлѣба, и послѣдній день поста былъ осужденъ на самый строгій постъ. Ночью сдѣлалось очень холодно, морозу я думаю было градусовъ пять или шесть; закрытый въ повозкѣ, я вдругъ услышалъ вопли; пойма, какъ зовутъ чухонскихъ мальчиковъ, который везъ меня, плохо одѣтый, весь оборванный, рыдалъ и плакалъ; высунувшись, мы съ человѣкомъ моимъ спросили: о чемъ? бѣднѣшка, весь окоченѣвъ, не могъ и на своемъ языкѣ намъ отвѣчать и уже не держалъ возжей. Слуга мой предложилъ сѣсть на его мѣсто и на волю Божию править лошадьми, а его положить въ повозку и прикрыть бывшимъ со мною заячьимъ одѣяломъ. Это было около полуночи или за полночь: вотъ положеніе, подумалъ я, когда добрые люди, православные христіане, стоятъ у заутрени, молятся и радостно внимаютъ восклицанію Христосъ воскресъ, я не знаю даже не потерялъ ли дороги и не пропаду ли среди незнакомыхъ мнѣ мѣстъ. Однакоже Богъ помогъ, и мы пріѣхали на станцію, на которой и сдали мальчишку съ отмороженными пальцами на одной ногѣ; а часу въ десятомъ утра и въ самый городъ Нейшлотъ, гдѣ находился штабъ бригады и полка моего зятя.

Онъ меня совсѣмъ не ожидалъ и отъ того пріѣздъ мой въ такой день, въ такой пустынѣ, его съ женой еще болѣе обрадовалъ. Я самъ на нѣсколько минутъ позабылъ свой голодъ, но потомъ съ необыкновеннымъ рвеніемъ приступилъ къ купечу, къ пасхѣ и къ крутымъ яйцамъ. Долго я не хотѣлъ оставаться, но родные просятъ, сегодня да завтра, постой да погоди, такъ что я пробылъ тутъ до 15 апрѣля. Слѣдо-

вательно болѣе чѣмъ достаточно имѣлъ времени узнать все нейшлотское общество; да узнать-то было почти нечего.

Два нѣмецкія семейства, Брамбургъ и Шаренбергъ, не знаю какъ туда попавшихъ, да третье финское Тавастъ составляли это общество. Послѣдніе два жили болѣе скромно, а первый г. Брамбургъ почитался роскошнымъ человѣкомъ, мотомъ. Судя по вечеринкѣ, которую онъ далъ намъ на мызѣ своей, въ двухъ верстахъ отъ города, можно было полагать, что проматывать ему нечего. Былъ также въ крѣпости русскій комендантъ съ своею комендантшей, прекуриозно забавною женщиной, дочерью какого-то генералъ-майора Горемыкина, о чемъ она безпрестанно твердила. Примѣчательнѣйшее же лицо былъ бургомистръ или рагманъ, русскій купецъ Илья Родіоновъ, который славно выучился по-шведски и по-фински, для котораго кажется нарочно придумано названіе продувной, и который тамъ всѣмъ ворочалъ: такіе люди, если умѣть ихъ употребить, довершаютъ завоеваніе края, начатое оружіемъ. Вообще у всѣхъ Русскихъ и не Русскихъ видны были чистота и бѣдность.

Одинъ весьма небогатый человѣкъ жилъ между ними царькомъ, это Алексѣевъ: но онъ былъ хлѣбосоль, былъ русскій генералъ съ русскими привычками. На его частые и сытные обѣды, хотя не многолюдные по тѣснотѣ дома, приходилъ попеременно откармливаться весь этотъ голодный народъ: изъ кушанья, сколько бъ его ни было, ничего не оставалось, ниже крохи хлѣба. Дивясь черезчуръ почти-тельному его обхожденію съ пасторомъ и важности, съ которою сей послѣдній принималъ ото всѣхъ привѣтствія, я спросилъ его о причинѣ. „Что дѣлать, братецъ? отвѣчалъ онъ мнѣ, я люблю хорошо поѣсть, а эти проклятые Чухонцы безъ его приказанія за мои же деньги ничего не смѣютъ мнѣ отпустить; по его милости я всегда сытъ.“ Надъ низшимъ сословіемъ, надъ мужиками имѣлъ онъ ту же моральную власть, которую Родіоновъ имѣлъ тутъ надъ высшимъ.

Какъ ни малъ былъ городокъ Нейшлотъ, но въ немъ находилса тогда танцевальный клубъ, помѣщавшійся въ невысокомъ и весьма необширномъ домѣ. Въ продолженіи двухнедѣльнаго моего тамъ пребыванія, семь разъ я видѣлъ танцы: два раза въ клубѣ, четыре раза у зятя моего и одинъ разъ у Брамбурга. Тамъ гдѣ есть Нѣмочки, кавалерійскіе

офицеры и полковая музыка, и нѣтъ большихъ прихотей, тамъ состряпать балъ дѣло весьма не трудное. Только странно, что между танцующими дѣвицами и молодыми женщинами не находилъ я ни одного путнаго лица: отъ того-то еще прелестнѣе казалась жена полковаго командира Митавскаго драгунскаго полка, Родіона Федоровича Гернгросса, Анна Федоровна, урожденная фонъ-Брадке. Она была великая мучительница, ибо была прекрасна, привлекательна, привлекающа и недоступна.

Одна улица, не слишкомъ длинная, выстроенная на продолговатой скалѣ, составляетъ весь городъ Нейшлотъ. Крѣпость, коей стѣны выложены камнемъ, построена на каменистомъ острову большаго озера Соймы, величиною уступающаго одному только Ладожскому, ему сосѣднему озеру: посредствомъ небольшого моста чрезъ узкій проливъ, крѣпость соединяется съ городомъ. Отъ бездѣлья, мнѣ часто случалось гулять по крѣпостному валу и глядѣть на необозримое водное пространство, не оживляемое ни одною ладьею: и это зрѣлище, даже освѣщаемое яркимъ солнечнымъ свѣтомъ, всегда наводило на меня ужасную тоску. Мнѣ сказывали, что крѣпость эта нынѣ упразднена; она прежде находилась на самой шведской границѣ, но года за полтора до этого граница была уже отодвинута на восемьсотъ верстъ.

Воротиться по той дорогѣ, по которой я пріѣхалъ, сдѣлалось не возможно. Мнѣ оставалось одно средство—ѣхать небольшими озерами, еще покрытыми крѣпкимъ льдомъ, по другой дорогѣ, сдѣлавъ небольшой крюкъ; итакъ взявъ подорожную на имя моего служителя, я отправился въ обратный путь. Далѣе маленькаго города Вильманштранда сей удобною ѣздой я пользоваться не могъ, но все-таки нѣкоторое время могъ ѣхать на полозьяхъ. Известно, что въ Финляндіи употребляются большіе треугольники для разчистки и углаживанія зимнихъ дорогъ: они, раздвояя снѣгъ и отбрасывая его по обѣимъ сторонамъ, наконецъ образуютъ изъ него двѣ высокія стѣны, между которыми ѣдешь какъ въ ящикѣ. Когда наступитъ весна, то безпрестанно сметаемый съ дороги снѣгъ скоро на ней исчезаетъ, и ящикъ, наполняясь водою, превращается въ канаву. Это нашель я, но на счастье мое, къ вечеру сдѣлался изрядный морозъ, отъ котораго поверхность снѣжной стѣны окрѣпла и оледенѣла,

и по этой гладкой равнинѣ всю ночь быстро проскакалъ я до самаго губернскаго города Выборга.

Мнѣ хотѣлось на него хорошенько взглянуть, и для того на почтовомъ дворѣ часа на два остановился я въ немъ. Наружность его мнѣ довольно понравилась; я могъ почитать себя въ одномъ изъ петербургскихъ предмѣстій, тѣмъ болѣе что на улицахъ встрѣчалъ я почти одинъ русскій народъ и слышалъ одинъ русскій языкъ. Также какъ и въ Нейшлотѣ, во всѣхъ другихъ малыхъ городахъ Старой Финляндіи, Кареліи или Саволакса, всѣ главныя лица отъ купеческихъ и мѣщанскихъ выборовъ были изъ Русскихъ. Оно иначе быть не могло; на столь близкомъ разстояніи отъ первенствующаго града царства русскаго, его побѣдоносные жители въ продолженіи почти цѣлаго столѣтія, должны были въ семь краю заступитъ мѣсто удалившихся Шведовъ и взять верхъ надъ слабыми Финнами и Карелами, его населяющими. Удержусь на этотъ разъ отъ горькихъ и досадныхъ размышленій, возбуждаемыхъ во мнѣ воспоминаніемъ о добровольномъ отчужденіи сего края отъ Россіи: скоро придется мнѣ о томъ говорить.

Въ Выборгѣ* долженъ былъ уже я сѣсть въ чухонскую одноколку, короткій ящикъ на двухъ довольно высокихъ колесахъ. Оставалось мнѣ еще 132 версты, и всякій шагъ впередъ къ Петербургу было все менѣе снѣга. Эта ѣзда мнѣ показалась гораздо безпокойнѣе чѣмъ на нашихъ перекладныхъ; я долженъ былъ сидѣть на корточкахъ, согнутый вдвое. Утомившись, измучившись, ночью на какой-то станціи рѣшился я остановиться, чтобы нѣсколько часиковъ отдохнуть. На другой день, 18 апрѣля, рано поутру, былъ уже на берегу Невы, черезъ которую мосты еще не были наведены, хотя уже шесть дней до того она очистилась отъ льду. Итакъ, я переплылъ ее въ лодкѣ, прямо къ моему болоту, то-есть къ Болотниковскому дому.

Вся эта моя финляндская экспедиція показываетъ много безразсудности, много легкомыслія, но вмѣстѣ съ тѣмъ доказываетъ, что молодость моя не совсѣмъ еще исчезла. Главная во всемъ этомъ дѣлѣ ошибка была—напрасная потра

---

* То чѣмъ этотъ городъ славится, его знаменитые выборгскіе крендели, какъ я въ томъ удостовѣрился, суть изобрѣтеніе одного бывшаго тамъ русскаго булочника.

денегъ, и я долженъ былъ возчувствовать ея послѣдствія. Еще въ началѣ апрѣля по моему разчету долженъ былъ я получить слѣдующія мнѣ отъ родителей деньги; я ходилъ справляться на почту, повѣстки не было, и приближался срокъ уплаты за квартиру неумолимому, жестокому Болотникову. Кой у кого перехватилъ десятки рублей, расплатился съ хозяиномъ, но за тѣмъ остался почти безъ гроша. Надобно же случится такой бѣдѣ! у друзей моихъ кошелекъ въ это время былъ почти также пустъ какъ и мой, и занять было не у кого; знакомые, къ которымъ за просто могъ ходить обѣдать, были нездоровы или въ отлучкѣ, кухаркѣ долженъ былъ отказать и довольствоваться пищею моего слуги: совершенная нищета угрожала мнѣ. А по безпечности, все-таки дѣйствию юныхъ лѣтъ, видѣлъ я болѣе смѣшную чѣмъ ужасную сторону моего положенія, въ которомъ первый разъ въ жизни, впрочемъ, я находился.

Наступилъ памятный мнѣ, страшный день, 29 апрѣля. Слуга пришелъ мнѣ сказать, что онъ въ послѣдній разъ напоилъ меня чаемъ, который весь вышелъ, что онъ самъ не знаетъ чѣмъ этотъ день прокормиться, что ложки и часть посуды заложены, и что въ лавочкѣ копѣйки болѣе вѣрить не хотятъ. Стоически дотолѣ переносивъ бѣдствіе, я тутъ пришелъ въ совершенное отчаяніе. Я не зналъ что начать; одѣлся и хотѣлъ идти со двора, чтобы дорогой придумать какъ пособить горю. Но лишь только спустился съ лѣстницы, какъ встрѣтилъ какого-то отставнаго унтеръ-офицера, присяжнаго или сторожа, въ сюртукѣ съ галуномъ и съ огромнымъ ин-фоліо подъ мышкою, который спросилъ у меня тутъ ли я живу? „Это я, что тебѣ отъ меня надобно, любезный,“ отвѣчалъ я. Росписаться въ этой книгѣ, былъ его отвѣтъ. Въ замѣшательствѣ, въ смущеніи, въ которомъ я находился, мнѣ покажись, что на меня падаетъ какое-то казенное взысканіе; не знаю что сказалъ я унтеръ-офицеру, только онъ отвѣчалъ мнѣ, „да нѣтъ, ваше высокоблагородіе, это вамъ деньги, извольте ихъ напередъ получить, а потомъ распишитесь.“

Что же вышло? чиновники отрѣшенные въ банкъ для подписыванія ассигнацій вопіяли, что работаютъ безъ всякаго возмездія, и министръ финансовъ согласился наконецъ, не назначая имъ жалованья, выдать трудящимся и трудившимся за прежнее время по сту рублей на мѣсяцъ; такимъ обра-

зомъ и на мою долю досталось слишкомъ четыреста. Какъ съ неба онѣ мнѣ упали: нѣтъ, утопающій, котораго вытащили изъ воды, не можетъ ощутить той радости, которую я чувствовалъ. Въ тотъ же день, разумѣется, явились опять чай и кухарка, а на другой день получилъ я и повѣстку съ почты.

Вскорѣ послѣ этого, случилось у меня другое, небольшое домашнее безпокойство. Разъ, въ мое отсутствіе изъ дому, слуга мой и кухарка по какой-то надобности пошли со двора, и первый, на случай моего возвращенія, оставилъ ключъ отъ комнатъ моихъ одному изъ слугъ Болотникова, живущему на одной со мною лѣстницѣ. Когда я воротился домой прежде моего Василья, то этотъ человѣкъ отперъ мнѣ двери, но ключа отдать мнѣ не хотѣлъ, утверждая, что онъ похищенъ изъ комнатъ его господина, хотя я и увѣрялъ его, что онъ болѣе шести мѣсяцевъ находится у меня въ рукахъ. Совсѣмъ не забавно было думать, что посторонніе люди безъ меня, когда захотятъ, могутъ безвозбранно входить въ мое жилище.

Утромъ на другой день пошелъ я жаловаться г. Болотникову. Выслушавъ меня со всею важностію судьи, онъ приказалъ позвать своего лакея; я думалъ затѣмъ, чтобъ его побранить и велѣть отдать мнѣ отнятое. Ни мало, онъ потребовалъ отъ него объясненій противъ обвиненія моего. Смѣшно и досадно было мнѣ слушать, особенно когда онъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ, что имѣю я противъ этого сказать? Ничего, отвѣчалъ я, дѣло самое простое, вы можете вѣрить мнѣ или слугѣ вашему, съ которымъ, признаюсь, никакъ не ожидалъ тягаться и стоять на одной доскѣ. Строго взглянувъ на меня, онъ отвѣчалъ, что во всемъ любитъ справедливость и никогда односторонне не судить, и что я долженъ передъ нимъ не забываться. На это возразилъ я, „что въ настоящемъ случаѣ имѣю дѣло не съ сенаторомъ, а съ хозяиномъ дома, и что еслибы слѣдовать справедливости, то я имѣлъ бы право на него просить полицію; но для скорѣйшаго прекращенія предпочитаю оставить домъ его, въ полномъ смыслѣ, такъ чтобы нога моя никогда въ немъ не бывала. Онъ грозно посмотрѣлъ на меня, но ни слова не молвилъ, а я съ поклономъ вышелъ.....

Я приказалъ слугѣ моему немедленно отправиться искать мнѣ квартиру какую бы то ни было и гдѣ бы то ни было, туда перенести мои пожитки и только адресъ ее оставить

дворнику, а самъ пошелъ по городу шататься. День былъ прекрасный, какіе изрѣдка бывають въ Петербургѣ весною; я загулялся и когда уже смерклось пришелъ справиться о новомъ своемъ жилищѣ. Адресъ былъ сдѣланъ очень глупо, выставлено названіе части, квартала и номеръ дома, а не означена ни улица, ни прозваніе владѣльца. Днемъ отыскать было бы легко, а ночью весьма затруднительно: однимъ словомъ около часу не зналъ гдѣ я живу и чуть было не приужденъ былъ ночевать на улицѣ.

Служитель мой исполнилъ приказаніе мое въ точности, отыскалъ мнѣ квартиру *какую-нибудь*: она находилась въ самомъ верхнемъ жилищѣ, на весьма узкомъ проходномъ дворѣ между Милліонной и Мойкой, куда никогда солнце не заглядывало и гдѣ жили всякаго рода люди. Это было одно изъ тѣхъ жилищъ, кои, по примѣру Эжена Сю въ *Таинствохъ Париза*, сочинители романовъ нынѣ такъ любятъ описывать, одно изъ убѣжищъ, знакомыхъ или пороку, или крайней бѣдности и милосердію, приносящему ей утѣшеніе и помощь. Первый, который открылъ меня въ моей трудобѣ, былъ Блудовъ, и нашелъ, что я живу не en petite maitresse. Я объяснилъ ему причину моего внезапнаго перемѣщенія, прибавивъ, что не знаю куда бы не бѣжалъ, чтобъ избавиться отъ Болотникова. Тотъ же день собирался я самъ искать новую квартиру, но Блудовъ меня уговорилъ покамѣсть тутъ остаться, ибо на Петербургской сторонѣ, близъ Аптекарскаго острова, нанялъ онъ на все лѣто большой домъ г. Фока съ преобладающимъ садомъ и предложилъ мнѣ сожителъствовать съ нимъ на этой полудачѣ. На такое предложеніе кто бы не согласился на моемъ мѣстѣ, и дня черезъ три перешелъ я отъ зловонія къ благоарастворенному воздуху въ наипрекраснѣйшую майскую погоду.

Такимъ образомъ прошла для меня первая треть 1811 года.

XII.

Предчувствуя, предвидя общую для насъ войну съ Западомъ, весь Петербургъ въ 1811 году нетерпѣливо желалъ скорѣйшаго окончанія частной войны нашей съ Турками. Никто уже не мечталъ о томъ, чтобы нашъ молодой полководецъ по примѣру и по слѣдамъ Олега приблизилъ русскій щитъ ко вратамъ

Цареграда; но всѣ были увѣрены, что графъ Каменскій, хорошо познакомившись съ мѣстностями задунайскими, будетъ умѣть въ слѣдующую кампанію нанести непріятельскому войску столь сильныя удары, что принудитъ Турокъ къ выгодному для насъ миру: какъ вдругъ, въ концѣ февраля получено было извѣстіе, что сей, съ небольшимъ тридцатилѣтній воинъ лежитъ въ Бухарестѣ на смертномъ одрѣ.

Кому было вмѣсто его поручить армію? Въ это время вопросъ сей былъ довольно затруднителенъ. Искусный старикъ, Михаилъ Ларіоновичъ Кутузовъ, лучше другихъ зналъ турецкую войну: во время первой при Екатеринѣ въ 1770 годахъ, когда былъ онъ еще молодъ, и въ продолженіе послѣдней, когда былъ онъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ, безпрестанно отличался онъ подъ начальствомъ Румянцова, Потемкина и Суворова, и наконецъ, по заключеніи послѣдняго мира, находился чрезвычайнымъ посломъ въ Константинополь. Но онъ былъ разобиденъ; послѣ не имъ проиграннаго Аустерлицкаго дѣла, онъ въ званіи военнаго губернатора отправленъ былъ въ Кіевъ, почти какъ въ ссылку; оттуда былъ онъ вызванъ для второстепенной роли дядьки при впадающемъ во младенчество главнокомандующемъ Прозоровскомъ, который его ни въ чемъ не слушался, съ нимъ ссорился и которому онъ былъ пожертвованъ, отозванъ и замѣненъ Багратиономъ. Однакоже знали его честолюбіе; и онъ охотно согласился принять начальство надъ молдавскою арміей, къ которой поспѣшно и отправился.

Онъ нашелъ молодого предмѣстника своего распростертаго, безгласна, бездыханна, окружилъ его самыми нѣжнѣйшими попеченіями (старикъ былъ самый привлекательный когда хотѣлъ), и коль скоро въ южномъ краю наступило теплое время, съ бережливостію отправилъ его въ Одессу, въ сопровожденіи адъютантовъ его и медиковъ. Я говорилъ уже о причинахъ разстройства его здоровья, но дѣйствія ихъ не могли развиться съ такою быстротой, тѣмъ болѣе что всю зиму чувствовалъ онъ себя совершенно здоровымъ. Послѣ вечера проведеннаго у жены одного Грека, консула не помню какой державы, на которомъ выпилъ онъ стаканъ лимонаду, прикаючилась съ нимъ сія скоропостижная болѣзнь, и подозрѣнія въ отравѣ были единогласны. Ненависть всегда охотно взводитъ клевету на враговъ; многіе увѣрены были, что сіе сдѣлано по наущенію генерала Себастьяни, бывшаго французскимъ

посланникомъ въ Константинополь: это не стоить опроверженія, ибо гдѣ примѣры, чтобы Наполеонъ пытался чрезъ довѣренныхъ своихъ изводить сильныхъ и опасныхъ противниковъ, которыхъ такъ много было на свѣтѣ? Скорѣе въ этомъ видно нѣчто византійское, фанариотское. По прибытіи въ Одессу онъ прожилъ недолго, онъ таялъ какъ воскъ, и говорить, что какъ воскъ были мягки его кости, когда послѣ кончины его, около половины мая, вскрывали его тѣло. Его смерть можно было сравнить съ кончиной другаго русскаго молодаго героя, князя Скопина-Шуйскаго, но о семь послѣднемъ никто тогда не вѣдалъ у насъ. Мы жили тогда вмѣстѣ съ Блудовымъ почти за городомъ, когда получено сіе извѣстіе, которое хотя и было вседневно ожидаемо, но со всѣмъ тѣмъ крайне его опечалило. Потеря друга-начальника и можетъ-быть скоро родственника и для равнодушнаго человѣка была бы чувствительна. Тогда между благовоспитанными Русскими все еще существовала мода писать французскіе стихи, и онъ въ подраженіе надписи къ портрету Паскаля сдѣлалъ ей подобную къ изображенію графа Каменскаго. Я помню только послѣдніе три стиха.

. . . . .
Balança sous Dantzig les destins de la France,
Enchaina la Finlande et fit trembler Byzanse.
Admirez et pleurez, il mourut à trente ans.

Третій разъ въ продолженіи этой войны русская армія перешла черезъ Дунай. Она была подъ предводительствомъ опытнаго полководца; всѣ крѣпости, затруднявшія начало каждой кампаніи, были въ нашихъ рукахъ, а со всѣмъ тѣмъ войско, уменьшенное на половину и не видя начальниковъ своихъ, одушевленныхъ блестящими надеждами предыдущаго похода, лишилось бодрости и нравственной силы. Однакоже все исполняло свой долгъ, и въ половинѣ іюня Кутузовъ одержалъ немаловажную побѣду надъ собравшеюся довольно многочисленною турецкою арміей. Потомъ все лѣто въ частыхъ встрѣчахъ съ непріятелемъ Русскіе всегда брали верхъ и за каждымъ успѣхомъ слѣдовало предложеніе о мирѣ, который одинъ былъ только цѣлю желаній правительства и войска. Главнымъ его условіемъ все-таки оставались Молдавія и Валахія, столько разъ нами занимаемая, которыя полтора ста лѣтъ, какъ кладъ, намъ не даются.

Осенью узнали, что Наполеонъ перенесъ Францію за Эльбу и ея гранью поставилъ Любекъ на Балтійскомъ морѣ, и такимъ образомъ захватилъ не только Ганзеатическіе города, но и владѣнія, герцога Ольденбургскаго, Россіи преданнаго и многими родственными узами съ императорскимъ домомъ связаннаго. Тогда не осталось ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ намѣреній всемірнаго завоевателя, быстро къ намъ приближавшагося, никакихъ надеждъ не только на продолженіе съ нимъ мира, но и на кратковременную отсрочку войны. Мы съ Турками сдѣлались уступчивѣе, сбавили спѣси, и вмѣсто двухъ большихъ княжествъ, стали ограничиваться рѣкою Прутомъ и узкою Бессарабіей, мнѣ послѣ столько знакомою. Съ этимъ дѣломъ скорѣе можно было поладить; прошелъ даже слухъ, что Кутузовъ, столько же дипломатъ, какъ и воинъ, успѣлъ уже подписать о томъ и трактатъ, и Маринъ, болѣе царедворецъ, чѣмъ поэтъ и воинъ, успѣлъ уже на этотъ случай написать стихи, въ которые вклеилъ каламбуръ, что старикъ наказалъ мусульманъ *и мечомъ и Прутомъ*. Ожиданія не сбылись, хотя трактатъ и дѣйствительно былъ подписанъ, но стараніями французскаго посольства въ Константинополь не былъ ратификованъ, и всю зиму на этотъ счетъ остались мы въ безпокойномъ состояніи.

Я говорю все мы, разумѣя подъ этимъ бѣольшую часть жителей Петербурга, а внутри Россіи, только тѣхъ людей, кои одарены будучи разсудкомъ и чувствомъ, имѣли довольно просвѣщенія, чтобы видѣть опасность, грозящую ихъ отечеству и скорбѣть о томъ. Число безчувственныхъ невѣждъ разумѣется, было вдесятеро больше, и они, какъ говорится о мужикахъ, тогда только перекрестились, когда громъ грянулъ надъ ними.

Мнѣ хотѣлось имъ уподобиться и по крайней мѣрѣ въ продолженіи этого прекраснаго лѣта вести жизнь беззаботной твари. Я старался ничего не дѣлать, какъ только пить, ѣсть, спать и разгуливать по дачамъ безъ всякихъ мыслей, и сначала сіе мнѣ удавалось. Вдругъ одно небесное явленіе смутило меня: показалась на горизонтѣ ужасная, великолѣпная, блестящая комета съ огромнымъ хвостомъ, которой подобной я во всю жизнь мою не видывалъ: ни прежде, ни послѣ. Все лѣто, вплоть до осени, горѣла она на нашемъ небѣ и освѣщала мои вечернія и ночныя прогулки. Какъ простолудинъ

вѣровалъ я въ сіе страшное знаменіе и въ мрачныхъ мысляхъ невольно сталъ переноситься въ будущее.

Одинъ случай, который можно было бы назвать пріятнымъ, еслибы причина его не была весьма не забавная, неожиданный для меня пріѣздъ моихъ родителей, еще болѣе нарушилъ то животное спокойствіе, которое въ это лѣто надѣялся я сохранить. Предупредивъ меня письмомъ только дня за два, прибыли они 24-го іюня. Непріятный процессъ, какіе впрочемъ всѣ они бываютъ, вызвалъ ихъ въ столицу.

Прежде нежели объясню я несправедливость, съ какою сенатъ поступилъ противъ моей матери, да позволено мнѣ будетъ, чтобъ отдохнуть отъ тогдашняго грустнаго настоящаго, нынѣ прошедшаго, перенестись въ давно прошедшее и приняться за разказъ, которому не здѣсь мѣсто, а при самомъ началѣ сихъ записокъ. Но подробности нѣкоторыхъ семейныхъ обстоятельствъ мнѣ не были извѣстны, когда я приступилъ къ сему труду, покойная родительница моя никогда не хотѣла ихъ мнѣ открывать, и только послѣ, одна девяностолѣтняя старуха, сохранившая твердо память, передала мнѣ слышанное отъ своей матери. Все нижеслѣдующее мой читатель можетъ пропустить, я писалъ болѣе для потомства моихъ братьевъ и сестеръ.

Когда при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, въ 1666 году, Пенза сдѣлана была городомъ, то первымъ въ нее воеводою посаженъ былъ мой пращуръ, Иванъ Кондратьевичъ Лебедевъ, мною уже упомянутый, человекъ великомощный, богатый и щедрый. Въ шести верстахъ отъ города поселилъ онъ крестьянъ, построилъ имъ деревянную церковь и основалъ село Лебедевку, нынѣ принадлежащее моему племяннику. А потомъ, въ самомъ городѣ, за рѣкою Пензой, воздвигъ онъ на свой счетъ каменную церковь во имя Казанской Божіей Матери и черезъ рѣку построилъ мостъ, который доселѣ носитъ его фамильное имя, называется Лебедевскимъ; все это для того времени было очень важно. У него было два сына, между которыми, по смерти, раздѣлилъ онъ свое имущество: старшему, котораго не знаю какъ звали, отдалъ онъ вотчины свои близъ Казани, откуда онъ былъ родомъ; меньшому же Ивану, отъ кого мы происходимъ, приобрѣтенныя имѣнія около Пензы, гдѣ онъ былъ пришельцемъ. Старшая отъ него отрасль сохранила, если еще не умножила, его богатство, меньшая не столько была счастлива. Въ прѣздъ мой че-

резь Казань, зимою 1806 года, правнукъ его Евграфъ Алексѣевичъ Лебедевъ, внучатный братъ моей матери, принялъ меня не такъ какъ дальняго, а какъ близкаго родственника и въ славномъ каменномъ домѣ своемъ радушно и роскошно угостилъ. Я о томъ забылъ упомянуть, но, право, всего вдругъ не припомнишь.

Прадѣдъ мой, Иванъ Ивановичъ Лебедевъ, уже вдовый, умеръ довольно молодъ и оставилъ по себѣ единственнаго сына, осмилѣтнаго сироту, дѣда моего Петра Ивановича. Богатому мальчику дана была опека, которая, безпрестанно грабя его, въ нѣсколько лѣтъ успѣла сдѣлать его почти нищимъ: и онъ, рѣшившись искать счастья въ службѣ, вступилъ простымъ рядовымъ въ гвардейскій Измайловскій полкъ. Тутъ начинается разказъ моей старухи.

Въ это время въ Петербургѣ славился своею честностію, прямодушіемъ, любовію къ истинѣ генераль-аншефъ Василій Ивановичъ Чулковъ, любимый императрицею Елизаветою Петровною и ею изъ простыхъ придворныхъ истопниковъ возведенный на знатную степень, котораго, можетъ-быть, читатель мой помнить; по крайней мѣрѣ я того желаю. Къ сему извѣстному защитнику отъ притѣсненій, для всѣхъ доступному вельможѣ, рѣшился прибѣгнуть робкій, обиженный дѣдъ мой. „Что тебѣ надобно?“ спросилъ онъ его въ просительской прихожей; тотъ объяснился какъ умѣлъ. „Да что за хорошенькій! Ну, точно писанный мальчикъ!“ сказалъ онъ, погладилъ по головкѣ и велѣлъ на другой день въ назначенный часъ быть у себя, чтобы выслушать наединѣ.

Когда тотъ явился и обстоятельно разказалъ ему свое горе, завязался между ними слѣдующій разговоръ: „Сколько тебѣ лѣтъ?“—„Восемнадцать.“—„Хочешь ли жениться?“—„У меня о томъ и въ помысленіи не было.“—„Ну, а если я тебѣ сыщу хорошую невѣсту?“ И вмѣстѣ съ этимъ велѣлъ вывести падчерицу свою, Марю Григорьевну Кривскую. Она была дѣвица лѣтъ тридцати, толстая, черная, рябая и, какъ сказывали (боюсь прогнѣвить ея тѣнь), ума болѣе чѣмъ ограниченнаго. Обомлѣвъ мой бѣдный малый и съ простотою невинности отказалъ на отрѣзъ; предложенная удалилась. „Ну, такъ послушай же,“ сказалъ Чулковъ, „тебя никто не неволить, но знай, что если ты не согласишься, я въ дѣло твое не вступаюсь. И то всего имѣнія спасти не берусь, а только выручу тебѣ еще хорошій кусокъ хлѣба. Пораздумай хоро-

шенько, и что придумаешь, приди мнѣ сказать.“ Ни живъ, ни мертвъ вышелъ несчастный. Такая грубость была тогда еще въ нравахъ, что человекъ дѣйствительно добрейшій, благонамѣреннѣйшій, не посовѣстился воспользоваться безнадежнымъ положеніемъ сироты, чтобы навязывать ему свою падчерицу.

У жениха, кромѣ состоянія, было все: онъ былъ совершенный красавецъ, милъ, добръ и чрезвычайно уменъ; у невѣсты ничего, ни даже состоянія. Недѣли двѣ (говоритъ пруданіе старухи) поплакалъ онъ, погрустилъ, помолился Богу, и видно воля небесная положила ему на сердце принести себя въ жертву; его женили и возвратили ему часть его имѣнія: безъ этого вынужденнаго брака и меня не было бы на свѣтѣ. Женившись, дѣдъ мой прожилъ всего только восемь лѣтъ и умеръ офицеромъ того же Измайловскаго полка. Трое дѣтей были плодомъ сего союза, въ послѣдствіи довольно счастливаго: дочь Елизавета, семью годами старѣе моей матери, бывшая въ замужествѣ за надворнымъ совѣтникомъ Сергѣемъ Семеновичемъ Тухачевскимъ, сынъ Илья, умершій въ малолѣтствѣ, и наконецъ, меньшая дочь, мать моя, Мавра, родившаяся три недѣли послѣ кончины отца своего.

Моя бабка, которой такъ трудно было сыскать перваго мужа, легко нашла втораго. Въ семь второмъ бракѣ съ Ивановомъ Львовичемъ Трескинымъ прожила она не долго и умерла, оставивъ ему двухъ малолѣтнихъ дѣтей, сына Петра, всегда остававшагося холостымъ, и дочь Надежду, вышедшую послѣ за одного господина Тютчева. Законная седьмая часть, во вдовствѣ полученная ею изъ Лебедевскаго имѣнія, разумѣется, досталась сыну, за исключеніемъ трехъ мелкихъ дробей дочерямъ. Вотчимъ Трескинъ успѣлъ склонить своихъ падчерицъ, моихъ—тетку и мать, еще несовершеннолѣтнихъ, къ подписанію отреченія отъ мелкихъ дробей своихъ въ пользу брата. Прошли десятки лѣтъ, и когда сей братъ, Петръ Ивановичъ Трескинъ, скончался бездѣтенъ, то имѣніе, полученное имъ отъ матери, раздѣлилось между ея тремя дочерьми. Младшей, Надежды Ивановны Тютчевой, уже не было на свѣтѣ, и ея мѣсто заступилъ малолѣтній сынъ.

Вступивъ въ совершеннолѣтіе, онъ сталъ жаловаться на несправедливость дѣлажа, утверждая, что тетки его, отреченіемъ отъ слѣдующихъ имъ послѣ матери долей, отказались

и отъ правъ на всякое послѣ нея наслѣдство. По неясности законовъ, всякое у насъ неосновательное притязаніе служило предлогомъ къ тяжбѣ; уѣздный судъ и гражданская палата присудили въ нашу пользу, и дѣло, по аппелляціи, поступило въ сенатъ. Одинъ изъ секретарей, въ вѣдомостяхъ вызывая тяжущихся, будто по ошибкѣ, поставилъ титулярную совѣтницу Марью Васильеву, вмѣсто тайной совѣтницы Мавры Вигелевой, дабы тѣмъ устранить съ нашей стороны хожденіе по дѣлу. Какъ бы то ни было, оно нами проиграно въ сенатѣ. Престарѣлаго отца моего это взволновало, и онъ рѣшился ѣхать въ Петербургъ, съ намѣреніемъ, не довѣряя никому, самому хлопотать чрезъ комиссію прошеній о высочайшемъ повелѣніи пересмотрѣть дѣло въ общемъ собраніи департаментовъ.

Живъ почти на дачѣ, я не иначе какъ на другой день послѣ пріѣзда моихъ родителей могъ узнать о немъ, и съ того дня, разумѣется, находился на безсмѣнномъ дежурствѣ при нихъ; ночевалъ же у Блудова, но только рѣдко, послѣ обѣда, могъ отлучаться домой.

Я содрогнулся, когда, послѣ годовой разлуки, въ первый разъ увидѣлъ я отца моего; мнѣ казалось, что не его самого, а только его тѣнь я вижу передъ собою. Хотя, конечно, былъ уже ему семьдесятъ второй годъ отъ роду, но не съ большимъ за годъ передъ тѣмъ былъ онъ еще довольно свѣжъ и бодръ, а потомъ въ столь короткое время совершенно рухнулъ. Горести долго подкапывали и, наконецъ, сломили эту твердую натуру. Онъ все былъ на ногахъ, съ самаго утра до вечера одѣтъ съ головы до ногъ; у него была не болѣзнь, а расслабленіе всѣхъ нравственныхъ и физическихъ силъ, совершенное ихъ разрушеніе. Нервная система до того поражена была въ немъ, что онъ сдѣлался раздражителемъ, нетерпѣливъ, какъ ребенокъ.

Я вообразилъ себѣ, что шумъ, многолюдство, блескъ праздника могутъ сколько-нибудь оживить, такъ сказать, гальванизировать сіе гаснущее, дорогое мнѣ существо. Приближался день именинъ императрицы Маріи Федоровны, 22 іюля, въ который ежегодно бывалъ въ Петергофѣ всенародный праздникъ; я сталъ уговаривать его туда поѣхать и не безъ труда могъ получить на то его согласіе. Чтобы не утомить его въ одинъ день болѣе чѣмъ пятидесятиверстнымъ путешествіемъ взадъ и впередъ, мы приготовили ему въ Стрѣль-

нѣ, на квартирѣ конногвардейскихъ офицеровъ, двухъ братьевъ Беклемишевыхъ, племянниковъ зятя Алексѣева, удобный и покойный ночлежъ, и наканунѣ праздника туда отправились; на другой день только послѣ обѣда мы были въ Петергофѣ. И что же? Все его сердило: зачѣмъ тянется эта несносная, безконечная цѣпь экипажей? зачѣмъ толпы народа такъ весело спѣвать на праздникъ? зачѣмъ такое безчисленное множество огней? это скорѣе похоже на пожаръ чѣмъ на иллюминацію. И хоть бы, по крайней мѣрѣ, былъ гнѣвъ, досада, пусть бы брань, а то все неудовольствие—какой-то брюзгливый, невнятный ропоть. Мы были при немъ безотлучно, какъ три няньки; на насъ совсѣмъ были не радостныя лица, и куда какъ не веселъ былъ намъ этотъ вечеръ! Переночевавъ опять въ Стрѣльнѣ, на другой день воротились мы въ городъ.

Желаніе его исполнилось; дѣло съ Тютчевымъ вѣрно пересмотрѣть въ общемъ собраніи московскихъ департаментовъ сената, и онъ, нѣсколько успокоенный, началъ собираться въ обратный путь. Въ первыхъ числахъ августа проводилъ я моихъ родителей до Средней Рогатки, что нынѣ называется Четыре Руки; прощаясь съ ними и чувствуя, что съ отцомъ расстаюсь на вѣки, не могъ удержаться отъ слезъ, и это скорѣе огорчило его чѣмъ тронуло. Возвратясь къ себѣ на Петербургскую сторону, началъ я жить не веселѣе, но нѣсколько покойнѣе, въ обществѣ постоянного утѣшителя, скорого помощника моего Блудова. Черезъ мѣсяць надобно было подумать о переселеніи опять въ центръ города.

XIII.

Осень стояла сначала столь же ясная, тихая и жаркая какъ лѣто: многіе приписывали это дѣйствию кометы, которая все продолжала еще бѣдой сверкать намъ въ очи. Эта осень замѣчательна была двумя событіями въ столицѣ: окончаніемъ и освященіемъ Казанскаго собора и основаніемъ Царскосельскаго лицея.....

Императоръ Павелъ не за долго передъ смертію своею заложилъ новый Казанскій соборъ. Старый, даже при

Елисаветѣ, стоялъ почти на краю нераспространившагося еще города, надъ мутнымъ ручьемъ, называемомъ Черною рѣчкой, что нынѣ вычищенный, но все-таки грязный Екатерининскій каналъ; позади его находилось обширное мѣсто, избранное для помѣщенія его великаго преемника.

Великимъ строителемъ новаго храма назначенъ былъ графъ Александръ Сергѣевичъ Строгоновъ. Онъ всегда былъ покровителемъ художниковъ и любителемъ художествъ, не знаю до какой степени въ нихъ свѣдущій; съ иностраннымъ воспитаніемъ и вкусами сочетая русскіе навыки и хлѣбосольство, жилъ онъ барски, по воскресеньямъ угощалъ у себя не однимъ рожденіемъ, но и талантами отличающихся людей; онъ былъ старикъ просвѣщенный, умный и благородный, однакоже, вмѣстѣ съ тѣмъ, довольно искусный царедворецъ, чтобы ладить со всеми любимцами царей, и одинъ послѣ другаго, пользоваться благосклонностію четырехъ вѣщеносцевъ. Ему удалось устранить отъ строенія собора, строившаго Михайловскій замокъ, самозванца-архитектора Бренна, бывшаго въ Италиі едва ли посредственнымъ маляромъ, и предложить доморожденного своего зодчаго Воронихина.

Все огороженное мѣсто вокругъ новостроящагося храма, равно какъ и входъ во внутренность его, когда строеніе его начало приходить къ окончанію, оставались открыты для любопытныхъ: не такъ какъ нынѣ, когда никому, исключая самыхъ избранныхъ, не дозволяется взглянуть на работы, производящіяся десятки лѣтъ, когда какъ будто опасаются, чтобы порядочно одѣтые люди днемъ не утащили лежащія кирпичъ и известку. Мы иногда случалось входить въ достраивающееся зданіе, и нельзя было не подивиться богатству, расточаемому для внутренняго его убранства. Мраморный узорчатый помостъ, необъятной величины полированные монолиты, составляющіе длинную колоннаду, серебряныя рѣшетки, двери и паникадилы, покрытыя золотомъ и облитыя брилі-

---

* Если кто умѣетъ сколько-нибудь рисовать, тому у насъ не трудно назвать себя архитекторомъ. Стоитъ только проводить линіи по длиннѣе, давать проектированному зданію большія пропорціи, отовсюду заимствовать для него орнаменты и на чертежѣ вкось и вкривъ ихъ прилаживать: за прочность строенія отвѣчаетъ каменныхъ дѣлъ мастеръ. Такимъ образомъ прославился у насъ Монферранъ.

ра, послѣ котораго сталъ онъ предпочитать Царское село. антами иконы, все должно было изумлять входящихъ во храмъ. Нѣкоторые однакоже позволяли себѣ сравнивать архитектора съ неискуснымъ поваромъ, который, начиная всѣ кушанья свои перцомъ, инбиремъ, корицей, всякими пряностями, думаетъ стряпнѣ своей придать необычайно пріятный вкусъ.

Ровно черезъ десять лѣтъ послѣ вѣнчанія на царство императора Александра, 15 сентября, происходило освященіе новаго храма. Всѣ носящіе мундиръ, безъ изыятія, были допущены во внутренность его; у меня мундира не было, и я на улицѣ скромно стоялъ между фраками и крестьянскими кафтанамъ, въ народной толпѣ. День былъ жаркій, ни вѣтра, ни облачка на небѣ, и умиленный народъ радостно смотрѣлъ на крестный ходъ и на свѣтлыя очи и веселый ликъ идущаго въ немъ царя.

Въ этотъ день государь былъ щедръ; старика Строгонова изъ дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ пожаловалъ онъ въ первый классъ, награда столь рѣдкая, что почиталась тогда происшествіемъ. Всякое сильное ощущеніе въ старости служить придиркою для смерти: печаль и радость равно убиваютъ ее. Отчего же, если не отъ радости, черезъ десять дней скоропостижно было умереть здоровому графу Строгонову? Незадолго, 26 августа, видѣли его на дачѣ, когда онъ праздновалъ именины сватьи своей Голицыной, гуляющаго вечеромъ въ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ. Тѣло его предано землѣ въ построенномъ подъ надзоромъ его соборѣ.

Не столь блестящимъ образомъ, въ октябрѣ было открытіе Царскосельскаго лица. Кто подалъ мысль или кто первый имѣлъ ее объ его основаніи, не знаю, но если не ошибаюсь, то кажется самъ государь.

Въ первые годы своего царствованія изъ всѣхъ дворцовъ своихъ, самый укромнѣйшій, совсѣмъ забытый Каменноостровскій дворецъ, выбралъ онъ лѣтнимъ своимъ мѣстопребываніемъ. Одна сторона его обращена была къ рѣкѣ, другая къ саду, въ которомъ два большіе входа, одинъ противъ другаго, дѣлали его проходнымъ, такъ что люди всякаго званія, даже простые мужики могли безвозбранно толпами ходить (и ходили) подъ самыми окнами, не высоко надъ землею стоящаго царскаго кабинета и почти въ него заглядывать: это его чрезвычайно тѣшило и радовало. Такъ было до Тильзитскаго ми-

Странная была участь этого казеннаго городка и дворца его! Онъ никогда при началѣ, а всегда подъ конецъ царствованія государей дѣлался любимымъ ихъ убѣжищемъ. Мѣсто подаренное Петромъ Великимъ Екатеринѣ I-й, въ сторонѣ отъ большой московской дороги, тайкомъ отъ него засадила она липовыми деревьями и построила на немъ трехэтажное высокое, но не обширное зданіе. Въ августѣ 1724 года, въ первый разъ угощала она тутъ своего дарителя; все ему чрезвычайно понравилось, и онъ возвѣстилъ, что не только гостить, но даже часто будетъ жить у нея; въ слѣдующемъ январѣ онъ скончался. Говорятъ, что Анна Ивановна передъ смертію неоднократно собиралась туда переѣхать, но что Биронъ всегда ее отговаривалъ отъ того. Елизавета Петровна строила Зимній дворецъ, а въ окрестностяхъ Петербурга на островахъ Крестовскомъ, Петровскомъ, на Средней Рогаткѣ, на мызѣ Пеллѣ, небольшіе крестообразные дома, величаемыя дворцами, не для жительства своего, а для отдохновенія во время частыхъ своихъ прогулокъ. Постояннѣ всего жила она въ Петергофѣ; въ Царское село никогда не заглядывала, какъ вдругъ, во второй половинѣ своего правленія, пѣвнилась имъ, растянула фасадъ построеннаго ею матерью дворца, не будучи расточительна, посадила въ него милліоны и сдѣлалась настоящею основательницею сего истинно царскаго жилища. Нѣсколько лѣтъ Екатерина II также предпочитала петергофскій видъ на взморье другимъ увеселительнымъ мѣстамъ своей столицы, пока не прилѣпилась къ Царскому селу; тогда наложила она на него свою могущественную руку и тутъ, какъ и во всемъ что предпринимала, творила чудеса. Императоръ Павелъ сначала совершенно забросилъ Царское село и на поддержаніе его никакихъ суммъ не велѣлъ отпускать; все начало гложуть, поростать крапивою, покрываться тиной, портиться, валиться, и сіе грозящее разрушеніе пѣвецъ Екатерины, Державинъ, грустно изобразилъ въ стихахъ своихъ, подъ названіемъ *Развалины*. Окружающимъ Павла I жалко стало русскаго Версаля, и они склонили въ іюлѣ 1800 года въ него переѣхать. Онъ прожилъ тутъ до сентября, нашелъ мѣсто сіе очаровательнымъ, гораздо лучше Павловска, и объявилъ намѣреніе свое каждое лѣто проводить въ немъ по два мѣсяца. Онъ не могъ его исполнить; въ мартѣ его не стало.

Я помню то почтительное удивленіе, смѣшанное съ тоской, съ которыми раза два случилось мнѣ посѣтить садъ и дворецъ царскосельскіе, въ первые годы царствованія Александра. Присмотрѣвъ за тѣмъ и за другимъ казался дѣйствиємъ одного приличія; небрежность, съ какою сохраняютъ у насъ пышные надгробные памятники, и тутъ была замѣтна; вездѣ царствовала пустота; все это перемѣнилось въ 1808 году..... Императоръ поселился въ Царскомъ селѣ и часто бывалъ въ немъ и зимой. Густой, сосновый боръ, обнесенный каменною оградой, называемый Звѣринцемъ, но въ которомъ не дикіе звѣри были видны, а одна дикая природа, нерѣдко посѣщалъ онъ и любилъ теряться въ чащѣ его вѣковыхъ деревьевъ съ мрачными мыслями, глубоко въ головѣ его затаенными: гораздо послѣ украсилъ онъ сіе любимое мѣсто и превратилъ его въ неподобный паркъ.

При торжественномъ открытіи лицея находился Тургеневъ; отъ него узналъ я нѣкоторыя о томъ подробности. Вычитывая воспитанниковъ, сыновей извѣстныхъ отцовъ, между прочимъ назвалъ онъ одного двѣнадцатилѣтняго мальчика, племянника Василья Львовича, маленькаго Пушкина, который, по словамъ его, всѣхъ удивлялъ остроуміемъ и живостию. Странное дѣло! дотолѣ слушалъ я его довольно разсѣянно, а когда произнесъ онъ это имя, то въ мигъ пробудилось все мое вниманіе. Мнѣ какъ будто послышался первый далекій гулъ той славы, которая вскорѣ потомъ должна была гремѣть во всей Россіи, какъ будто впередъ что-то сказало мнѣ, что бесѣда его доставитъ мнѣ въ жизни столько радостныхъ, усладительныхъ, а чтеніе его столько восторженныхъ часовъ.

Какъ водится въ природѣ, за осенью пришла зима, въ этотъ годъ для меня скучная, невыносимая. Чтобы не раздражить слабости родителя моего, я продолжалъ все числиться на службѣ, нуждаться во всемъ и жить день за день, ничего лучшаго не видя впереди. Въ этомъ состояніи я охотно принялъ приглашеніе сестры моей встрѣтить у нея новый годъ въ финляндскомъ уѣздномъ городкѣ, уже не въ Нейшлотѣ, а гораздо ближе, въ Кексгольмѣ, куда бригада и полкъ мужа ея были переведены. Туда отправился я на третій день послѣ Рождества.

Помѣщеніе имѣли тутъ супруги гораздо удобнѣе и просторнѣе чѣмъ въ Нейшлотѣ: большой одноэтажный камен-

ный домъ, бывшій комендантскій, въ упраздненной крѣпости. Припасы все были дешевы, а нѣкоторые предметы роскоши, по близости, можно легко было выписывать изъ Петербурга: житье, да и только. У меня на сердцѣ до того было не весело, что изъ новыхъ лицъ, посѣтителей и посѣдительницъ, я никого не замѣчалъ, никого не помню. Чтобы сколько-нибудь развеселить меня, хотя на одинъ вечеръ разсѣять и собственную тоску и весело начать наступающій годъ, добрая сестра моя наканунѣ 1 января затѣяла большой пиръ. Какъ не вѣрить примѣтамъ? Вѣдь этотъ начинающійся годъ былъ нашъ роковой, двѣнадцатый годъ; что ни дѣлала бѣдная сестра, судьба такъ устроила, чтобы намъ печально его встрѣтить. Вечеромъ полученныя съ почты бумаги и прїѣздъ одного человѣка разстроили все наши намѣренія и на нѣсколько часовъ даже не дали забыть намъ горе. Вечеринку, однакоже, не отложили, но для насъ съ сестрой она совсемъ не была забавна. Молодые люди обоого пола веселились, плясали, а я, хотя по лѣтамъ и принадлежалъ еще къ ихъ возрасту, смотрѣлъ на нихъ съ досадою и удивленіемъ, какъ будто бы они обязаны были раздѣлять мои чувства.

Отъ военнаго министра тотъ вечеръ получено приказаніе зятю моему, по волѣ государя, отправиться въ Абовъ, для принятія временнаго начальства надъ пѣхотною дивизіей генерала Демидова, заболѣвшаго и уволеннаго въ отпускъ. Это было знакомъ довѣренности, совсемъ не несчастіемъ, но въ то же время величайшимъ разстройствомъ въ домашнихъ обстоятельствахъ.

Другая вѣсть была для насъ не менѣе тревожна. Въмѣсто матери, которая не въ силахъ была уже писать, братья и сестры увѣдомляли насъ изъ Пензы, что нашъ отецъ совершенно упадетъ духомъ и даже примѣтно слабѣетъ и тѣломъ; и хотя все на ногахъ и продолжаетъ вывѣзжать, они мало имѣютъ надежды долго сохранить его.*

. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .

---

* Здѣсь въ запискахъ Вигеля слѣдуетъ эпизодъ о присоединеніи Старой Финляндіи къ Новой. Мы имѣемъ причины вовсе исключить это мѣсто, отличающееся необыкновенною силой. Въ Император-

Въ день Крещенія Господня, въ который былъ точно крещенскій морозъ, видѣлъ я зрѣлище изумительное. Не знаю какъ тамъ теперь, а тогда русскіе священники ходили еще въ этотъ день съ крестами на воду, къ устроенной для того Гордани. Лишь только освященіе воды кончилось, откуда ни возмись голая женщина, которая съ необыкновенною быстротой кинулась въ прорубь, пробывъ въ ней съ минуту, выскочила и также быстро исчезла: это была семидесятипятилѣтняя вдова русскаго унтеръ-офицера, у которой на душѣ тяготѣлъ какой-то важный грѣхъ, и она ежегодно такимъ образомъ старалась очищать себя отъ него. На другой день поѣхалъ я обратно въ Петербургъ.

Возвратясь послѣ краткаго отсутствія, я нашелъ его жителей нѣсколько уже въ тревожномъ ожиданіи. Находясь гораздо болѣе въ сосѣдствѣ съ Европой, по образу жизни и по всякаго рода сношеніямъ принадлежа къ ней болѣе чѣмъ внутреннія части государства, Петербургъ сильнѣе чуялъ приближающуюся грозу, которая однакоже не надъ нимъ должна была разразиться. Трудно объяснить состояніе, въ которомъ находились тогда умы; не видно было унынія, отчаянія, но также и смѣлой въ себѣ увѣренности: замѣтно было какое-то грустное чувство, не совсѣмъ лишенное надежды. Кажется всѣ думали, а многіе и говорили: ну что дѣлать, увидимъ; что-то Богъ дастъ. Въ высшемъ кругу старались веселиться, чтобы показать или придать себѣ болѣе бодрости: такъ иногда испуганные громко распѣваютъ, чтобы заглушить въ себѣ страхъ.

Забыты прежнія неудовольствія противъ чрезвычайнаго умноженія налоговъ, требованія добровольныхъ приношеній не подняли ни малѣйшаго ропота: всѣ чувствовали, что при наступленіи рѣшительной, окончателной борьбы, государству нужны всевозможныя вспомогательныя средства. Гвардіи велѣно приготовиться къ выступленію въ походъ, и нѣжно смотря на нее, напередъ всѣ уже напутствовали ее благословеніями; офицеры вдругъ всѣ выросли, и въ глазахъ гражданъ сдѣлались существами свя-

---

ской Публичной Библіотекѣ хранится другой экземпляръ записокъ Вигеля, переписанный собственною его рукой; любопытствующие могутъ находить тамъ все то, что по разнымъ соображеніямъ опускается нами въ печати. *Ред.*

ценными. Воззрѣніе на спокойно печальный Петербургъ было тогда истинно трогательно.

Разставшись съ мужемъ, къ концу января, сестра моя привезла въ Петербургъ двухъ малолѣтнихъ сыновей, которые, въ награду за заслуги отца ихъ, пожалованы были пажами, но только не опредѣлены еще въ пажескій корпусъ. Она пріѣхала о томъ просить, ибо въ кочевой жизни, которая вновь ей предстояла, десяти или двѣнадцатилѣтніе мальчишки были бы для нея великою обузой.

Мы поселились вмѣстѣ и, какъ умѣли, старались другъ друга утѣшать, какъ вдругъ получили странное письмо отъ брата изъ Пензы. Онъ, который во всемъ былъ примѣромъ точности, такъ неясно, такъ неопредѣленно, съ такимъ примѣтнымъ смущеніемъ писалъ о внезапно умножившейся болѣзни отца нашего, что понять истину было бы не трудно, еслибъ люди до послѣдней минуты не отказывались вѣрить тому, чего страшатся. Онъ прибавлялъ, что отецъ не только соглашается на мой пріѣздъ, но и самъ изъявилъ желаніе скорѣе меня видѣть, и что онъ съ своей стороны приглашаетъ меня поспѣшить отъѣздомъ. Сборы мои, въ томъ числѣ и полученіе отпуска, продолжались не болѣе сутокъ, и 14 февраля оставилъ я Петербургъ и въ слезахъ горестную сестру.

До Москвы я быстро домчался, но въ ней взяло меня раздумье. Къ чему я спѣшу? подумалъ я; и еслибъ я былъ увѣренъ, что въ нашемъ домѣ благополучно, то и часу бы не остался; еслибы, по крайней мѣрѣ, могъ ожидать, что приму его послѣдній вздохъ, то кажется не остановился бы и на минуту; но теперь, дня на два, на три пусть хотя невѣдніе замѣнятъ мнѣ надежду.

Я остановился въ домѣ трехъ братьевъ Товаровыхъ, изъ которыхъ съ меньшими были мы великіе пріатели. Этотъ большой деревянный домъ находился, и что удивительно послѣ всего около него происходившаго, находится и нынѣ близъ Кузнецкаго моста, на концѣ Газетнаго переулка. Мой милый хозяинъ Александръ Григорьевичъ, чувствительный, сердобольный, скрывалъ отъ меня ему уже извѣстную истину, старался всячески развлекать и для меня отказался отъ пиршествъ наступившей суматошной масляницы. За то старшіе братья его, великіе московскіе франты, безъ памяти веселились. Безпрестанно появлялись и исчезали по-

святители, то собирались шумною толпой, то разсѣвались по лицу разгульной Москвы. Я только что оставилъ Петербургъ, и такая противоположность меня поразила. Вслѣдствіе сдѣланных мною разспросовъ, узналъ я, что масленица совсѣмъ тутъ не виновата и что такъ продолжается всю зиму. Молодежь никогда еще столько не вертопрашничала, франтихи никогда еще нестрѣе и смѣшнѣе не одѣвались, никогда столько не раззорялись на наряды, простой народъ никогда еще столько не пилъ и не буянилъ. Одинъ богатый скупой старикъ, Позняковъ, который вѣкъ копилъ деньги, при концѣ дней своихъ вздумалъ купить огромный домъ, великолѣпно отдѣлалъ его и эту зиму пустился проматываться на пиры.

Невольно приходилось мнѣ иногда заговорить о предметѣ, который, несмотря на собственное горе, не переставалъ еще наполнять мое воображеніе о грядущемъ на насъ ураганѣ, а весельчаки не весьма учтиво принимались хохотать. Одинъ изъ нихъ, близкій родственникъ Товаровыхъ, Макаровъ 2-й, извѣстный читателю, сказалъ мнѣ: „Да какое намъ дѣло до Европы, пусть тамъ воюють, дерутся, мирятся, мы здѣсь веселимся, пируемъ и ничего знать не хотимъ.“ Какіе-то молодые люди, которые за нимъ начинали карабкаться на Парнасъ, и также, какъ онъ, вѣчно обрывались, ему поддакивали съ улыбкой. „Гнѣвъ Господень надъ старою грѣшницей, подумалъ я, не одобровать русскому Вавилону.“ Можетъ-быть я ошибаюсь, но бывали минуты въ моей жизни, въ которыя мнѣ казалось, что я одаренъ ясновидѣніемъ. Бывало на старомъ, на священномъ Кремль, не взгляну я безъ благоговѣнія, а тутъ смотрѣлъ на него съ ужасомъ: мнѣ чудилось, что на башняхъ его вижу я *Мане, Секелъ, Фаресъ*, тѣ страшныя слова, которыя невидимая рука огненными буквами писала на стѣнѣ во время пиршества Валтазарова.

Оставилъ я городъ, который уже въ иномъ видѣ долженъ былъ узрѣть. Въ самую минуту выѣзда моего изъ Рогожской заставы, вмѣстѣ со мною проѣхала чья-то погребальная процессія, и потомъ, странное дѣло, во всю дорогу все говорило, мнѣ о смерти, все напоминало объ ней. На станціи Мошки, близъ Мурома, захотѣлось мнѣ отдохнуть; я былъ тогда не прихотливъ и растянулся на голой лавкѣ. На ней же, повыше меня, лежало что-то длинное покрытое простыней; входя въ избу, съ просонья мнѣ показалось, что это со-

бранный холстъ. Проснувшись по утру я увидѣлъ, что это трупъ покойника, положенный подъ образа, и что я проспалъ у ногъ его. На другой станціи за Муромомъ нашель я въ почтовой избѣ вынось тѣла младенца. Далѣе за Арзамасомъ, гласъ смерти сдѣлался мнѣ какъ будто еще слышнѣе; у меня правиль лошадыми молодой, красивый парень, который такъ и заливался слезами; когда я спросиль его о причинѣ, онъ отвѣчалъ мнѣ: „Да что баринъ, у меня и руки и ноги трясутся, я себя не помню; ребята сказывали, что у меня отецъ померъ на той станціи, куда мы ѣдемъ, охъ, да кабы ты зналъ, какъ я люблю его.“ Подъѣзжая ночью къ Саранску, въ сильномъ волненіи, сквозь слезы смотрѣлъ я на чистое небо, усѣянное звѣздами; вдругъ одна отдѣлилась отъ нихъ и упала. Я упрямился, а небо не хотѣло оставить мнѣ минуты сомнѣнія. Я все это помню какъ диво, хотя очень знаю, что не для меня многогрѣшнаго могутъ твориться чудеса, и передаю это просто какъ оно было читателю: повѣрить ли онъ мнѣ или не повѣритъ, мнѣ все равно. Съ этого времени началось мое суевѣріе.

Наконецъ въ Саранскѣ безжалостный станціонный смотритель поспѣшилъ объявить мнѣ извѣстіе, къ которому болѣе недѣли я былъ приготовленъ. Не буду описывать что произошло со мною. Рано по утру, 21 февраля, привезли меня въ Пензу.

Я здѣсь останавлиюсь. Въ продолженіи немногихъ лѣтъ совершаются величайшія перемѣны въ судьбахъ нашего отечества, равно какъ и цѣлаго міра. Для меня тоже начинается новая жизнь. Не знаю, для изображенія сихъ перемѣнъ едва ли достаточно будетъ одной, послѣдующей части?
